РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН, выходит с 1976 г. 6 раз в год.

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

6

2021

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer-reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by "Electronic Scientific Library" (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

6
2021

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал.А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е.В. к.филос.н., в.н.с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л.С. д.и.н., декан исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)
Валентей С.Д. д.э.н., профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)
Дынкин А.А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН (Москва, Россия)
Кокошин А.А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М. академик РАН, руководитель научного направления "Математическая экономика" ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Торкунов А.В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И.О. д.э.н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)
Буторина О.В. д.э.н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Войтоловский Ф.Г. д.полит.н., директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Габов А.В. д.ю.н., г.н.с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Гарбузов В.Н. д.и.н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)
Глинчикова А. Г. д.полит.н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)
Дискин И.Е. д.э.н., с.н.с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)
Кондаков И.В. д.филос.н., в.н.с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)
Либман А.М. (Libman) профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана (Мюнхен, Германия)
Наумкин В.В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)
Нестик Т.А. д.психол.н., г.н.с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Паин Э.А. д.полит.н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)
Петренко В.Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Порфирьев Б.Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Ремингтон Томас Фредерик (T. Remington) профессор Гарвардского университета (Кембридж, США)
Синеокая Ю.В. д.филос.н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Тихонова Н.Е. д.социол.н., г.н.с. Института социологии РАН (Москва, Россия)
Фомин-Нилов Д.В. к.и.н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)
Хабриева Т.Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)
Чубарьян А.О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)
Яковлев А.А. к.э.н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2021
© Составление. Редколлегия журнала “Общественные науки и современность”, 2021

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082
Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049
Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.
Адрес в Интернете: https://ons-journal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS, Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitolovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Thomas F. Remington Professor of Political Science at Harvard University (Cambridge, USA)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2021

Publisher: Russian Academy of Sciences
Executor under the contract № 4У-ЭА-069-20 ООО «Integration: Education and Science» Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082
Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia. Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.
Website: https://ons-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Биссон Л. С., Лункин Р. Н. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС 7

Белов В. Б. Партийно-политические и социально-экономические последствия выборов в германский Бундестаг 24

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Логинов Д. М. Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле 40

Шипилов А. В. Труд и отношение к нему: до и после модерна 61

Солянова М. В. Пандемия COVID-19: ключевые факторы развития политики Канады в социальной сфере 73

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Гудев П. А. Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты) 91

Сунгуров А. Ю. Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития 104

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Ильинская С. Г. «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления 119

Поливач А. П. Методология количественной оценки морского потенциала различных стран 135

Блануца В. И. Интеллектуальный анализ данных в общественно-географических исследованиях 150

CONTENTS

EUROPEAN STUDIES

Lunkin R., Bisson L. The Contours of New Social and Political Cleavages in the EU Countries 7
Belov V. Party-Political and Socio-Economic Consequences of Elections to the German Bundestag 24

SOCIAL SPHERE

Loginov D. Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle 40
Shipilov A. Labor and Attitude To It: Before and After Modernity 61
Solyanova M. The COVID-19 Pandemic: Key Factors in Canada's Social Policy Development 73

POLITICS AND LAW

Gudev P. Problems of The Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects) 91
Sungurov A. The Civic Chamber of the Russian Federation: its Creation and Stages of Development 104

PROBLEMS OF METHODOLOGY

Ilinskaya S. "Civilization" As a Local Phenomenon: The First Stage of Theoretical Study 119
Polivach A. Methodology of the National Maritime Potential Quantitative Assessment 135
Blanutsa V. Intellectual Data Mining in Socio-Geographic Research 150

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 7–23
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 7–23

DOI: 10.31857/S086904990017872-1

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС[1]

© Л.С. БИССОН, Р.Н.ЛУНКИН

Биссон Любовь Сергеевна, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), lyubov.pasyakina@gmail.com

Лункин Роман Николаевич, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), romanlunkin@gmail.com

Авторы статьи, опираясь на концепцию политических размежеваний Липсета и Роккана, определяют контуры новых социально-политических разделений в странах ЕС, которые обострились вследствие череды кризисов. Данная динамика обусловлена двумя видами факторов: социально-экономическими и ценностными. Авторы выделяют и дают характеристику усиливающемуся разделению между центром (крупными городами, мегаполисами) и периферией (провинцией). В статье также рассмотрены процессы размывания среднего класса и формирования нового трудового класса в европейских странах, которые выходят за рамки классического противопоставления работодатели – наемные работники. Обозначается влияние данных расколов на ценностные ориентации граждан и на возникновение возможных новых политических конфликтов. Авторы приходят к выводу, что новые размежевания способны приводить к протестной мобилизации в странах Европейского союза. Яркими примерами такой динамики стали движение «желтых жилетов» и манифестации против карантинных мер во время пандемии COVID-19. Также вследствие формирования новых размежеваний изменятся электоральная структура и партийный ландшафт. Статья завершается кратким анализом влияния обострившихся социальных расслоений на дальнейшее развитие европейской интеграции. Отмечается, что в период коронакризиса у граждан возрос запрос на «Социальную Европу».

Ключевые слова: Европейский союз, политические размежевания, политический конфликт, глобализация, протесты, ценности, неравенство, безработица, пандемия COVID-19, популизм, «желтые жилеты»

Цитирование: Биссон Л.С., Лункин Р.Н. (2021) Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1

[1] Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783). The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of science and higher education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021, № 6. С. 7–23
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 6, pp. 7–23

The Contours of New Social and Political Cleavages in the EU Countries

© L. BISSON, R. LUNKIN

Lioubov S. Bisson, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), lyubov.pasyakina@gmail.com

Roman N. Lunkin, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), romanlunkin@gmail.com.

Abstract. Using Lipset and Rokkan's concept of political cleavages as a base, the authors identify the contours of new social and political divisions in EU countries which have been exacerbated by a series of crises. New divisions are caused by two kinds of factors: socio-economic and value-based. The authors characterize the growing gap between the center (metropolis) and the periphery (province cities and towns). The article also examines the processes of erosion of the middle class and the formation of a new working class in European countries, which go beyond the classical opposition of employers and employees. The article outlines the impact of these splits on value orientations of EU citizens and the possible emergence of new political conflicts. The authors conclude that new divides can lead to protest mobilization in the European Union, a vivid example of which was the "yellow vests" movement and demonstrations against lockdown measures during the COVID-19 pandemic. Another consequence of those divisions will be a change in the electorate structure and the transformation of the party landscape. The article concludes with a brief analysis of the significance of new social cleavages for further development of European integration. It is noted that during the coronavirus crisis citizens' demand for a "Social Europe" has increased.

Keywords: European Union, political cleavages, political conflict, globalization, protests, values, social exclusion, inequality, unemployment, COVID-19 pandemic, populism, yellow vests

Citation: Bisson L., Lunkin R. (2021). The Contours of New Social and Political Cleavages in the EU Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1 (In Russ.)

За последние 15 лет Евросоюз пережил несколько кризисов. Финансово-экономический кризис 2008 г. и миграционный 2015 г. стали серьезным испытанием внутренней солидарности наднационального объединения, а их последствия повлияли на партийно-политический ландшафт в государствах-членах, обострив проблему неравенства, бедности и безработицы в ЕС. Массовый приток ищущих убежища усилил идентистские настроения в отдельных странах.

Социально-экономические и политические кризисы последних двух десятилетий, затронув страны Евросоюза, поставили вопрос о социальном положении значительной части граждан, интересы которых правящие элиты не учитывали. Пандемия коронавируса еще сильнее обострила проблему социального неравенства и безработицы, а также многие другие угрозы, которые, казалось бы, отошли на второй план в 2020 г. (неконтролируемая иммиграция, идентичность, безопасность на фоне роста проявлений экстремизма и радикализма). Контуры социального недовольства в ЕС стали вырисовываться четче, чем в более стабильные годы. Все менее актуальными становятся традиционные политические размежевания, на смену которым приходят новые расколы, связанные с процессами глобализации и регионализации [*Ford, Jennings* 2020]. Новые размежевания отличаются тем, что они определяются не только по линии социально-классового деления, но часто связаны с культурными и ценностными факторами [*Пантин* 2019].

Отталкиваясь от концепции кливажей/размежеваний (cleavages) С.М. Липсета и С. Роккана [*Липсет, Роккан* 2004], можно выделить новые формы политических разме-

жеваний[2], которые проявились в данных опросов, в пандемийных протестах и взаимном пикировании популистов и лидеров ЕС на фоне социально-экономического кризиса. Во-первых, речь идет о конфликте между политической культурой центра (крупных городов) и периферии (провинции), который касается в основном спора о распределении ресурсов и росте социального неравенства. Во-вторых, все менее строгим становится разделение между собственниками и работодателями с одной стороны, рабочими и служащими – с другой. Чтобы определить особенности новой протестной мобилизации и возможных политических конфликтов в странах Евросоюза, необходимо выделить ключевые проблемы, на которые реагируют европейцы. В качестве индикаторов могут выступать как социально-экономические (уровень занятости и безработицы, доходы домохозяйств, доступ к базовым услугам и т.д.), так и ценностные факторы (доверие к институтам ЕС, удовлетворенность своим положением в европейском обществе, отношение к провозглашенным в ЕС в качестве базовых ценностям, к глобализации, иммиграции, гендерному равенству, интерес к «зеленой повестке»). К примеру, П. Майр отмечал, что противостояние национальных государств и брюссельской бюрократии стало новым измерением размежевания «центр-периферия» на фоне ситуации, когда оппозиция внутри ЕС как институциональной системы невозможна, а разрыв между обществом и партийным представительством увеличился. Оппозиция естественным образом возникает именно на национальном уровне, а голоса недовольных уходят популистам, так как и правый, и левый центр имеют «проевропейскую» направленность [*Katz, Mair* 1995].

Концепцию Липсета и Роккана неоднократно дополняли или переосмысляли в целом ряде работ, посвященных политическим расколам в западных обществах и их влиянию на партийные системы и выборы. Так, часть авторов сосредоточилась на вопросе о том, уменьшилось ли значение традиционных социальных размежеваний – особенно религиозных и классовых – в результате секуляризации и упадка традиционных отраслей [*Przeworski* 1985, *Norris & Inglehart* 2004]. В результате данных изменений сократились социальные группы, на которые изначально ориентировались религиозные партии и партии рабочего класса. Большинство исследователей согласны с тем, что классовое и религиозное голосование снижается, однако продолжаются споры о том, полностью ли класс и религия утратили свою роль в качестве основания для современных политических конфликтов [*Elff* 2007; *Evans, De Graaf* 2013; *Heath* 2015; *Knutsen* 2006].

Р. Форд и У. Дженнингс утверждают, что угасание традиционных размежеваний не обязательно приведет к размыванию партийных систем. Межпартийная конкуренция может реорганизоваться вокруг новых структурных расслоений, которые появились из-за демографических и экономических изменений в западноевропейских демократиях [*Ford, Jennings* 2020]. К ним относятся увеличение численности выпускников вузов, массовая миграция и растущее этническое разнообразие электората, старение общества и обострение разрыва между поколениями, а также усиление географической сегрегации населения между глобализированными крупными городами и внутренними районами.

Новая социальная динамика и протестная мобилизация

В большинстве случаев неудовлетворенность жителей разных стран ЕС своим положением анализируют сквозь призму роста популизма, представители которого используют страхи населения перед иммиграцией, представителями других религий и национальностей для того, чтобы достичь своих политических целей [*Окунева, Тэвдой-Бурмули* 2020]. Наиболее распространено определение популизма как стратегии политической борьбы,

[2] Липсет и Роккан выделяют четыре основных вида размежеваний: центр – периферия, государство – церковь, город – деревня, собственники – рабочие.

образа действия, основанного на противопоставлении «элиты» «народу», а «народа» и его культуры – «другим», «чужим» [*Осколков* 2019]. В концепции популизма также объединены все неудобные социально-политические феномены, которые западные демократии не могут объяснить [*Фишман* 2021].

Помимо риторики и стратегий популистских партий, исследователи также обращают внимание на причины мобилизации и мотивация граждан, голосующих за такие партии. Недовольство граждан, в частности, рассматривается прежде всего как иррациональный порыв, нежели как нечто с твердой почвой и мировоззренческим фундаментом. В рамках культурной теории Р. Инглхарт и П. Норрис объясняют рост возмущения в обществе естественной реакцией консервативных кругов на быстро меняющийся постмодернистский мир. Причем консерваторам старшего возраста противостоят миллениалы с либеральными постматериалистическими ценностями [*Inglehart, Norris* 2019]. Ряд исследований доказывают прямую взаимосвязь поддержки популистских партий с социально-экономической ситуацией и диспропорциями в обществе. Финансовый кризис 2008 г. и его последствия привели к усилению поддержки популистских партий в ряде стран-членов ЕС (Венгрии, Греции, Польше, Италии, Австрии и Франции). Радикализация взглядов населения может происходить на фоне усугубления безработицы, недостаточного доступа к образованию и здравоохранению, необеспеченности достойным жильем различных социальных категорий.

В 2019 г. в странах ЕС более 21% населения (92,4 млн человек) находились на грани бедности и социальной изоляции. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в семи государствах-членах: Болгарии (32,5%), Румынии (31,2%), Греции (30,0%), Италии и Латвии (27,3%), Литве (26,3%) и Испании (25,3%). Чаще риску бедности подвергаются безработные, экономически неактивные граждане и одинокие родители. По различным оценкам, до 10% работающего населения в Евросоюзе, чьи заработки не превышают 60% от медианного национального дохода[3], подвержены риску бедности. На риски бедности или социальной изоляции также влияет степени урбанизации. Более 22% населения ЕС-27, проживающего в сельской местности, были им подвержены в 2019 г. Самые высокие риски в городах были зафиксированы в Италии (29,1%; данные 2018 г.), Бельгии (28,5%) и Греции (27,3%), а самые низкие – в Чехии (11,8%) и Словакии (10,9%)[4].

Исследование, опубликованное в Международном журнале сравнительной социологии, установило, что отсутствие политики, направленной на создание рабочих мест и обучение граждан в возрасте от 15 до 34 лет, увеличивает вероятность поддержки партий популистского толка. В странах с большей долей населения на грани бедности и социальной изоляции, а также высоким уровнем безработицы поддержка популизма – особенно левого толка – как правило выше [*Bene* 2020].

Также недовольство возникает из-за недостатка демократической легитимности Евросоюза на фоне расширения его компетенций и вмешательства в повседневную жизнь людей [*Прохоренко* 2021]. Как отмечает Н.Ю. Кавешников, дисфункции ЕС особенно заметны на фоне общего кризиса неолиберальной глобалистской идеологии, что усиливает спрос на популистские и правоконсервативные политические проекты. В то же время выборы 2019 г. в Европарламент показали предел влияния этих сил [*Кавешников* 2020].

Рост поддержки популистских партий и протестных настроений в странах ЕС вследствие кризисов отражает изменение традиционной социальной структуры западных обществ, свидетельствует о размывании среднего класса и появлении новых социальных размежеваний. Довольно широкие слои населения проиграли от глобализации –

[3] Eurofound (2017). In-work poverty in the EU. Publications Office of the European Union, Luxembourg.

[4] Eurostat (2020). Living conditions in Europe - poverty and social exclusion, October 2020. (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Living_conditions_in_Europe_-_poverty_and_social_exclusion#Key_findings).

прежде всего рабочий класс и нижний средний класс, доходы которых в большинстве западных стран не росли или уменьшались [*Миланович* 2017]. Разделение проходит в том числе по линии адаптированности или неадаптированности к глобальным переменам, по линии «новой буржуазии» и размывающегося среднего класса. Социальное расслоение особенно ярко проявляется в различиях положения жителей мегаполисов и малых городов (данный феномен сам по себе носит глобальный характер). Таким образом, традиционное историческое разделение «город-село», описанное Липсетом и Рокканом в 1960-е гг., по-прежнему актуально, но приобретает новую форму и основания: «крупные города – пригороды/периферия». По данным опросов Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), по сравнению с жителями крупных городов респонденты, проживающие в пригородах, мелких городах и сельской местности, чаще придерживаются консервативных взглядов, недовольны функционированием демократии в своей стране и меньше доверяют политической системе. Одновременно они более политически активны, значительно чаще участвуя в выборах всех уровней. Социальная география совокупности малых и средних городов в будущем может серьезно повлиять на политические процессы и развитие демократии в западных обществах. Некоторые ученые считают избрание президентом США Д. Трампа и брекзит примерами культурной разобщенности крупных городов и периферии [*Scala, Johnson* 2017; *Jennings, Stoker* 2016].

Исследование новых линий политических размежеваний в 30 европейских странах свидетельствует о довольно резких различиях в отношении к миграции и глобализации между крупными городами и провинцией. Однако различия между ними по вопросам, которые традиционно лежат в основе раскола между левыми и правыми (перераспределение всеобщего благосостояния в государстве и др.), наблюдаются не столь явно [*Kenny, Luca* 2021]. Примечательно, что после финансово-экономического кризиса в европейских странах не произошло систематическое возрождение экономических конфликтов в структуре партийной конкуренции [*Kriesi, Maag* 2016]. Напротив – там, где до кризиса в партийной борьбе доминировали культурные вопросы, в кризисный период они стали еще важнее. Например, в странах ЦВЕ, где вопросы политические (связанные с коррупцией) и культурные (связанные с этнической принадлежностью и национализмом) были наиболее политизированными до кризиса, после него стали играть еще большую роль.

Одним из проявлений эволюции социально-политических размежеваний стало французское движение «желтых жилетов», которое так и не оформилось в значимую политическую силу из-за неоднородности состава протестующих, Так, люди различных профессий (мелкие и средние предприниматели, рабочие, фермеры) и взглядов («Республиканцы» и социалисты, избиратели Национального объединения и Непокоренной Франции) вышли на улицы с требованием отменить топливный налог, который сильно ударил бы по бюджету средних домохозяйств. После частичных уступок правительства «желтые жилеты» начали выступать с более широкими требованиями – не только социальными, но и политическими [*Биссон* 2019]. В то же время попытки оформить данные запросы в единую программу в преддверии общеевропейских выборов не дали результата, а, напротив, раздробили движение. Таким образом, из-за своей мозаичности «желтые жилеты» не смогли продолжать объединение, а за мобилизацией последовал процесс фрагментации политических требований.

Тем не менее, тот протестный потенциал, который вывел французов на улицы осенью и зимой 2019-2020 гг., проявил себя уже летом и осенью 2021 г., когда новые манифестации охватили Францию из-за ограничительных мер в связи с пандемией. Протесты начались после того, как правительство предложило ввести так называемый «санитарный пропуск» (passe sanitaire) на посещение общественных мест в качестве меры по борьбе с коронавирусом. Речь идет о введении запрета на посещение учреждений культуры и спортивных комплексов без сертификата о прививке, отрицательном тесте на COVID-19

или иммунитете. Закон, помимо прочего, предусматривает право отстранять от работы непривитых сотрудников и ограничивать доступ пациентов без COVID-сертификатов к неэкстренной медицинской помощи. Более 200 тыс. человек каждую субботу выходили на улицы французских городов (субботние демонстрации были анонсированы в более чем 150 городах Франции) с требованием отменить данные меры. Призывы принять участие в манифестациях исходили как от представителей правых, так и левых партий из числа оппозиционных к правящей партии президента Э. Макрона. Не исключено, что протестные настроения, связанные с пандемией, повлияют на предстоящие президентские и парламентские выборы во Франциит весной 2022 г., поколебав положение действующего главы государства и его партии – по крайней мере в первом туре. Манифестации против пропускного режима для посещения кафе, ресторанов, торговых и спортивных центров, поездов дальнего следования и других общественных мест проходят также в крупных городах Италии, Греции и других европейских стран[5]. Фактором протестной мобилизации в данном случае выступает прежде всего недоверие к политическим институтам (глава государства, правительство, парламент), которые вводят меры по борьбе с пандемией, имеющие прямые негативные социально-экономические последствия для широких слоев населения.

Как отмечают исследователи, традиционные партии «держатся» за средний класс, исходя из того, что социальная структура неизменна. Новой стратегии, ориентированной на людей с периферии, у них нет. Именно поэтому социальную базу популистов зачастую составляет низший средний класс – рабочие, фермеры, безработные [*Пархалина, Андреева и др.* 2018]. Политическое представительство интересов данных кругов общества стало одной из основных проблем в ЕС, которая не осознана до конца по сей день. Партийно-политические кризисы в странах Евросоюза свидетельствуют о том, что в период с середины 2010-х гг. ни этаблированные (традиционно устоявшиеся), ни оппозиционные партии крайне правого или левого толка, ни даже новые антиэлитарные партии не смогли аккумулировать общественные запросы, которые проявились вследствие череды кризисов [*Ivaldi* 2018]. Примечательно, что сам кризис, связанный с пандемией коронавируса, существенно не повлиял на рост рейтингов популистских партий в странах ЕС. Авторы исследования, проведенного в восьми странах (Великобритания, Франция, Италия, Испания, Германия, Венгрия, Чехия, Польша) отмечают, что в отличие от предыдущего масштабного кризиса (миграционный кризис 2015-2016 гг.), популистским партиям не удалось политизировать причины пандемии [*Bobba, Hubé* 2021]. Тем не менее ответные меры на пандемию и ее среднесрочные последствия для социальной, экономической жизни и системы здравоохранения могут стать катализатором новой волны социального недовольства, в результате чего популярность антиэлитистских партий вновь возрастет.

Социальное недовольство в Евросоюзе: новые классовые и ценностные размежевания

Как отмечает французский политический географ и социолог К. Гиллюи, исчезновение традиционного среднего класса в западных обществах – медленный и многофакторный процесс, который принимает различные формы в зависимости от национального контекста, но в основном приводит к ослаблению тех категорий, которые раньше представляли собой основу культурно-интегрированного среднего класса, оставшегося в течение двадцати последних лет как бы в тени политической борьбы [*Guilluy* 2020a, 2020b]. Тем не менее именно представители «забытого» среднего класса в последние годы стали ак-

[5] Coronavirus: Thousands protest against restrictions across Europe. 24.07.2021. Deutsche Welle. (https://www.dw.com/en/coronavirus-thousands-protest-against-restrictions-across-europe/a-58627841).

тивнее участвовать в политической жизни. Их голос – не только посредством выборов, но и благодаря различным манифестациям – все чаще раздается в странах Евросоюза. Повсеместно фермеры, мелкие государственные служащие и самозанятые голосуют за оппозиционные действующей власти партии по обе стороны политического спектра. С 2020 г. данные категории граждан выражают свои социальные требования и через антиковидный протест.

В качестве слоя общества, интересы которого не полностью представлены во властных институтах, чаще всего называют те или иные модификации рабочего класса или нового трудового класса как в широком (все наемные работники), так и в более узком понимании (люди физического труда). Численность рабочего класса как людей, занятых в промышленном производстве, неуклонно снижалась в Европе на протяжении XX в. Несмотря на деиндустриализацию, данный класс по-прежнему представляет значительную часть общества, а возврат части производств на европейскую почву, к примеру, из Китая, в перспективе может увеличить его численность

Также существуют разные трактовки того, кого в современном постиндустриальном обществе можно назвать обездоленным классом – аналогом пролетариата. В него включают людей без образования и без работы (NEET[6]) или же всех малоимущих объединяют в один «андеркласс», поскольку рабочие уже не угнетенный класс, как было в то время, когда свои работы писал К. Маркс. Большое значение на изменение представлений о социальной структуре постиндустриального и цифрового общества оказало обсуждение в 2010-е гг. концепции прекариата – нового класса (протокласса) людей с временной и неустойчивой занятостью [*Тощенко* 2019]. В категрию прекариев могут входить и люди из креативного класса, но в основном прекарная занятость сопряжена с неудовлетворенностью своей жизнью, условиями труда и самой временной профессией, а также с нерегулярным заработком [*Стэндиг* 2014]. Один из авторов концепции прекариата Г. Стэндинг даже выявил часть этого класса, которая, по его мнению, голосует за популистов в США и странах ЕС. Данную группу группу он назвал «атавистами», поскольку они оглядываются на прошлое [*Standing* 2019]. Прекариат в странах ЕС, в отличие, например, от России, не представляет собой более или менее массовую группу граждан, которая страдает от нестабильности и небольшого размера нерегулярных заработков, неучтенных и невидимых в структуре занятости. В Евросоюзе прекариат формально определяют по наличию работы по краткосрочному контракту. Соответственно, он может пересекаться и с рабочим, и со средним классом. В данном смысле это своего рода кросс-класс, и их можно выявить целый ряд в современном обществе – например, креативный класс. Важно отметить, что прекариат, который в какой-то степени численно возрос в связи с переходом многих компаний на аутсорсинг и удаленную работу во время пандемии, также может подпитывать социальное недовольство европейского общества.

Существует две основных концепции понимания рабочего класса. Классовая схема Дж. Голдторпа основана на отношениях найма и формы занятости. Под определение рабочего класса подпадают все работающие по трудовому контракту только за зарплату – квалифицированные и неквалифицированные рабочие, малообразованные технические работники, руководители низшего звена. Классификация Э. Райта исходит из категорий собственности и эксплуатации наемного труда, то есть в эксплуатируемый рабочий класс, отстраненный от внеэкономических и экономических измерений влияния, входят рабочие, полуавтономные работники и менеджеры низшего звена, которых также относят к эксплуатируемым. Ядро рабочего класса в обеих схемах составляют малоквалифицированные рабочие. В начале 2000-х гг. Европейское социальное исследование отмечало, что в 1980-х гг. к рабочему классу принадлежала одна пятая мужского населения Европы,

[6] Not in Education, Employment or Training.

но к началу 1990-х гг. численность класса уменьшилась. Исходя из концепции Голдторпа, 37,4% населения 21 страны Европы (исключая Францию), где исследование проводили в 2002 г., принадлежат к рабочему классу. Однако по концепции Райта к рабочему классу относилось 40,9% населения [*Leiulfsrud et al*. 2005].

Авторы не будут вдаваться в дискуссии об определениях «андеркласса» и рабочего класса. В целях настоящего исследования авторы остановятся на двух категориях, которые используют в «Евробарометре» и «Евростате» – рабочий класс (working class) и нижний средний класс (lower middle class). По мнению ряда ученых[7], занятый в промышленности рабочий класс в постиндустриальном обществе представляет собой часть более широкого по составу трудового класса, который включает в себя управленцев, офисных работников, малый и средний бизнес и т.д. Таким образом, новый (по широкому определению) трудовой класс, если использовать классификацию Евробарометра и Европейского социального исследования, в основном и состоит из рабочего класса и низшей части среднего класса.

Всего к рабочему и нижнему среднему классу в ЕС-27 себя относит 40% граждан (субъективный рабочий класс)[8]. Большая часть из них (50% и более) проживает в Болгарии, Греции, Испании, Венгрии, Польше, Португалии. Обсуждать будущее Европы данные классы предпочли бы со своей семьей и гражданами других стран ЕС, а не с партиями и политиками. Вопросы безработицы, социальной защиты и миграции все классы хотят решать одновременно на европейском и национальном уровнях[9], что представляет собой единый общественный запрос для выработки политики ЕС. Рабочий и нижний средний класс менее всего ассоциирует себя с Европейским союзом и даже с Европой, предпочитая национальный уровень[10].

Согласно Евробарометру, рабочий класс чаще других категорий (высший и высший средний класс) замечает недостаток социальных прав (76%). Данную категорию больше заботят условия труда, доступ к рынку труда и к качественной медицине. Климатическая повестка интересует рабочий класс меньше (19% против 29% у высшего класса), гендерное равенство беспокоит их еще слабее (10% по сравнению с 19% у высшего класса)[11].

Именно представители рабочего и нижнего среднего классов стали хуже всего жить во время пандемии (18 и 20% против 9 и 12% у высшего среднего и высшего классов, которые стали жить лучше, чем остальные). Соответственно, почти половина нового трудового класса не верит Евросоюзу (49% у рабочего класса и нижнего среднего против 28% у высшего класса), не понимает, как он работает и считает ситуацию в национальной экономике плохой (более 70%), а в европейской экономике не лучше (более 60%). Достаточно большой разрыв наблюдается в оценке ситуации с занятостью: 80% рабочего класса (и 75% нижнего среднего класса) оценивают ее как плохую, но среди высшего класса таких 44%[12]. Ситуация с доверием по отношению к ЕС по сути не изменилась с 2017 г.

---

[7] Wright E. (1980). Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure. Politics & Society. POLIT SOC. 9. 323-370. DOI: 10.1177/003232928000900303.

[8] В 2005 г. 41% респондентов в США и 44% в Британии ответили, что принадлежат к рабочим, в Германии таких было 26%, что совпало с численностью номинального рабочего класса, тогда как в Британии и США объективного рабочего класса оказалось меньше (Жвитиашвили А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 34–41).

[9] Future of Europe, Fieldwork Date, October 2020 - November 2020. March 2021 (https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2256).

[10] Standard Eurobarometer 82 Autumn 2014 EUROPEAN CITIZENSHIP REPORT. Fieldwork: November 2014. (https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2041).

[11] Special Eurobarometer 509. November - December 2020. March 2021 (https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2266).

[12] Standard Eurobarometer 94 - Winter 2020-2021. Public Opinion in the European Union (https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2355).

Идея глобализации как возможности для экономического роста не вызывает симпатий у четверти рабочих; среди них и нижнего среднего класса многие не определились с ответом (13 и 8%). Менее половины рабочих и в 2017 г. полагали, что глобализация позитивна – тогда был задан и вопрос об отношении к глобализации, который разделил рабочий класс и нижний средний класс на равные части (30-40% за и столько же против). Также категории разделились поровну при ответе на вопросы о том, можно ли назвать глобализацию угрозой или же возможностью (более 70% в высших классов глобализацию однозначно поддержали). Неоднозначно мнение и о том, защищает ли ЕС от негативных эффектов глобализации: 57% высших классах уверены, что защищает, 17 и 10% рабочих и нижнего среднего класса не знают, а 41 и 47% не согласны с данным утверждением[13]. Общая европейская политика по миграции не нравится почти четверти рабочих и нижнего среднего класса (10% рабочего класса отказались отвечать или не знают). Однако 67% рабочих поддерживают ее (против 80% в высших классах). Система предоставления убежища в ЕС вызывает смешанные чувства у всех классов, среди которых четверть опрошенных выступает против такой политики[14].

Согласно опросам Евробарометра, именно представители трудового класса больше всего недовольны бесконтрольной иммиграцией и вторжением зарубежной рабочей силы. Они не доверяют глобализации, институтам ЕС, а больше всего не верят партиям. Однако в отношении целого ряда либеральных ценностей (норм политкорректности) трудовой класс расколот почти поровну. Он настроен вполне оптимистично в отношении единства Европы и уже достигнутых преимуществ общего рынка, услуг, отсутствия границ – несмотря на свои сомнения в структурах ЕС. Социальное недовольство и его база, таким образом, размывается по мере расширения проблематики.

Проведенное в 2010-е гг. исследование об участии представителей разных социальных классов в демонстрациях и других публичных акциях в странах ЕС достаточно ясно показало мировоззренческий раскол. Рабочий класс меньше всего интересуют проблемы климата, гендерного равенства и права меньшинств. Данная часть общества наиболее активно принимает участие в манифестациях по вопросам безработицы, оплаты труда, защиты демократии в целом. Больше всего ценностей либеральной демократии придерживаются представители высшего среднего класса, который поддерживает «зеленую экономику», защиту прав различных меньшинств, открытость иммиграционной политики. Согласно анализу мнений участников разных акций в соответствии с их профессиональной принадлежностью, те же вопросы менее всего волнуют рабочих на производстве и технических служащих, а больше всего – менеджеров среднего звена и студентов, людей творческих специальностей [*Hylmö, Wennerhag* 2012].

Социальное недовольство в ЕС концентрируется в наибольшей степени в среде рабочего и нижнего среднего класса, которые в одинаковой степени не удовлетворены последствиями глобализации, иммиграции, в меньшей степени привержены неолиберальным ценностям, больше всего озабочены социальным неравенством и безработицей.

Запрос на «Социальную Европу»

Коронакризис не создал, а скорее ускорил и усилил социально-экономические тенденции, которые наблюдались еще с интенсификации интеграционных процессов в странах Западной Европы полвека назад. Интеграция рынков в 1960-е гг. и мировой кризис конца 1970-х гг. привели к резкому росту безработицы, а также к закрытию не только мелких

[13] Designing Europe's future Fieldworkю April 2017 - April 2017 (https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2173).

[14] Standard Eurobarometer 94. Winter 2020 – 2021., Europeans' opinions about the European Union's priorities. Report Fieldwork: February-March 2021.

и средних, но и крупных предприятий в странах ЕЭС. Социально-экономическая дестабилизация тех лет поставила перед национальными правительствами и наднациональными органами задачу возобновить экономический рост и добиться социальной стабильности [*Борко* 1975, 1986]. Последствия мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., который обернулся кризисом суверенного долга для ЕС и серьезным испытанием для экономического и валютного союза (ЭВС), потребовали структурных реформ, довольно жестких с точки зрения социального измерения. Сокращение социальных расходов, пенсионные реформы, повышение ряда налогов одновременно с резким ростом безработицы, особенно среди молодежи, вызвали в 2010-е гг. не только волну общественных протестов, но и привели к росту евроскептических настроений, которые усилил кризис беженцев 2015 г. и выход Великобритании из ЕС.

Продолжающаяся пандемия COVID-19 также значительно влияет на все аспекты жизни в странах ЕС – от здоровья населения, экономической и социальной стабильности до состояния окружающей среды. Последствия пандемии еще не до конца очевидны, но краткосрочные данные, собранные Евростатом и опубликованные в Европейской статистической панели восстановления[15], в какой-то степени указывают на то, как пандемия и меры борьбы с ней воздействуют на ЕС. Коронакризис выявил существующее неравенство практически во всех странах-членах Евросоюза. Технологические инновации и финансовая глобализация, в частности, привели к неравенству внутри стран, при котором более успешными оказываются люди с определенными навыками или накопленным богатством. Данная динамика лишь усиливается с кризисами [*Bubbico and Freytag* 2018]. Пандемия коронавируса ухудшила социально-экономическое положение домохозяйств с низким уровнем дохода. Потеря заработка, проблемы потребления (например, рост цен и расходов на здравоохранение) и перебои в предоставлении услуг могут непропорционально сильно повлиять на домохозяйства с низким уровнем дохода и иметь ряд долгосрочных последствий – например, для возможностей человека делать сбережения, следить за здоровьем или вкладывать в образование детей[16]. Данные факторы усугубляют неравенство в долгосрочной перспективе. В целом можно сказать, что от последствий карантинных мер пострадали самые различные и многочисленные категории граждан стран Евросоюза (новый трудовой класс). Положение сельских районов, которые более подвержены высокому риску бедности из-за оттока населения и ограниченного доступа к услугам, инфраструктуре, рынкам труда и возможностям получения образования, также усугубилось во время пандемии.

Кризис COVID-19 создал чрезвычайную необходимость для правительств защищать рабочие места и доходы населения, например, с помощью схем кратковременной работы. Однако степень мер поддержки сильно отличаются по странам-членам ЕС из-за существующих диспропорций. Некоторые государства могут помогать населению и бизнесу только благодаря финансовому участию и бюджетным средствам Евросоюза. В качестве мер поддержки стран-членов Еврокомиссия, например, смягчила правила государственной помощи предприятиям и трудящимся. Также в связи с кризисом Евросоюз перераспределит 37 млрд евро в рамках политики сплочения и приостановит действие Пакта стабильности, чтобы государства-члены могли отступать от бюджетных правил в условиях пандемии [*Кондратьева* 2020]. Для снижения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях был введен Европейский инструмент SURE[17], который позволяет предоставлять кредиты в целях финансирования схем кратковременной работы и аналогичных мер, в частности,

[15] Eurostat. European Statistical Recovery Dashboard. (https://ec.europa.eu/eurostat/cache/recovery-dashboard).

[16] European Commission (2020)ю Employment and Social Developments in Europe 2020. Leaving no one behind and striving for more: Fairness and solidarity in the European social market economy. (https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=23033&langId=en).

[17] Council Regulation (EU). 2020/672. 19 May 2020.

для самозанятых. К концу 2020 г. в рамках данного инструмента утвердили финансовую поддержку на общую сумму 90,3 млрд евро в 18 государствах-членах.

Примечательно, что в период коронакризиса возросло доверие граждан ЕС к наднациональным институтам. Европейское население больше верит совместной организации, инструментарию и координации солидарности ЕС, чем разовой, индивидуальной и двусторонней поддержке на уровне стран. В 2020 г. на вопрос «В какой Европе Вы хотели бы жить?», 37% респондентов ответили, что предпочли бы жить в Европе, которая защищает европейский образ жизни и благосостояние от внутренних и внешних угроз. На втором месте по привлекательности оказалась «глобальная Европа», которая лидирует в вопросах климата, прав человека и глобального мира. Далеко позади остался образ ЕС как проекта экономической интеграции, рыночной конкуренции и фискальной дисциплины (15%) [*Cicchi et al.* 2020].

Однако общее одобрение деятельности Евросоюза не станет прочным основанием для социальной стабильности в нем. Желая сохранить те преимущества, которые уже достигнуты, граждане, как и сам ЕС, скорее находятся в поиске идеи обновленной Европы. Как отмечает О.В. Буторина, после создания ЭВС в Европейском союзе возник идеологический вакуум [*Буторина* 2012]. Экономическая интеграция сама по себе уже не представляет для граждан Евросоюза весомую значимую цель. Взаимосвязь интеграции рынков и роста благосостояния для новых поколений граждан ЕС уже не столь очевидна. Идеи неолиберализма все чаще критикуют не только левые, но и крайне правые партии как внутри стран-членов, так и в Европарламенте.

Еврокомиссия под руководством У. фон дер Ляйен решила восполнить идейный вакуум, предложив новую стратегическую цель дальнейшего развития Евросоюза по пути «двойного» перехода к цифровой и зеленой экономике. Однако на фоне усугубления социально-экономических проблем – особенно в условиях пандемии COVID-19 – данная цель пока не способна сплотить население стран-членов и убедить профсоюзы и представителей бизнеса платить за такой переход рабочими местами или дополнительными вложениями. Кроме того, подобная трансформация может негативно сказаться на положении домохозяйств и наиболее уязвимых слоев общества. Так, предложение Европейской комиссии в рамках пакета «Fit for 55»[18] включает в себя создание новой схемы торговли квотами на выбросы углерода для автомобильного транспорта и зданий.[19] Арендаторы, пассажиры, владельцы малого бизнеса и потребители столкнутся с ростом расходов на энергию и транспорт без реальной возможности перейти на альтернативные источники энергии в краткосрочной перспективе.

Коронакризис корректирует курс на зеленую и цифровую экономику. Первоочередной целью Евросоюза становится обеспечение социальной и экономической стабильности. Сгладить возможные негативные последствия не только экономического кризиса и зеленого перехода, но и дополнить *raison d'être* ЕС в глазах граждан может социальная политика и сфера здравоохранения. Именно по такому пути сейчас идет Еврокомиссия под руководством У. фон дер Ляйен. По данным опросов, двумя главными причинами для обеспокоенности европейцы считают проблемы здравоохранения и ухудшение экономической ситуации.[20] Одновременно 9 из 10 респондентов отмечают, что для них важна социальная Европа.[21] 74% респондентов полагают, что на наднациональном уровне надо

[18] Пакет из 13 законодательных предложений по реализации климатической стратегии Европейского союза «Зеленый курс».

[19] Critics warn carbon price proposal would exacerbate energy poverty. EURACTIV. (https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/critics-warn-carbon-price-proposal-would-exacerbate-energy-poverty).

[20] Special Eurobarometer 509 on social issues, March 2021

[21] Eurobarometer (2021). Special Eurobarometer 509: Social issues: https:// data.europa.eu/euodp/da/data/dataset/S2266_94_2_509_ENG

предпринимать больше действий, чтобы обеспечить достойные условия труда, соблюдение прав и борьбу с бедностью. Возрождение «Социальной Европы» связано не только с рядом объективных социально-экономических причин – рост безработицы, уровень бедности и т.п. – но и политически обусловлено желанием снизить роль евроскептицизма и сократить возможную базу для поддержки популистских партий.

Для большинства европейцев пандемия стала поводом заявить о своих социальных правах, интересах, нуждах. Пока остается открытым вопрос о том, насколько их интересы отразят программы партий и ЕС.

* * *

Пандемия коронавируса сама по себе привнесла мало что нового в мировоззренческом плане, но она заставила как ученых, так и политиков по-новому оценить предыдущие кризисы. Однако разделения, которые возникли в западном мире в последнее десятилетие, стали очевидным фактом. Их игнорирование может привести к более глубокому кризису – в том числе и ЕС как объединения. На политические процессы в странах Евросоюза влияют новые формы социальных размежеваний между политической культурой центра (крупных городов) и периферии (провинций), а также между представителями рабочего и низшего среднего классов с одной стороны и высшим средним классом – с другой. Социальное недовольство и протестная мобилизация, вызванные социально-экономическими причинами и ценностными факторами, требуют не только адекватных мер от действующих правительств, но и обновления программных положений политических партий о будущем посткризисной Европы. Если идейные и социальные требования недовольных положением дел в ЕС – расширение социальных прав, повышение занятости и уровня жизни, ограничение миграции – не будут учтены, классовый и ценностный раскол в самом Союзе лишь усугубится, а недоверие к институтам ЕС усилится. В таком случае противоречие между единым Евросоюзом и суверенитетом национальных государств будет только расти. Социальное недовольство 2020-х гг. и углубление неравенства в обществе уже сейчас приводят к политическим изменениям. Традиционализм рабочего и части среднего класса стал не только естественной реакцией на глобализацию, но и платформой для выражения экономических интересов (прежде всего протекционизма в разных сферах, недовольства по отношению к единой валюте или политике иммиграции). Новые размежевания меняют состав электората не только традиционных умеренных партий, но и партий крайнего толка, а также популистов. Согласно классической теории кливажей/размежеваний Липсета и Роккана, в долгосрочной перспективе данная динамика может привести к институционализации протеста и появлению новых партий. Если учитывать фрагментацию требований и ценностных предпочтений, а также размывание границ политических расхождений между различными категориями, более вероятным представляется сценарий адаптации существующих партий к новым размежеваниям. В дальнейшем они будут учитывать такие расколы в своих предвыборных платформах.

Стратой, которая будет менять социально-политическую жизнь, будет новый трудовой класс. Его составят представители традиционного рабочего и нижнего среднего классов, интересы которых в партийно-политических программах учтены в наименьшей степени. Соответственно, исходя из интересов нового трудового класса, постепенно политикам придется менять свое мировоззрение в сторону большего внимания к социальным вопросам и к внутренним национальным проблемам в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биссон Л. (2019) «Движение «желтых жилетов»: значение для Франции» // Аналитические записки ИЕ РАН. №10 (№161). (https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an161.pdf).

Борко Ю.А. (1975) Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М.: Наука. 302 с.

Борко Ю.А. (1984) Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма. М.: Наука. 256 с.

Буторина О.В. (2012) Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. №12. С. 98–115.

Кавешников Н. Ю. (2020) Интеграция и дезинтеграция в Европейском союзе: сценарии развития. Кризис и пост-кризис: люди, институты, практики. Сборник статей Междисциплинарной научной онлайн-конференции, Тюмень, 19–22 июня 2020 года. Тюмень: Тюменский государственный университет. С. 40–46.

Кондратьева Н.Б. (2020) Единый внутренний рынок: реакция на COVID-19 // Европейский союз: факты и комментарии. №100. С.35–37.

Липсет С., Роккан С. (2004) Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. №4. С. 204–234.

Лункин Р., Филатов С. (2019) Борьба «за» и «против» идентичности во внутриполитических процессах // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63, № 9. С. 50–60. DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60.

Миланович Б. (2017) Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. Пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара. 336 с.

Осколков П.В. (2019) Правый популизм в Европейском союзе. М.: Ин-т Европы РАН. 164 с.

Пантин В.И. (2019) Политические размежевания и расколы в современных обществах // Южно-Российский журнал социальных наук. Т. 20. № 3. С. 28–40.

Пархалина Т.Г., Андреева Т.Н. и др. (2018). Политические партии перед новыми вызовами: опыт Западной Европы и России: методический семинар центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН // Актуальные проблемы Европы. №4. С. 235–268.

Н.К. Капитонова, И.Э. Магадеев, В.О. Печатнов и др. (2020) Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. Под редакцией Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет. 404 с.

Прохоренко И.Л. (2021) Феномен левого популизма в Испании // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 13. № 2. С.62–86. DOI: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86.

Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.

Тощенко Ж. Т. (2019) Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.

Фишман Л.Г. (2021) «Пустой знак»: концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика.Т. 13. № 2. С. 13–32. DOI: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32

Akaliyski P., Welze C., Hien J. (2021) A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union // Journal of European Integration. DOI: 10.1080/07036337.2021.1956915.

Bene M. (2020). Does Context Matter? A Cross-Country Investigation of the Effects of the Media Context on External and Internal Political Efficacy // International Journal of Comparative Sociology. No. 61(4). P. 264–286.

Bobba G., Hubé N. (2021) Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe. L.: Palgrave Macmillan. 144 P.

Bubbico R. L., Freytag L. (2018) Inequality in Europe. Luxembourg: European Investment Bank. 50 P.

Cicchi L., Genschel Ph., Hemerijck A., Nasr M. (2020) EU solidarity in Times of Covid-19. Policy Briefs. 2020/34. European Governance and Politics Programme (http://europeangovernanceandpolitics.eui.eu/wp-content/uploads/sites/4/2020/09/EU-solidarity-in-times-Covid-19.pdf).

Elff M. (2007) Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: the Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited // Perspectives on Politics. Vol. 5. Issue 2. P. 277–94.

Evans G., De Graaf ND. (2013) Political Choice Matters: Explaining the Strength of Class and Religious Cleavages in Cross-National Perspective. Oxford: Oxford University Press. 416 P.

Ford R., Jennings W. (2020) The Changing Cleavage Politics of Western Europe // Annual Review of Political Science. Vol. 23. P. 295–314.

Guilluy C. (2020a) Le temps des gens ordinaires. Paris: Flammarion. 218 P.

Guilluy C. (2020b) No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. Paris: Flammarion. 242 P.

Heath O. (2015) Policy Representation, Social Representation and Class Voting in Britain // British Journal of Political Science. Vol. 45. Issue 1. P. 173–93.

Hylmö A., Wennerhag M. (2012). Does Class Matter in Protests? Social Class, Attitudes Towards Inequality, and Political Trust in European Demonstrations in a Time of Economic Crisis. 2012 SISP Conference. (https://www.researchgate.net/publication/260619114_Does_class_matter_in_protests_Social_class_attitudes_towards_inequality_and_political_trust_in_European_demonstrations_in_a_time_of_economic_crisis).

Inglehart R., Norris P. (2019) Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press. 564 P.

Ivaldi G. (2018). Populisme et choix électoral: Analyse des effets des attitudes populistes sur l'orientation du vote.Revue française de science politique. No. 68. P. 847–872.

Jennings W., Stoker G. (2016) The Bifurcation of Politics: Two Englands // The Political Quarterly. No. 87. P. 372–382.

Katz P., Mair P. (1995) Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party // Party Politics. Vol. 1. N 1. P. 5–28.

Kenny M., Luca D. (2021) The Urban-Rural Polarisation of Political Disenchantment: An Investigation of Social and Political Attitudes in 30 European countries // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. Volume 14, Issue 3. P. 565–582.

Kriesi H., Maag, S. (2016). Politicisation, Conflicts and the Structuring of the EU Political Space // In: S. Hutter, E. Grande, & H. Kriesi (Eds.). Politicising Europe: Integration and Mass Politics. Cambridge: Cambridge University Press, P. 207–239.

Knutsen O. (2006) Class Voting in Western Europe: A Comparative Longitudinal Study. Lanham: Lexington Books.

Leiulfsrud H., Bison I., Jensberg H. (2005) Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3. Norwegian University of Technology and Science, Norway and Department of Sociology and Social Research University of Trento, Italy. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd. (http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_social_class.pdf).

Lind M. (2020) The New Class War. Saving Democracy from Managerial Elite. Portfolio. P. 224.

Przeworski A. (1985) Capitalism and Social Democracy. Cambridge: Cambridge University Press. 280 P.

Scala D. J., Johnson K. M. (2017) Political Polarization Along the Rural-Urban Continuum? The Geography of the Presidential Vote, 2000–2016 // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. No. 672. P. 162–184.

Standing G. (2019) A New Class For a New Age: the Dawn of the "Precariat" // Friends of Europe. 17.09.2019. (https://www.friendsofeurope.org/insights/a-new-class-for-a-new-age-the-dawn-of-the-precariat).

Wright E. (1980). Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure // Politics & Society. No 9. P. 323–370.

REFERENCES

Akaliyski P., Welze C., Hien J. (2021) A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union. *Journal of European Integration*. DOI: 10.1080/07036337.2021.1956915.

Bene, M. (2020). Does Context Matter? A Cross-Country Investigation of the Effects of the Media Context on External and Internal Political Efficacy. *International Journal of Comparative Sociology*. no. 61(4), pp. 264–286.

Bobba G., Hubé N. (2021) *Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe*. London: Palgrave Macmillan. 144 p.

Bubbico R. L., Freytag L. (2018) *Inequality in Europe*. Luxembourg: European Investment Bank. 50 p.

Cicchi L., Genschel Ph., Hemerijck A., Nasr M. (2020) EU Solidarity in Times of Covid-19. Policy Briefs. 2020/34. European Governance and Politics Programme (http://europeangovernanceandpolitics.eui.eu/wp-content/uploads/sites/4/2020/09/EU-solidarity-in-times-Covid-19.pdf).

Bisson L. (2019) Dvizhenie «zhjoltyh zhiletov»: znachenie dlja Francii [The Movement of "Yellow Vests": The Meaning for France]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. no. 10 (161). URL: (https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2019/an161.pdf).

Borko J.A. (1975) *Zapadnaja Evropa: social'nye posledstvija kapitalisticheskoj integracii* [Western Europe: the Social Consequences of the capitalist Integration]. Moscow: Nauka. 302 p.

Borko J.A. (1984) *Jekonomicheskaja integracija i social'noerazvitie v uslovijah kapitalizma* [Economic Integration and Social Development in the Conditions of Capitalism]. Moscow: Nauka. 256 p.

Butorina O.V. (2012) Prichiny i posledstvija krizisa v zone evro [The Reasons and Consequences of the Crisis in the Euro Zone]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 98–115.

Elff M. (2007) Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: the Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited. *Perspectives on Politics*. vol. 5, issue 2, pp. 277–94

Evans G., de Graaf N.D. (2013) *Political Choice Matters: Explaining the Strength of Class and Religious Cleavages in Cross-National Perspective*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.

Fishman L.G. (2021) "Pustojznak": koncept "populizma" v sovremennompolitologicheskommejnstrime ["Empty Sign": the Concept of "Populism" in the Contemporary Political Mainstream]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. vol. 13, no. 2. pp. 13–32. DOI: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32.

Ford R., Jennings W. (2020) The Changing Cleavage Politics of Western Europe. *Annual Review of Political Science*. vol. 23, pp. 295–314.

Guilluy C. (2020a) *Le temps des gens ordinaires*. Paris: Flammarion. 218 p.

Guilluy C. (2020b) *No Society. La fin de la classe moyenne occidentale*. Paris: Flammarion. 242 p.

Heath O. (2015) Policy Representation, Social Representation and Class Voting in Britain. *British Journal of Political Science*. vol. 45, issue 1, pp. 173–93.

Hylmö A., Wennerhag M. (2012). *Does Class Matter in Protests? Social Class, Attitudes Towards Inequality, and Political Trust in European Demonstrations in a Time of Economic Crisis*. 2012 SISP Conference. (https://www.researchgate.net/publication/260619114_Does_class_matter_in_protests_Social_class_attitudes_towards_inequality_and_political_trust_in_European_demonstrations_in_a_time_of_economic_crisis).

Inglehart R., Norris P. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 564 p.

Ivaldi G. (2018). Populisme et choix électoral: Analyse des effets des attitudes populistes sur l'orientation du vote. *Revue française de science politique*. no. 68, pp. 847–872.

Jennings W., Stoker G. (2016) The Bifurcation of Politics: Two Englands. *The Political Quarterly*. no. 87, pp. 372–382.

Kaveshnikov N.J. (2020) Integracijaidezintegracija v Evropejskomsojuze: scenariirazvitija. Krizisi post-krizis: ljudi, instituty, praktiki [Integration and Disintegration in the EU: Scenarios of the Development]. *Sbornik statej Mezhdisciplinarnoj nauchnoj onlajn-konferencii, Tyumen', 19–22 iunja 2020 goda*. Tyumen': Tyumenskij gosudarstvennyy universitet. pp. 40–46.

Katz P., Mair P. (1995) Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party. *Party Politics*. vol. 1, no. 1, pp. 5–28.

Kenny M., Luca D. (2021) The Urban-Rural Polarisation of Political Disenchantment: An Investigation of Social and Political Attitudes in 30 European countries. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Volume 14, Issue 3. P. 565–582.

Kriesi H., Maag, S. (2016). Politicisation, Conflicts and the Structuring of the EU Political Space. In: S. Hutter, E. Grande, & H. Kriesi (Eds.). *Politicising Europe: Integration and Mass Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 207–239.

Kapitonova N.K., Magadeev I.J., Pechatnov V.O., etc. (2020) *Pravyj populizm: global'nyj trend iregional'nye osobennosti* [Right Populism: global trend and regional features]. Ed(s): L.S. Okuneva, A.I. Tjevdoj-Burmuli. M.: MGIMO-Universitet. 404 p.

Kondrat'eva N.B. (2020) Edinyj vnutrennij rynok: reakcija na COVID-19 [The United Domestic Market: Reaction to COVID-19]. *Evropejskij Sojuz: fakty i kommentarii*. no. 100, pp. 35–37.

Knutsen O. (2006) *Class Voting in Western Europe: A Comparative Longitudinal Study*. Lanham: Lexington Books.

Lipset S., Rokkan S. (2004) Struktury razmezhevanij, partijnye sistemy i predpochtenija izbiratelej. Predvaritel'nye zamechanija [The Structures of the Divisions, Party Systems and the Preferences of the Voters. Preliminary Kemarks]. *Politicheskaya nauka*. no. 4, pp. 204–234.

Lunkin R., Filatov S. (2019) Bor'ba "za" i "protiv" identichnosti vo vnutripoliticheskih processah [Fight "For" and "Against" Identity in Inner Political Processes: a Conflict between "New Liberals" and Traditionalists]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. vol. 63, no. 9, pp. 50–60. DOI: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60.

Leiulfsrud H., Bison I., Jensberg H. (2005) Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3. Norwegian University of Technology and Science, Norway and Department of Sociology and Social Research University of Trento, Italy. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd (http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_social_class.pdf).

Lind M. (2020) *The New Class War. Saving Democracy from Managerial Elite*. Portfolio. 224 p.

Milanovich B. (2017) *Global'noe neravenstvo. Novyj podhod dlja jepohi globalizacii* [The Global Inequality. New Approach for the Globalization Epoch]. Per. s angl. D. Shestakova. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. 336 p.

Oskolkov P.V. (2019) *Pravyj populizm v Evropejskomsojuze* [The right populism in the EU]. Moscow: Institute Evropy RAN. 164 p.

Pantin V.I. (2019) Politicheskie razmezhevanija i raskoly v sovremennyh obshhestvah [Political Delimitations and Splits in the Contemporary Societies]. *Yuzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. vol. 20, no. 3, pp. 28–40.

Parhalina T.G., Andreeva T.N., etc. (2018). Politicheskie partii pered novymi vyzovami: opyt Zapadnoj Evropy i Rossii: metodicheskij seminar centra nauchno-informacionnyh issledovanij global'nyh i regional'nyh problem INION RAN [Political Parties in the Front of the New Challenges: The Experience of the Western Europe and Russia]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. (4), pp. 235–268.

Prohorenko I.L. (2021) Fenomen levogo populizma v Ispanii [Phenomenon of the Left Populism in Spain]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. vol. 13, no. 2, pp .62–86. DOI: https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-62-86.

Przeworski A. (1985) *Capitalism and Social Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.

Toshhenko Zh.T. (2019) Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovanija issledovanija [Phenomenon of the Precariat: Theoretical and Methodological Basics of the Research]. *Sociologicheskie issledovanija*. no. 9, pp. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.

Scala D. J., Johnson K. M. (2017) Political Polarization Along the Rural-Urban Continuum? The Geography of the Presidential Vote, 2000–2016. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. no. 672, pp. 162–184.

Stjending G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [Precariat: New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.

Standing G. (2019) A New Class For a New Age: the Dawn of the "Precariat". *Friends of Europe*. 17.09.2019. (https://www.friendsofeurope.org/insights/a-new-class-for-a-new-age-the-dawn-of-the-precariat).

Wright E. (1980). Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure. *Politics & Society*. no. 9, pp. 323–370.

Информация об авторе

Биссон Любовь Сергеевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. Email: lyubov.pasyakina@gmail.com

Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, заместитель директора Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, главный редактор журнала «Современная Европа». Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. E-mail: romanlunkin@gmail.com

About the authors

Lioubov S. Bisson, Candidate of Sciences (Political science), Senior Research Fellow, Department for European Integration Studies, Institute of Europe RAS. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: lyubov.pasyakina@gmail.com

Roman N. Lunkin, Doctor of Sciences (Political science), Senior Research Fellow, Head of the Center for Religions and Society Studies, Institute of Europe RAS, Editor-in-chief, «Contemporary Europe». Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: romanlunkin@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 28.09.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 24–39
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 24–39

DOI: 10.31857/S086904990017879-8

Оригинальная статья / Original Article

Партийно-политические и социально-экономические последствия выборов в германский Бундестаг

© В.Б. БЕЛОВ

Белов Владислав Борисович, Институт Европы РАН (Москва, Россия),
belov@instituteofeurope.ru

Статья посвящена итогам очередных выборов в Бундестаг, которые ознаменовали окончание эпохи правления Ангелы Меркель, а также отразили продолжение непростых партийно-политических и социально-экономических процессов в неформальном лидере Евросоюза. Основное внимание уделяется исследованию особенностей предвыборных кампаний этаблированных партий и поиска путей дальнейшего развития Германии в условиях актуальных вызовов для экономики и политики, среди которых последствия коронакризиса, влияние энергетического и цифрового перехода к климатически нейтральной экономике, а также сложная международная ситуация. На основе оригинальных источников автор анализирует причины победы СДПГ и поражения блока ХДС/ХСС, итоги переговоров социал-демократов с Зелеными и либералами, содержание коалиционного соглашения с точки зрения перспектив развития внутренней и внешней политики и экономики основного партнера России на западе евразийского континента. Делается вывод об отсутствии прорывных идей, продолжении начатого прошлым правительством курса на безуглеродное народное хозяйство и усиление роли ФРГ в Европе и мире, для которого в силу компромиссного характера коалиционных договоренностей будут имманентны конфликты и проблемы в достижении поставленных целей.

Ключевые слова: Германия, ФРГ, Евросоюз, ЕС, Россия, выборы, Бундестаг, климатически нейтральная экономика, дигитализация, энергетическая трансформация, внешняя политика

Цитирование: Белов В.Б. (2021) Партийно-политические и социально-экономические последствия выборов в германский Бундестаг // Общественные науки и современность. № 6. С. 24–39. DOI: 10.31857/S086904990017879-8

Party-Political and Socio-Economic Consequences of Elections to the German Bundestag

© V. BELOV

Vladislav B. Belov, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia), belov@instituteofeurope.ru

Abstract. The article examines the results of the last Bundestag elections. They marked the end of the Angela Merkel era and reflected the continuation of difficult party-political and socio-economic processes in the informal leader of the European Union. The main attention of the research focuses on the peculiarities of the election campaign of the leading parties and of the search for ways of further development of Germany in the face of urgent economic and political challenges. These challenges include the impact of the coronavirus crisis, the impact of the energy and digital transition to a climate-neutral economy, and the complex international situation. Based on original sources, the author analyzes the causes of the SPD victory and the CDU/CSU bloc defeat, the results of the negotiations of the Social Democrats with the Greens and Liberals, the content of the coalition agreement from the point of view of the prospects for the development of domestic and foreign policy and the economy of Russia's main partner in the west of the Eurasian continent. The conclusion is made about the absence of breakthrough ideas, the consistent continuation of the course started by the previous government for a carbon-free economy and the strengthening of the role of Germany in Europe and the world. For this course, conflicts and problems in achieving the set goals will be immanent due to the compromising nature of the coalition agreements.

Keywords: Germany, European Union, EU, Russia, elections, Bundestag, climate neutral economy, digitalization, energy transformation, foreign policy

Citation: Belov V. (2021) Party-Political and Socio-Economic Consequences of Elections to the German Bundestag. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 24–39. DOI: 10.31857/S086904990017879-8 (In Russ.)

Прошедший 2021 г. был назван в Германии «Годом супервыборов». Помимо выборов в Бундестаг граждане пяти федеральных земель в марте[1], июне[2] и сентябре[3] проголосовали за новые составы земельных парламентов – ландтагов. Ход и содержание предвыборных кампаний отразили состояние дел в этаблированных партиях, к которым относятся ХДС и ХСС (состоящие в одном союзе), СДПГ, «Союз 90/Зеленые», СвДП, «Альтернатива для Германии» и «Левая». Они представлены на уровне федерального и в большинстве земельных парламентов. В немецкой и отечественной научной литературе уже появились работы, в которых авторы оценивают прошедшие выборы и предвыборные кампании [*Белов* 2021a, b; *Васильев* 2021a, b; *Мельникова* 2021; Выборы 2021; *Стратиевский* 2021; *Хорольская* 2021a,b; *Heller* 2021; *Korte* 2021; *Pornschlegel* 2021; *Sokolov* 2021 и др.]. По объективным причинам в данных исследованиях не были учтены результаты переговоров коалиционеров, которые завершились только в конце ноября 2021 г. подписанием коалиционного договора, избранием девятого в истории ФРГ федерального канцлера и формированием нового трехпартийного правительства в первой декаде декабря 2021 г. В настоящей статье автор, восполняя этот пробел, анализирует итоги «Года супервыборов» и прогнозирует дальнейшее партийно-политическое и социально-экономическое развитие ФРГ, включая перспективы российско-германского сотрудничества.

[1] 14 марта 2021 г. в Рейнланд-Пфальце и Баден-Вюртемберге.

[2] 6 июня 2021 г. в Саксонии-Ангальте.

[3] 26 сентября 2021 г. в Мекленбурге-Передней Померании и Берлине. Намеченные на этот день досрочные выборы в Тюрингии были отменены и состоятся согласно закону в 2024 г.

Особенности предвыборной кампании в Бундестаг

Политической традицией ФРГ до 2021 г. была борьба между двумя народными партиями (союзом ХДС/ХСС и СДПГ) за пост федерального канцлера и право выбора в случае победы коалиционного партнера с последующим формированием кабинета министров. В предвыборной кампании ведущая роль отводилась кандидату на пост будущего главы правительства, который, как правило, существенно влиял на формирование электоральных предпочтений граждан. Другие партии боролись за места в парламенте и за право стать возможным участником будущего правительства, выдвигая своих ключевых кандидатов (Spitzenkandidaten), которые олицетворяют идейные партийные установки.

Прошедшая избирательная кампания внесла ряд особенностей в сложившиеся десятилетиями традиции. Впервые в истории одна из малых партий – «Союз 90/Зеленые» – выдвинула своего кандидата на пост канцлера, заявив об амбициях на победу в борьбе за места в Бундестаге. Одновременно одна из народных партий – СДПГ – имея невысокий рейтинг и предполагая грядущее поражение, хотела отказаться от такой номинации. Тем не менее, в борьбу за место будущего главы правительственной коалиции в итоге включилось три кандидата, которые оказались в данном списке не благодаря, а скорее вопреки политическим смыслу и предпосылкам.

В первую очередь это касается социал-демократов, которые еще осенью 2017 г. после сокрушительного поражения на федеральных выборах заявили об уходе в оппозицию, однако по просьбе федерального президента Ф.-В. Штайнмайера были вынуждены изменить свое решение и вновь войти в коалицию со своим основным политическим конкурентом – союзом ХДС/ХСС – в марте 2018 г.

Руководство СДПГ не смогло предложить эффективные пути вывода партии из кризиса, и в декабре 2019 г. его переизбрали. Новыми сопредседателями стали Н. Вальтер-Борьянс и З. Эскен, которые обошли в голосовании действующего вице-канцлера и министра финансов О. Шольца, претендовавшего на этот пост вместе со своей коллегой К. Гейвитц. Именно он уже в январе 2020 г. заявил о своих амбициях стать кандидатом на пост федерального канцлера на выборах 2021 г., что вызвало недоумение среди товарищей по партии. Несмотря на крайне низкий рейтинг СДПГ (летом 2020 г. он составлял около 14%), О. Шольц смог убедить партийное руководство выдвинуть его кандидатуру [Выборы 2021]. Таким образом, социал-демократы первыми заявили о своей формальной цели стать победителями, которую в то время никто не воспринял всерьез.

Непростая ситуация сложилась и в ХДС. В конце октября 2018 г. о своем уходе с позиции председателя партии (в конце года) и в целом из политики (после окончания текущего 19-го легислатурного периода) заявила А. Меркель. В декабре 2018 г. партийный съезд по рекомендации Меркель избрал новым руководителем ХДС А. Крамп-Карренбауэр (АКК), которая с незначительным перевесом опередила Ф. Мерца. Однако не достигнув каких-либо успехов на посту (летом 2019 г. она также возглавила министерство обороны), в начале февраля 2020 г. после политического скандала в Тюрингии АКК приняла решение оставить должность и предложила провести досрочные выборы в апреле того же года. Из-за пандемии коронавируса партийный съезд перенесли на середину января 2021 г. Вразрез с прогнозами председателем стал не фаворит Ф. Мерц, а его оппонент – премьер-министр федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия А. Лашет. Вопреки здравому политическому смыслу (скандалы с коррупцией депутатов, слабые результаты на мартовских земельных выборах, личная безынициативность), 20 апреля 2021 г. верхушка ХСС пролоббировала именно его, а не харизматичного премьер-министра Баварии и председателя ХСС М. Зедера, на позицию кандидата на пост канцлера.

Также «вопреки, а не благодаря» за день до этого правление партии «Союз 90/Зеленые» отдало приоритет не более опытному Р. Хабеку (он стал ключевым кандида-

том – Spitzenkandidat), а другому сопредседателю – А. Бербок, кандидатура которой была утверждена на партийном съезде в июне.

Кандидатуры Лашета и Бербок, позднее замешанных в ряде скандалов, которых можно было избежать, стали причиной не только существенной потери голосов своими партиями, но и повысили электоральную популярность О. Шольца, что позволило СДПГ победить на сентябрьских выборах. В случае избрания кандидатур М. Зедера и Р. Хабека такое вряд ли бы произошло. Одновременно следует отметить профессионализм и лидерские качества О. Шольца, который с первой телевизионной триэли[4] (26 июня 2021 г.) занял позицию «государственного мужа», готового и способного взять на себя ответственность за Германию в условиях многочисленных внутренних и внешних вызовов [*Белов* 2021b]. Не случайно он всегда получал самые высокие оценки по итогам рейтингового голосования среди зрителей, которые проводили организаторы трехсторонних дискуссий (всего их было четыре). После выборов опросы показали, что примерно половина отданных за социал-демократов голосов предназначалась лично Шольцу [*Хорольская* 2021b].

Несколько слов о Spitzenkandidaten других партий. Либералы избрали своего председателя К. Линднера, который изначально позиционировал себя как претендента на пост министра финансов в будущем правительстве (в любом из вероятных вариантов с участием СвДП). Будучи сторонником либерального рыночного хозяйства, он активно критиковал оппонентов, которые проповедуют финансирование инвестиций и проектов за счет увеличения государственного долга, а также рост налоговой нагрузки на домашние хозяйства и экономические субъекты.

Ключевыми фигурами «Альтернативы для Германии» стали А. Вайдель и Т. Хрупалла, которые вместе со своими коллегами провели достаточно наступательную кампанию – в первую очередь в новых федеральных землях. Наименее удачно выступил в предвыборной борьбе дуумвират партии «Левая» – Ж. Висслер и Д. Барч, на которой отразились внутренние распри (в т.ч. противостояние с С. Вагенкнехт), отсутствие ярких привлекательных идей и явная утрата партией своей идентичности.

Все объединения представили содержательные программы, которые разнились по объему и содержанию, но охватывали интересующие электорат «темы будущего» – борьба с пандемией, климатическая повестка, энергетическая и цифровая трансформация, налоговая, семейная, миграционная, внешняя политика. Однако ведущие кандидаты от партий и первые лица избирательных списков в своих дискуссиях лишь в малой степени отразили их содержание [*Pornschlegel* 2021]. Как и в ходе прошлых кампаний, основную роль сыграли личные качества политиков (харизматичность, умение выступать, «держать удар», вести дебаты) и «борьба плакатов»[5]. Основными предвыборными темами, к которым проявляли интерес избиратели, стали защита климата и борьба с пандемией – в сентябре 2021 г. на их важность указали 47% и 28% опрошенных [*Korte* 2021a].

Итоги выборов в Бундестаг

Окончательные итоги выборов, опубликованные 15 октября, выглядят следующим образом: СДПГ получила 25,7% голосов (плюс 5,2% по сравнению с 2017 г.), ХДС/ХСС – 24,1%, (минус 8,9%), 196; «Союз 90/Зеленые» – 14,8% (+5,8%); СвДП – 11,5% (+0,7) ; АдГ – 10,3% (-2,3%); «Левая» – 4,9% (-4,3%) (таб. 1). Партии меньшинства (датского)[6] в земле Шлезвиг-Гольштейн (0,1% голосов) досталось 1 место[7].

[4] По аналогии с дуэлями.

[5] В Германии принципиально важными для избирателя являются опыт, авторитет, лидерские качества кандидата, а также личные симпатии к нему [Korte 2021b].

[6] Südschleswigsche Wählerverband, SSW.

[7] Der Bundeswahlleiter, Wiesbaden 2021 (https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2021/ergebnisse.html).

Таблица 1

Этаблированные партии: итоги выборов в Бундестаг 20 и 19 легислатурных периодов

Table 1

Elected parties: the results of the Bundestag elections for the 20th and 19th legislative periods

Этаблированные партии	Процент голосов			Количество мест		
	2021	2017	+/-	2021	2017	+/-
СДПГ	25,7	20,7	+5,2	206	153	+53
Блок ХДС/ХСС, в т.ч.:	24,1	33,0	-8,9	197	246	-49
• ХДС	18,9	26,8	-7,9	152	200	-48
• ХСС	5,2	6,2	-1,0	45	46	-1
Союз 90 / Зеленые	14,8	9,0	+5,8	118	67	+51
СвДП	11,5	10,8	+0,7	92	80	+12
Альтернатива для Германии	10,3	12,6	-2,3	83	94	-11
Левая	4,9	9,2	-4,3	39	69	-30

Источник: *составлено автором на основе данных портала Bundeswahlleiter*[8].

Source: *composed by author based on Bundeswahlleiter data.*

В выборах приняли участие 76,6% граждан из 61,2 млн имеющих право голоса (76,2% из 61,7 млн в 2017 г.).

К особенностям прошедших выборов в Бундестаг, по мнению автора, следует отнести следующие моменты:

- впервые в борьбе за пост федерального канцлера участвовали три партии и впервые для их кандидатов на телевидении были организованы не дуэли, а триэли. Первая из них состоялась в июне месяце и была посвящена внешней политике. Одним из ее модераторов был В. Ишингер – председатель Мюнхенской конференции по безопасности. Три других прошли с 30 августа по 19 сентября и были организованы как государственными, так и частными телеканалами;
- исторически высокая доля голосования по почте (Briefwahl), на которую пришлось около 40% от общей численности голосовавших;
- беспрецедентно высокая доля граждан (также около 40%), которые не определились с электоральными предпочтениями к 26 сентября (неизбиратели);
- рекордное количество участвующих партий – 47 и увеличение голосов в пользу «прочих партий», что свидетельствует о продолжении тенденции к размыванию партийно-политического ландшафта Германии;
- рекордное количество депутатов в парламенте – 736 (709 в 2017 г.);
- впервые с 1949 г. три партии успешно провели коалиционные переговоры и сформировали правительство[9]. Также впервые не победившая партия, а существенно уступившие ей («проигравшие») малые партии определили участников коалиции;
- высокий процент молодежи (более трети) с правом голоса, которая не пришла на избирательные участки.

Демоскопический институт Infratest dimap оценивает величину переходов избирателей от одной партии к другим. Речь идет о традиционных сторонниках, решивших вопреки

[8] Ibid.

[9] С сентября 1949 г. по октябрь 1953 г. действовало коалиционное правительство в составе ХДС/ХСС, СвДП и Германской партии.

своим предпочтениям по тем или иным причинам отдать свои голоса политическим конкурентам. Наибольшие потери понес блок ХДС/ХСС – от него ушло 5,87 млн человек, а пришло только 3,19 млн (таб. 1). Победителями в данном негласном соревновании, как и на самих выборах, оказались социал-демократы – соответствующие показатели равны 2,83 млн и 6,01 млн. За ними следуют потерявшие наименьшее количество сторонников Зеленые (1,32/4,01 млн) и либералы (2,38/3,21 млн).

Таблица 2

Итоги переходов «традиционных» избирателей к другим партиям, млн человек[10]

Table 2

Results of transitions of "traditional" voters to other parties, mln of people

Партии	ХДС/ ХСС	СДПГ	АдГ	СвДП	Зеленые	Левая	Неизби-ратели	Всего ушло
ХДС/ХСС	-	1,99	0,41	1,32	1,05	0,09	1,01	5,87
СДПГ	0,46	-	0,16	0,34	0,96	0,18	0,73	2,83
Альтернатива	0,49	0,42	-	0,38	0,08	0,07	0,81	2,25
СвДП	0,83	0,52	0,17	-	0,37	0,05	0,44	2,38
Зеленые	0,13	0,70	0,02	0,13	-	0,13	0,21	1,32
Левая	0,11	0,82	0,16	0,16	0,61	-	0,52	2,38
Неизбиратели	0,96	1,25	0,63	0,48	0,48	0,20	-	4,00
Впервые голосующие	0,21	0,31	0,11	0,40	0,46	0,15	0,96	2,60
Всего пришло	3,19	6,01	1,66	3,21	4,01	0,87	4,68	23,63

Источник: *составлено автором на основе данных демоскопического института Iinfratest dimap[11].*
Source: *composed by author based on Iinfratest dimap data.*

Последствия для этаблированных партий

Блок ХДС/ХСС в первые недели после выборов надеялся на то, что они станут партнерами Зеленых и либералов. Среди прочего обсуждалась возможная ведущая роль М. Зедера в этом процессе. Данные ожидания не оправдались. Руководство Зеленых и либералов, определив для себя общие знаменатели, сделали выбор в пользу СДПГ. Партийный союз начал готовиться к переходу в оппозицию. А. Лашет принял решение о досрочном уходе со своих постов председателя партии и премьер-министра земли[12]. Христианские демократы приступили к подготовке «очередных внеочередных» выборов руководства. Первыми о своем желании включиться в борьбу за пост председателя заявили «старые» и «умудренные опытом» бойцы Ф. Мерц и Н. Реттген. Неожиданно к ним присоединился Х. Браун, который руководил Ведомством федерального канцлера с 2018 по 2021 гг.

Выборы назначены на середину января 2022 г. В отличие от прошлой процедуры, в них будут участвовать все члены партии, а партийный съезд утвердит итоги их голосования. По состоянию на конец 2021 года фаворитом считается Ф. Мерц. Как показали первые дебаты, которые прошли в начале декабря, кандидаты учли уроки 2021 г. – их программные положения, которые в этот раз ориентированы не на партийную верхушку, а на рядовых членов, оказались очень близки электорату. При отсутствии каких-либо

[10] По вертикали – перешли к партии, по горизонтали – ушли к другим партиям.
[11] Iinfratest dimap: Wie die Wähler wanderten. 27-09-2021. (https://www.tagesschau.de/inland/btw21/waehlerwanderung-bundestagswahl-103.html).
[12] В конце октября премьер-министром Северного Рейна – Вестфалии был избран Хендрик Вюст.

чрезвычайных событий (скандалов и пр.) третья попытка Мерца (первые две были в декабре 2018 г. и январе 2021 г.) возглавить ХДС с высокой долей вероятности может оказаться удачной.

Несмотря на победу, социал-демократам предстоит продолжить сложный процесс реформирования партии. Успех О. Шольца не сопровождался внутрипартийным обновлением. В середине ноября о своем уходе с поста сопредседателя объявил Н. Вальтер-Борьянс. Его должен был сменить генеральный секретарь Л. Клингбайль, на место которого в свою очередь рекомендовали вице-председателя и бывшего руководителя молодых социалистов К. Кюнерта. За прошедшее с декабря 2018 г. время в партии существенно усилилось влияние левого крыла. Открытым остается вопрос о том, в каком направлении она будет развиваться в последующие четыре года и какие внешние и внутренние хозяйственно-политические положения, привлекательные для своих членов и электората, сможет предложить партийное руководство.

Перестройка будет происходить в двух других оппозиционных этаблированных партиях – «Альтернатива для Германии» и «Левая».

В декабре 2021 г. АдГ планировала провести съезд, в рамках которого предстояло определить, какое из крыльев будет определять будущее партии и станет основной движущей силой ее дальнейшего развития – право-радикальное, которое олицетворяет нацист Б. Хеке, или право-центристское во главе с Й. Мойтеном и Т. Хрупаллой. Съезд перенесли на 2022 г. с целью провести в очном формате. В случае, если победу одержат сторонники нацистов, партия станет еще более нерукопожатной, в т.ч. и для России. Более того, в новый состав Бундестага не прошли прежние пророссийские депутаты от Альтернативы, и от партийной фракции в нынешнем легислатурном периоде вряд ли стоит ожидать таких же инициатив по поддержке РФ, как в прошлые годы. Если победят сторонники центризма, российскому руководству при возможных будущих контактах с представителями АдГ необходимо указывать на недопустимость терпимости к нацистам и их членству в партии.

Итоги выборов в Бундестаг еще раз показали наличие глубокого кризиса в партии «Левая». Новые сопредседатели З. Хенниг-Велсов и Ж. Висслер не смогли консолидировать партийные ряды. Конфронтация в руководстве отразилась и на предвыборной кампании. Лидерам избирательного списка не удалось нивелировать ее негативное влияние. Кроме того, за пару недель до 26 сентября партия подверглась нападкам со стороны блока ХДС/ХСС, который опасался создания красно-зелено-красной коалиции и поставил левых в один ряд с альтернативщиками как основную угрозу демократическим устоям немецкого общества. В итоге партия не набрала необходимые пять процентов и прошла в Бундестаг только благодаря трем прямым мандатам (в т.ч. полученным Г. Гизи), потеряв почти половину депутатских мест. По экспертным оценкам, левым в последующие годы будет трудно найти точки опоры для возрождения своей партии, которая, не исключено, уже не войдет в следующий состав парламента.

Коалиционные переговоры

Социал-демократы, Зеленые и либералы образовали 22 рабочие группы, которые с 21 октября обсуждали основные темы и спорные вопросы в закрытом для прессы и общественности формате. Генеральные секретари презентовали итоги их работы к 10 ноября. Согласование продолжилось на уровне партийного руководства. 24 ноября 2021 г. в Берлине участники переговоров досрочно представили проект коалиционного соглашения под названием «Отважиться на больший прогресс. Альянс за свободу, справедливость и устойчивость» [Mehr Fortschritt… 2021], в котором на 177 страницах обозначили программно-целевые установки развития Германии до 2025 г. После обсуждения и принятия

документа партийными съездами социал-демократов и либералов[13], а затем рядовыми членами Зеленых[14], он был подписан 7 декабря. Уже 8 декабря политический и экономический лидер Евросоюза получил новый кабинет министров во главе с О. Шольцем.

Впервые в истории объединенного немецкого государства в очередном легислатурном периоде высшая исполнительная власть представлена тремя партиями, идеологические установки которых по многим параметрам сохраняют существенные отличия и особенности. Данная специфика определяет и компромиссный характер коалиционного соглашения, и предстоящий непростой четырехлетний период наполнения его конкретным содержанием, и необходимость решать неизбежные конфликты как внутри партий, так и между ними.

Коалиционеры договорились о следующем распределении министерских постов.

Помимо должностей главы кабинета министров (О. Шольц) и руководителя Ведомства федерального канцлера (В. Шмидт) СДПГ получает министерства здравоохранения (К. Лаутербах), обороны (К. Ламбрехт), внутренних дел и по делам Родины (Н. Фезер), экономического сотрудничества и политики содействия развитию (С. Шульце), труда и социальных вопросов (Х. Хайль), строительства[15] (К. Гейвитц).

«Союз 90/Зеленые» – министерства экономики и защиты климата (Р. Хабек, он же вице-канцлер); иностранных дел (А. Бербок); окружающей среды, защиты природы и безопасности ядерных реакторов (Ш. Лемке); сельского хозяйства и продовольствия (Д. Оздемир[16]); по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи (А. Шпигель). Партия получила пост государственного министра по культуре и средствам массовой информации, а также право предлагать кандидатуру на пост члена Европейской комиссии (комиссара) от Германии – но только тогда, когда представитель ФРГ ее не возглавляет.

СвДП – министерства финансов (К. Линднер), транспорта и цифровизации (Ф. Виссинг), юстиции (М. Бушман), образования и научных исследований (Б. Штарк-Ватцингер).

Социально-экономические и внутриполитические перспективы

Одним из основных вызовов для Германии остается пандемия, которая существенно повлияла на все народнохозяйственные сферы. Государство в 2020-2021 гг. выделило на антикризисные цели многомиллиардные суммы, существенно увеличив свой долг: по последним оценкам, его отношение к ВВП составит в 2021 г. 70,6%. Несмотря на государственную поддержку, темпы экономического роста в 2021 г. оказались ниже прогнозируемых. Одной из причин такой динамики стали задержки с поставками полуфабрикатов и комплектующих, а также резкий рост мировых цен на энергоносители, сырье, строительные материалы и металлоизделия. Инфляция в ноябре 2021 г. (по отношению к октябрю) превысила 5%, что стало самым высоким показателем с 1992 г. Новому правительству в случае критических ситуаций (например, при введении локдаунов) предстоит дополнять меры по поддержке экономических субъектов.

Прорывных идей в сфере экономики у коалиционеров нет. Новый договор представляет собой попытку соединить различные идеологические подходы к современной модели ры-

---

[13] 98,8% социал-демократов 4 декабря на своем виртуальном съезде проголосовали за соглашение (598 голосов «за», семеро «против» и трое воздержались). На следующий день 92% либералов на своем онлайн-съезде поддержали документ (535 «за», 37 «против», 8 воздержались).

[14] 6 декабря стали известны результатов голосования партии «Союз 90/Зеленые». В нем приняли участие около половины членов, из которых 86% поддержали договор.

[15] Новое министерство; ранее за сферу строительства отвечало МВД.

[16] Д. Оздемир – один из старожилов партии и представитель т.н. реального крыла – настоял на своем назначении на этот пост. Руководство рекомендовало более компетентного в вопросах сельского хозяйства А. Хофрайтера, который представляет левое партийное крыло. В результате разгорелись острые дискуссии внутри партии – многие члены подвергли критике такое решение.

ночного хозяйства – жесткое государственное вмешательство Зеленых как основной путь к достижению целей климатической нейтральности (преимущественно за счет внешних займов); свободная конкуренция хозяйствующих субъектов, которую (с точки зрения либералов) должны обеспечивать эффективное регулирование государства и кредиты; социал-демократическое требование социальной справедливости при любых внутренних и внешних вызовах. Соответственно, соглашение получилось трехцветным с преобладанием в разных сферах одной из партийной окрасок – красной, зеленой или желтой. Не случайно партнеры используют термин «социально-экологическое рыночное хозяйство», вместе с которым стартует «десятилетие инвестиций в будущее».

Если оценивать субстантивность достигнутых договоренностей, то речь идет о дополнительном содержании стратегических документов и законов последнего правительства А. Меркель. Предложения относятся к промышленной и энергетической (в первую очередь водородной) политике, к цифровизации и комплексу мер, направленных на достижение углеродно-нейтральной экономики к 2045 г. (в контексте Европейского зеленого курса и принятой в июле 2021 г. программы его реализации «Fit for 55»). Другими словами, качественный прорыв, на котором настаивают коалиционеры, в правительственном договоре отсутствует. В основном речь идет о досрочном достижении ранее поставленных целей и дополнительной настройке отдельных мер и инструментов.

Согласно мнению экспертов, с точки зрения поставленных хозяйственно-политических целей наиболее удачно переговоры провели либералы, наименее – Зеленые.

СДПГ гордится тем, что убедила партнеров внести следующие положения: минимальная заработная плата в размере 12 евро (сейчас 9,60 евро); замена пособий Hartz IV на денежное пособие для граждан (Bürgergeld); строительство доступного жилья (ежегодно около 400 тыс. новых квартир); гарантии стабильности пенсий; дополнительная защита работников по уходу за пожилыми и больными; радикальная борьба с детской бедностью; создание новых рабочих мест при выполнении климатической повестки. Среди существенных уступок – отказ от реформы медицинского страхования граждан с более справедливой единой системой и ликвидацией действующей «двухклассовой» модели – государственной и частной. Социал-демократы пытаются воплотить данную идею с 2000-х гг . В этот раз против выступили либералы, что вызвало недовольство среди представителей левого крыла партии и молодых социалистов.

Одним из ключевых экологических элементов «светофорной» хозяйственной модели считается ускорение перехода от ископаемых энергоносителей к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), включая досрочный (к 2030 г.) – на 8 лет ранее запланированного – выход из угольной энергетики. Ставку, как и ранее, делают на энергию солнца и ветра. К 2030 г. на ВИЭ должно приходиться 80% потребляемой электроэнергии (прежний план – 65%). В те же сроки предлагается построить солнечные парки и установить фотоэлектрические системы мощностью около 200 гигаватт (в три раза больше текущего строительства). Достижению амбициозной цели должно содействовать пролоббированное Зелеными обязательное устанавливать установить на крышах новых коммерческих зданий солнечные батареи (для построек домашних хозяйств предписано «по возможности»). К приоритету отнесено развитие ветроэнергетики. Под ее сухопутную часть предложено отвести 2% территории Германии. Также политики указывают на необходимость дебюрократизации и ускорения планирования и согласования сооружения новых установок на суше – с обязательным учетом экологических норм. Мощность морских ветряных электростанций к 2030 г. должна составлять не менее 30 ГВт (прежний план – 20 ГВ т), к 2045 г. – 70 ГВ т.

Зеленые пошли навстречу своим партнерам и согласились со строительством новых электростанций на газе, рассматривая их как вынужденную переходную технологию к безуглеродному будущему. Компромиссным условием стала возможность их последующей

перестройки для работы на водороде. В целях расширения электролизного производства экологически чистого H_2 предусмотрено совершенствование национальной и европейской водородных стратегий. От природного газа для производства электроэнергии планируется отказаться не позднее 2040 г. Для жилищного сектора предложены более короткие сроки по прекращению отопления на природном газе. Уже «в ближайшие несколько лет» его перестанут применять в новостройках. К середине 2030-х гг. газовые отопительные системы предполагается заменить во всех домах.

Планируется снизить нагрузку, которую несут компании и граждане в связи с затратами на электроэнергию, производимую ВИЭ. С 2023 г. должен быть отменен EEG-сбор[17], который направляют на поддержку зеленой электроэнергетики – от него в первую очередь страдают энергоемкие компании. Финансировать отмену сбора предлагается из средств Фонда энергетики и климата, формируемого за счет доходов торговли углеродными сертификатами и субсидий федерального бюджета.

Зеленые лишь частично пролоббировали свои амбициозные цели в сфере мобильности, среди прочего сформулировав лозунг «Мы сделаем Германию ведущим электромобильным рынком!». При государственной поддержке к 2030 г. планируется достичь показателя в 15 млн электрокаров. Однако выдачу разрешений на автомобили с двигателями внутреннего сгорания планируется прекратить лишь к 2035 г. (Зеленые предлагали установить срок к 2030 г.). Предусмотрено продолжить господдержку строительства зарядной инфраструктуры и НИОКР, в т.ч. по изготовлению и переработке элементов аккумуляторов в целях их повторного использования.

Должна возрасти роль железнодорожного – особенно пригородного – сообщения, однако отсутствует положение об отмене фиксированной компенсации гражданам, которые пользуются пригородным сообщением для поездок на работу (Pendlerpauschale). Не будут проводить радикальную реформу Федеральных железных дорог, на которой настаивали либералы. Планируется лишь объединить инфраструктурные единицы с сетью Дойче Бан в рамках его нового «ориентированного на общественное благосостояние» подразделения.

К явным недостаткам соглашения следует отнести отсутствие какой-либо конкретики в отношении финансово-налоговых и других инструментов, без которых сложно достичь амбициозных экологических целей. Одновременно в отношении финансовых аспектов соглашения прослеживается влияние либералов. Они настояли на положениях о важной роли частного капитала и кредитных механизмов, прежде всего имея в виду государственный банк развития Kreditanstalt für Wiederaufbau (KfW). Банк должен взять на себя роль своеобразного агентства по инновациям и инвестициям, а также стать участником проектов совместного венчурного капитала. Коалиция видит его и как институт, который будет работать в «режиме 24/7» в рамках поддержки грюндерства – преимущественно в сфере создания молодых инновационных компаний. Она поставила цель превратить Германию в «ведущее место для стартапов в Европе»[18].

Удивление вызывает положение о легализации производства и сбыта каннабиса через специализированные магазины (в мире такое есть только в Канаде и Уругвае). Граждане ФРГ, нуждающиеся в данном продукте по медицинским показаниям, уже с 2017 г. могут приобретать его по рецептам. Теперь предлагается разрешить покупать его «в целях получения удовольствия». Вместе с тем коалиция обещает ужесточить условия для рекламы и продвижения как данного продукта, так и алкоголя.

[17] Согласно принятому в 2000 г. Закону о возобновляемой энергии (EEG), включаемый в цену электроэнергии сбор в целях поддержки сектора ВИЭ. Его размер ежегодно устанавливало Федеральное сетевое агентство.

[18] Blechner K. Wie die Ampel die Wirtschaft umkrempelt. 24.11.2021. (https://www.tagesschau.de/wirtschaft/wirtschaft-155.html).

Руководство групп интересов предпринимателей и наемной рабочей силы положительно оценили проект коалиционного соглашения[19], сделав важные замечания. Так, президент Федерального союза германской промышленности (BDI) З. Русвурм отметил, что речь в основном идет о «заявленных намерениях», и «львиную часть работы предстоит еще сделать». Президент Торгово-промышленной палаты Германии (DIHK) П. Адриан, приветствуя конструктивный экономический настрой будущего правительства, отметил большое количество неопределенностей для деловой практики, включая вопросы финансирования заявленных проектов. Президент Федерального объединения немецких союзов работодателей Р. Дульгер, похвалив отказ от повышения налогов и сохранение верности «долговому тормозу», обратил внимание на отсутствие «сквозного прорыва» в основных положениях. Он также сожалеет, что коалиция не осмелилась предоставить новые свободы капиталу и труду и тем самым повысить их «самоответственность». Руководитель крупнейшего профсоюза ИГ-Металл Й. Хофманн позитивно выделил готовность нового правительства провести социально-экологическую трансформацию, однако сожалеет о том, что недостаточно освещена тема развития механизмов участия трудовых коллективов в управлении (Mitbestimmung), а также непонятен объем и источник заявленных государственных инвестиций. Глава Федерального союза средних компаний (миттельштанда) М. Йергер недоволен тем, что коалиционеры согласились «по самому дорогому знаменателю», счет***а*** за который в конечном итоге оплатят предприниматели и граждане. Союз торговли HDE, позитивно рассматривая предложения по цифровизации и развитию центральной части городов, критически оценивает резкое повышение минимальных ставок оплаты труда как прямое вмешательство в тарифные соглашения многих отраслей[20].

Согласимся с данными высказываниями – в коалиционном соглашении в целом правильно поставлены задачи, но мало конкретных предложений по их решению.

Внешнеполитические перспективы

Внешнеполитическая стратегия Германии по-прежнему опирается на три столпа – внешнюю политику, политику безопасности и обороны и международную политику содействия развитию. Лейтмотивом внешней политики коалиционеры, как и их предшественники, определяют морально-этический ценностный подход, который необходимо еще сильнее укрепить, в т.ч. в сфере защиты климата. Они подтверждают приверженность осуждаемой Москвой концепции мультилатерализма, выступают за создание альянса его сторонников и обещают продвигать данную идею во время председательства ФРГ в G7 в 2022 г. Правительство ставит цель развивать многостороннее сотрудничество – особенно «с теми государствами, которые разделяют наши демократические ценности» – добавляя, что речь идет «о стратегической солидарности с нашими демократическими партнерами» и о «системном соревновании с авторитарными государствами», к которым контекстно отнесены Китай, Россия, Турция и Иран.

Основной внешнеполитический вектор по-прежнему направлен на Евросоюз. В его рамках важнейшие интересы ФРГ определяют как европейские и с учетом «глобальной ответственности в мире», которую предстоит уточнить. Похоже, новое правительство готово формализовать роль Германии как признанного лидера и международного актора-тяжеловеса. Берлин заявляет о цели «дальнейшего развития федеративного

[19] Среди отраслевых объединений особую поддержку коалиционному соглашению выразили представители транспортной, в т.ч. отрасли автобусных перевозок, авиа- и судостроительной промышленности, логистической сферы, союзов стартапов и сектора компьютерных игр.

[20] Das sagt die Wirtschaft zum Koalitionsvertrag. 25.11.2021. (https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/koalitionsvertrag-der-ampel-lob-und-kritik-der-wirtschaft-17651434.html).

европейского союза государств», усиления суверенитета, стратегической автономности и самостоятельности ЕС, замены правила единогласия на механизм квалифицированного большинства в вопросах общей внешней политики и политики безопасности и обороны, реформирования Европейской службы внешних связей, а также трансформации поста Высокого представителя в полноценного министра иностранных дел. Как и прежде, основным партнером Берлина остается Париж, вместе с которым он собирается в рамках Веймарского треугольника взаимодействовать с Польшей. Италия в договоре не упоминается, хотя без подключения этого третьего по экономической и политической величине государства ЕС к франко-германским механизмам кооперации укрепить центростремительные тенденции в Евросоюзе будет существенно сложнее.

В договоре отсутствует положение о расходах на оборону в размере 2% ВВП. Несмотря на важность PESCO для Германии, данный формат сотрудничества, где одна из ведущих ролей принадлежит тандему Берлина и Парижа, не упомянут. Присутствует указание на необходимость создать совместные командные структуры и их совместимость с НАТО. Среди заявленных долгосрочных целей – достижение трех процентов расходов от ВВП для «международных действий в контексте сетевого и инклюзивного подхода» (в т.ч. в части политики содействия развитию), урегулирования международных кризисов и дальнейшего развития бундесвера, включая его оснащение дронами [*Белов* 2021a].

Берлин готов выполнять договоренности между А. Меркель и Дж. Байденом от июля 2021 г., которые направлены на всестороннее развитие германо-американского взаимодействия практически во всех сферах с участием всех стейкхолдеров.

ФРГ обещает поддержку Украине в восстановлении территориальной целостности и комплексной энергетической трансформации экономики. Коалиционеры резко критикуют действия властей Белоруссии и угрожают ввести санкции.

Самое большое место в «двусторонне-региональном» разделе уделено России. Вопреки экспертным ожиданиям, партии существенно смягчили критическую тональность в отношении Москвы. Упор сделан на конструктивный диалог, прочные и стабильные отношения, которые «глубоки и разнообразны»; на необходимость «учета интересов обеих сторон на основе принципов международного права, прав человека и европейского мирного порядка, которому Россия также привержена»; желание сотрудничать по «вопросам будущего» и «в решении глобальных проблем», а также содействовать безвизовому въезду из России в Германию особо важных целевых групп, включая молодежь. Среди красных линий упомянут конфликт на Украине с указанием на то, что его мирное урегулирование на востоке страны зависит от полного выполнения Минских соглашений; подверглось критике «всестороннее ограничение гражданских и демократических свобод»; подчеркнуто ожидание того, что «российское правительство предоставит гражданскому обществу возможность беспрепятственно контактировать с немецкими партнерами». Отсутствует прямое упоминание одной из основных конфликтных тем – проекта «Северный поток – 2». Есть косвенная отсылка к нему в пункте «Газ и водород», где сказано, что «Европейское энергетическое право применимо и к проектам энергетической политики в Германии», в соответствии с чем решающее слово в будущей сертификации российского газопровода будет за Брюсселем, а не Берлином.

Конструктивно-критическое содержание данного раздела с явным социал-демократическим почерком не должно вводить в заблуждение – конфликтный потенциал в отношении германо-российского сотрудничества никуда не исчез и может проявиться уже в первые месяцы действия договора. В первую очередь это касается политической сферы, где определяющими остаются вышеупомянутые ценностные параметры, которые распространяются и на украинско-российские отношения. Новое правительство встало на сторону Киева и коллективного Запада, которые считают, что Москва собирается нарушить границы Украины. Поступательное развитие кооперации может произойти

в сферах экономики, науки, образования, культуры, молодежного и регионального обмена. Определенное взаимодействие неизбежно в области международных отношений (Афганистан, Иран, Сирия, Ливия и пр.).

Китай рассматривается в контексте определенной Брюсселем еще в 2019 г. триады – партнер, конкурент и системный противник. Именно третья часть становится определяющей в отношениях Берлина и Пекина, последний из которых сразу после публикации проекта соглашения заявил о недопустимости вмешательства в его внутренние дела. Тем не менее, А. Бербок через пару дней (еще до вступления в должность) в одном из интервью лишь подтвердила стремление к жесткой ценностной политике по отношению Поднебесной – в т.ч. в экономической сфере. Высшая китайская власть надеется на конструктивно-доверительные отношения с О. Шольцем, считая, что с новым «первым лицом», как и с прежним (А. Меркель), сможет найти общий знаменатель в рамках триады.

Автор не видит каких-либо качественно новых положений на африканском, латиноамериканско-карибском и юго-восточном азиатском направлении в коалиционном договоре. Коалиционеры лишь отчасти учли пожелания и рекомендации немецкого экспертного сообщества [Deutsche Außenpolitik… 2021; *Mölling, Schwarzer* 2021; Smarte Souveränität… 2021].

Выводы

Итоги прошедших в 2021 г. земельных и федеральных парламентских выборов свидетельствуют о продолжении кризиса народных партий и роста роли малых партийных образований. Зеленые и либералы после избрания Бундестага определили не только старшего партнера по коалиционным переговорам (СДПГ), но и во многом их успешное проведение и быстрое формирование нового правительства.

ХДС/ХСС предстоит смена руководства, оппозиционная борьба в парламенте и непростой поиск новой парадигмы. Аналогичным поиском предстоит заняться и обновленной верхушке социал-демократов. Сложный период перестройки ожидает партии «Альтернатива для Германии» и «Левая».

Кардинальных изменений во внутренней и внешней политике ФРГ в течение 20-го легислатурного периода ожидать не следует. Будет происходить точечная настройка ее отдельных составных частей.

Первым серьезным испытанием для нового кабинета министров станет борьба с очередной волной коронавируса, которая предполагает активную кампанию по вакцинации населения и, возможно, введение очередного локдауна.

В экономической части приоритетами в ближайшее время будет принятие государственного бюджета на 2022 г., продолжение борьбы с последствиями коронавируса, сдерживание инфляции, ускорение цифровой и энергетической трансформации и уменьшение дефицита на рынке жилья.

Наполнение конкретным содержанием внешнеполитического раздела коалиционного договора во многом будет зависеть от руководства министерства иностранных дел, в первую очередь от ее министра А. Бербок, которая не имеет внешнеполитического опыта и не обладает компетентностью, необходимой для такого ответственного поста. На сегодняшний день существуют сомнения, что она способна эффективно решать стоящие перед внешнеполитическим ведомством непростые задачи – в том числе его аккуратного реформирования. Важную роль во внешней политике продолжат играть федеральный канцлер и его ведомство. В вопросах безопасности многое будет зависеть от главы министерства обороны, в политике помощи международному развитию – от руководителя министерства экономического сотрудничества. Оба ведомства также возглавили социал-демократы, которые могут компенсировать возможную антироссийскую риторику Бербок, Хабека и других коллег по правительственной коалиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В. (2021a) Quo vadis внешняя политика Германии при новом трехпартийном правительстве? // Российский совет по международным делам. 01.12. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartiynom-pravitelstve/).

Белов В.Б. (2021b) Значение выборов в Бундестаг для внутри- и внешнеполитических процессов в ФРГ и российско-германских отношений // Аналитические записки Института Европы РАН. Выпуск III. №28 (258). С. 57–63. DOI: http://doi.org/10.15211/analytics32820215763.

Васильев В. (2021a) Германия и Европейский союз после эпохи канцлера А. Меркель // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 9. С. 43–55. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-43-55)

Васильев В.И. (2021b) К итогам выборов в германский бундестаг. Проигравшие победители. – Спецрубрики. Выборы. ИМЭМО. 30.09.21. (https://www.imemo.ru/special-rubrics/elections/text/by-the-results-of-the-elections-to-the-german-bundestag-losing-winners).

Выборы в Бундестаг 2021. Путеводитель (2021). Отв. ред. В. Воротников, А. Соколов. Центр европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. 32 с.

Зарицкий Б. (2021) Германская экономика: наследство А. Меркель // Мировая экономика и международные отношения. т. 65, № 9. С. 34–42. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-34-42).

Мельникова Ю. (2021) Выборы в Германии: красный – новый черный // Российский совет по международным делам. 27.09. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vybory-v-germanii-krasnyy-novyy-chernyy/).

Павлов Н. (2021) Россия и Германия: назад в будущее? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65, № 9. С. 69–78. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78).

Стратиевский Д. (2021) Прогнозируемая неожиданность: социал-демократы побеждают на парламентских выборах в Германии // Российский совет по международным делам. 28.09. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prognoziruemaya-neozhidannost-sotsial-demokraty-pobezhdayut-na-parlamentskikh-vyborakh-v-germanii/).

Хорольская М. (2021a) Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в Бундестаг // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 9. С. 25–33. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33).

Хорольская М.В. (2021b) Итоги выборов в Бундестаг: новая страница в истории Германии. – Спецрубрики. Выборы. ИМЭМО. 28.09. (https://www.imemo.ru/special-rubrics/elections/text/the-results-of-the-elections-to-the-bundestag-a-new-page-in-the-history-of-germany).

Deutsche Außenpolitik im Wandel. Unstete Bedingungen, neue Impulse DGAP (2021) // Günther Maihold, Stefan Mair, Melanie Müller, Judith Vorrath, Christian Wagner (Hg.). SWP-Studie N15, September, Berlin. 136 S. DOI: 10.18449/2021S15.

Heller R. (2021) Im "Wettstreit der Systeme" – Chancen für eine neue Russlandpolitik nach der Bundestagswahl // Russland-Analysen. Ausgabe 408 (15.10). DOI: 10.31205/RA.408.02.

Korte K.-R. (2021a) Bundestagswahl in Zeiten der Pandemie // Aus der Politik und Zeitgeschichte. N47–49. Bundeszentrale für politische Bildung. 19.11.21. (https://www.bpb.de/apuz/343502/bundestagswahlkampf-in-zeiten-der-pandemie)

Korte K.-R. (2021b) Die Konturen des Nicht-Wissens im Superwahljahr 2021: Wählen in Zeiten der Pandemie // Z Politikwiss. 31. S. 83–90. (https://doi.org/10.1007/s41358-021-00253-8 Z).

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/die Grünen und FDP. 177 s. (https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf).

Mölling Ch., Schwarzer D. (2021) Smart Sovereignty // Internationale Politik Quarterly. September 17. (https://ip-quarterly.com/en/smart-sovereignty?_ga=2.136136690.2128542990.1638920995-1580266318.1638920995)

Pornschlegel S. (2021) Neuanfang 2021? Was die neue Bundesregierung nun tun muss – Essay // Aus der Politik und Zeitgeschichte. N47–49. 19.11.21 (https://www.bpb.de/apuz/343498/was-die-neue-bundesregierung-nun-tun-muss)

Smarte Souveränität. 10 Aktionspläne für die neue Bundesregierung (2021) // DGAP Bericht Nr. 16, September. 104 S. (https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/smarte_souveraenitaet-ideenwerkstatt_aussenpolitik-final.pdf)

Sokolov A. (2021) Analyse: Die Bundestagswahl und die deutsch-russischen Beziehungen // Russland-Analysen. Ausgabe 408. 15.10.21. DOI: 10.31205/RA.408.01. (https://www.laender-analysen.de/russland-analysen/408/die-bundestagswahl-und-die-deutsch-russischen-beziehungen/).

REFERENCES

Belov V. (2021a) Quo vadis vneshnyaya politika Germanii pri novom trekhpartiynom pravitel'stve? [Quo Vadis German Foreign Policy under a New Three-Party Government?]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 01.12. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartiynom-pravitelstve/).

Belov V.B. (2021b) Znacheniye vyborov v Bundestag dlya vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessov v FRG i rossiysko-germanskikh otnosheniy [Significance of Elections to the Bundestag for Internal and Foreign Political Processes in Germany and Russian-German Relations]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*. issue III, no. 28 (258), pp. 57–63. DOI: http://doi.org/10.15211/analytics32820215763.

Deutsche Außenpolitik im Wandel. Unstete Bedingungen, neue Impulse DGAP (2021). Günther Maihold, Stefan Mair, Melanie Müller, Judith Vorrath, Christian Wagner (Hg.). *SWP-Studie N15*. September, Berlin. 136 p. DOI: 10.18449/2021S15.

Heller R. (2021) Im "Wettstreit der Systeme" – Chancen für eine neue Russlandpolitik nach der Bundestagswahl. *Russland-Analysen*. Ausgabe 408 (15.10). DOI: 10.31205/RA.408.02.

Khorol'skaya M. (2021) Vedushchiye nemetskiye partii v preddverii vyborov v Bundestag [Leading German Parties on the Eve of Elections to the Bundestag]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. vol. 65, no, 9, pp. 25–33. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33)

Khorol'skaya M.V. (2021) Itogi vyborov v Bundestag: novaya stranitsa v istorii Germanii [The Results of the Elections to the Bundestag: a New Page in the History of Germany]. *Spetsrubriki. Vybory. IMEMO*. 28.09. (https://www.imemo.ru/special-rubrics/elections/text/the-results-of-the-elections-to-the-bundestag-a-new-page-in-the-history-of-germany).

Korte K.-R. (2021a) Bundestagswahl in Zeiten der Pandemie. *Aus der Politik und Zeitgeschichte.* N47–49. 19.11.21 (https://www.bpb.de/apuz/343502/bundestagswahlkampf-in-zeiten-der-pandemie)

Korte K.-R. (2021b) Die Konturen des Nicht-Wissens im Superwahljahr 2021: Wählen in Zeiten der Pandemie. *Z Politikwiss.* no. 31, pp. 83–90. (https://doi.org/10.1007/s41358-021-00253-8).

Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis 90/die Grünen und FDP (2021). 177 p. (https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf).

Mel'nikova Yu. (2021) Vybory v Germanii: krasnyy – novyy chernyy [Elections in Germany: Red is the New Black]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 27.09. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vybory-v-germanii-krasnyy-novyy-chernyy/).

Mölling Ch., Schwarzer D. (2021) Smart Sovereignity. *Internationale Politik Quarterly.* September 17. (https://ip-quarterly.com/en/smart-sovereignty?_ga=2.136136690.2128542990.1638920995-1580266318.1638920995).

Pavlov N. (2021) Rossiya i Germaniya: nazad v budushcheye? [Russia and Germany: Back to the Future?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. vol. 65, no. 9. pp. 69–78. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78).

Pornschlegel S. (2021) Neuanfang 2021? Was die neue Bundesregierung nun tun muss – Essay. *Aus der Politik und Zeitgeschichte*. N47–49. 19.11.21 (https://www.bpb.de/apuz/343498/was-die-neue-bundesregierung-nun-tun-muss).

Smarte Souveränität. 10 Aktionspläne für die neue Bundesregierung (2021). *DGAP Bericht.* Nr. 16, September. 104 p. (https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/smarte_souveraenitaet-ideenwerkstatt_aussenpolitik-final.pdf).

Sokolov A. (2021) Analyse: Die Bundestagswahl und die deutsch-russischen Beziehungen. *Russland-Analysen*. Ausgabe 408 (15.10). DOI: 10.31205/RA.408.01.

Stratievsky D. (2021) Prognoziruyemaya neozhidannost': sotsial-demokraty pobezhdayut na parlamentskikh vyborakh v Germanii [Predicted Surprise: Social Democrats win Parliamentary Elections in Germany]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 28.09. (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prognoziruemaya-neozhidannost-sotsial-demokraty-pobezhdayut-na-parlamentskikh-vyborakh-v-germanii/).

Vasiliev V.I. (2021b) K itogam vyborov v germanskiy bundestag. Proigravshiye pobediteli [To the Results of the Elections to the German Bundestag. Losers are Winners]. *Spetsrubriki. Vybory. IMEMO.* 30.09.21. (https://www.imemo.ru/special-rubrics/elections/text/by-the-results-of-the-elections-to-the-german-bundestag-losing-winners).

Vasil'yev V. (2021a) Germaniya i Yevropeyskiy soyuz posle epokhi kantslera A. Merkel' [Germany and the European Union After the Era of Chancellor A. Merkel]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya.* vol. 65, no. 9, pp. 43–55. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-43-55).

Vybory v Bundestag 2021. Putevoditel' [Bundestag elections 2021. Guide] (2021) Otv. red. V. Vorotnikov, A. Sokolov. Tsentr yevropeyskikh issledovaniy Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO MID Rossii. 32 p.

Zaritskiy B. Germanskaya ekonomika: nasledstvo A. Merkel' [German economy: A. Merkel's legacy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. vol. 65, no 9. pp. 34–42. (https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-34-42).

Информация об авторе

Белов Владислав Борисович, кандидат экономических наук, зам. директора по научной работе Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., д. 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: belov@instituteofeurope.ru

About the author

Vladislav B. Belov, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director for Science, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS). Address: 125009, Moscow, Mokhovaya Street, 11-3. E-mail:belov@instituteofeurope.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 08.12.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.12.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 13.12.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 40–60
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 40–60

DOI: 10.31857/S086904990017876-5

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА
SOCIAL SPHERE

Оригинальная статья / Original Article

Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле[1]

© Д.М. ЛОГИНОВ

Логинов Дмитрий Михайлович, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), loginov-dm@ranepa.ru

Период эпидемиологической нестабильности, связанный с появлением новой коронавирусной инфекции и мер противодействия ее распространению, актуализировал для различных групп российского населения комплекс адаптационных задач. Как показывает опыт социально-экономической адаптации прошедших десятилетий, спектр и успешность поведенческих моделей во многом зависит от уровня развития нематериального ресурсного потенциала. На материалах репрезентативного социологического исследования, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2020 г., показана структура и дифференциация нематериального ресурсного потенциала российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса. Данный период автор считает началом нового адаптационного цикла, который требует от различных социальных групп мобилизации накопленных возможностей для того, чтобы выстроить успешные модели поведения в условиях нестабильной внешней среды. Как показывают результаты исследования, население существенно дифференцировано по уровню нематериальных ресурсов: интегральный показатель, рассчитанный на основе индикаторов образования, здоровья и социальных связей, иллюстрирует, что ресурсообеспеченность ниже среднего уровня характеризует 35,6%, среднего – 36,6%, высокого – 27,8% населения. Разный уровень развития нематериальных ресурсов приводит не только к дифференциации по профессионально-должностному статусу, но и к неравенству в способности адаптироваться к кризисной ситуации. Данная динамика выражается и в большей устойчивости занятости у группы с высокими нематериальными активами и в их более стабильном материальном положении. Одновременно остается актуальной проблема недоиспользования накопленных индивидуальных ресурсов и барьеров, которая не позволяет достигать приемлемых материальных и социальных статусов даже представителям благополучных ресурсных групп.

Ключевые слова: население, социально-экономические ресурсы, социально-экономическая адаптация, человеческий капитал, образование, занятость, здоровье, социальный капитал

JEL: I31, Z13

Цитирование: Логинов Д.М. (2021) Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле // Общественные науки и современность. № 6. С. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the RANEPA.

Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle

© D. LOGINOV

Dmitry M. Loginov, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Moscow, Russia), loginov-dm@ranepa.ru

Abstract. The period of epidemiological instability created by the new coronavirus infection and implementation of countermeasures has made a complex of adaptation tasks actual for various groups of the population in Russia. As the experience of socio-economic adaptation of the past decades shows, the variety and success of implementing behaviour models in high degree depends on the level of non-material resource potential development.The materials of the representative sociological survey conducted by ISAP RANEPA in 2020 shows the structure and differentiation of non-material resource potential of the Russian population in the acute phase of the epidemiological crisis. The author considers this very period to be the beginning of a new adaptation cycle which demands various social groups to mobilize accumulated abilities to build successful models of behaviour in an unstable external environment. According to the results of the survey, the population is significantly differentiated by the level of available non-material resources: the integral index created on the basis of indicators of education, health and social connections demonstrates that the resource-availability lower than average characterizes 35,6% of the population, while 36,6% have the average level and 27,8% are highly provided with resources. The different levels of non-material resources development lead not only to differentiation by professional status, but also to inequality in capacity to adapt to a crisis situation. It is reflected both in the greater stability in employment of the group with high non-material resources and in their more stable financial situation. Meanwhile, the problem of underuse of accumulated individual resources and barriers to achieving sufficient financial and social statuses even for representatives of well-off resource groups remains actual.

Keywords: population, socio-economic resources, socio-economic adaptation, human capital, education, employment, health, social capital

JEL: I31, Z13

Citation: Loginov D. (2021) Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5 (In Russ.)

Окончание 2010-х гг. стало для российского населения временем стабилизации после достаточно трудного пятилетия, в течение которого массовые социальные группы ощутили снижение доходов и уровня жизни, в существенной степени исчерпав имевшиеся резервы. Период новой нестабильности, который начался в 2020 г. вследствие появления новой коронавирусной инфекции и ограничений, которые препятствуют ее распространению, ознаменовал собой начало нового адаптационного цикла. Сталкиваясь с изменениями поведенческих рамок и возможностей экономической активности, нестабильностью доходов и размытостью перспектив, различные группы российского населения встают перед необходимостью реализации адаптационных практик, которые позволяют сгладить влияние эпидемиологической и социально-экономической нестабильности.

Как показывают многочисленные исследования, адаптационные практики, которые помогают достигать и удерживать приемлемые материальные и статусные позиции, формируются, в том числе, на основе активизации собственных возможностей в форме индивидуальных нематериальных ресурсов. Создание и использование индивидуального ресурсного потенциала, таким образом, способствует увеличению адаптационных шансов различных групп населения в условиях нестабильности.

Данная статья анализирует структуру и дифференциацию нематериального ресурсного потенциала населения, а также выявляет возможности и ограничения использования накопленных ресурсов для решения адаптационных задач в условиях негативных последствий, вызванных эпидемией. Для решения поставленных задач автор обращается к результатам репрезентативного социологического исследования российского населения в возрасте 18-65 лет (объем выборочной совокупности – 3500 респондентов). Исследование проведено Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в период стартовой фазы эпидемиологического кризиса весной 2020 г. и тематически сфокусировано на ресурсных возможностях населения и перспективах адаптации к актуальной ситуации эпидемиологического неблагополучия, а также будущих негативных социально-экономических последствиях пандемии.

Ресурсный подход в исследовании процессов социально-экономической адаптации

Автор, исходя из ставших классическими определений [*Авраамова, Дискин* 1997; *Козырева* 2011], понимает процесс социально-экономической адаптации как формирование и реализацию адекватных вызовам внешней среды моделей поведения. В условиях стабильного развития персональные и групповые взаимодействия с социальной средой выстраиваются постепенно. Таким образом происходит постоянное поступательное развитие на индивидуальном, групповом и общественном уровнях.

Социально-экономическая адаптация в России последние тридцать лет имеет резкий и зачастую кризисный характер, вызванный трансформацией институтов и социальной структуры общества, экономическими кризисами, переформатированием и неустойчивостью процессов как внутри социальных групп, так и между ними. В условиях негативной динамики качества жизни населения, ухудшения ситуации на рынке труда, снижения эффективности государственной социальной политики поведенческие модели неизбежно корректируются. Различные группы населения стремятся к тому, чтобы сделать рациональный выбор [*Berk, Berk* 1983; *Coleman* 1986; *Simon* 1971 и др.] и решить задачи социально-экономической адаптации с учетом собственных возможностей и ограничений «институциональной рамки».

Такая ситуация, очевидно, выводит адаптационную проблематику в авангард исследовательского интереса. С 1990-х гг. проводится значительный комплекс исследований, посвященных концептуальному и эмпирическому анализу социально-экономической адаптации в нашей стране. Так, исследователи обосновали различия между добровольной и вынужденной адаптацией, когда новые ценности и становящиеся успешными поведенческие модели вступают в противоречие с устоявшимися в прежних институциональных условиях [*Гордон* 1994; *Шабанова* 1995]. Изменение условий жизнедеятельности обусловлено ценностными трансформациями, когда представители различных групп населения меняют свои взгляды на жизнь, реализуемые практики и модели достижения успеха [*Тихонова* 1995; *Лапин* 1996]. В ходе трансформационных процессов, как показывает анализ периода 1990-х гг., перестраивается сама общественная структура, изменяется состав прежде устоявшихся социальных групп и формируются новые [*Заславская* 1997; *Тихонова* 1997]. По завершении достаточно благополучного периода экономического развития и роста доходов населения во второй половине 2010-х гг. исследования социально-экономической адаптации вновь стали актуальными [*Авраамова, Логинов* 2015; *Каравай* 2020].

Успех адаптационных практик заключается в реализации эффективных поведенческих моделей, которые приводят к достижению приемлемых материальных и статусных позиций. В значительной степени он зависит от уровня развития ресурсов, востребованных внешней средой. Ресурсный подход активно применяют как при изучении проблематики

адаптационного поведения, так и комплекса проблем социальной стратификации. Если ранее вопросы неравенства и системы социальной стратификации рассматривали на основе выделения какого-либо одного доминирующего критерия (актива) – экономического, политического, культурного, социального, престижного, гражданского, человеческого [*Grusky* 2001] – то к настоящему времени сложились разнообразные версии многомерных подходов к выделению ресурсов. Они позволяют как и более точно описывать систему социальной стратификации, так и выделять возможности и условия для формирования адаптационных стратегий.

Так, П. Бурдье, изучая проблематику социальной стратификации современного общества, добавил к традиционному для марксистской социологии экономическому капиталу иные, нематериальные формы капитала: культурный, социальный и символический [*Бурдье* 2004]. В концепции Э. Соренсена [*Sorensen* 2000] критерием для выделения классовых позиций выступают личные активы (человеческий капитал); способности и умения; физический капитал (средства производства) и активы, приобретаемые на рабочем месте. Многомерную ресурсную модель, которая включает в себя как материальные, так и нематериальные ресурсы, применял У. Бек для анализа «общества риска» [*Бек* 2000].

В отечественной социологии рассматривали проблематику социальной стратификации и адаптации через призму ресурсного подхода Т.И. Заславская [*Заславская* 2004], О.И. Шкаратан [*Шкаратан* 2003], В.В. Радаев [*Радаев* 2002]. Последний, в частности, выделил такие ресурсные основания для исследования стратификации, как экономический, физиологический, культурный, человеческий, социальный, политический, административный и символический типы капиталов. С методологической точки зрения ресурсный подход предстает наиболее всесторонне обоснованным в работах Н.Е. Тихоновой [*Тихонова* 2014]. В них не только выделяется комплекс разнообразных материальных и нематериальных ресурсов (экономические, квалификационные, социальные, властные, символические, физиологические, культурные, личностные), но и представлены подходы к их операционализации.

Адаптационные возможности в такой постановке определяются набором материальных и нематериальных факторов, в качестве которых рассматривают показатели образования и профессионально-квалификационного статуса, уровня доходов, имущественной обеспеченности и т.д. [*Заславская* 2005; *Гордон* 1994; *Авраамова* 2005]. Ресурсный подход к исследованию человеческих возможностей, поведенческих моделей и результатов их реализации [*Тихонова* 2006] закрепляет рассмотрение немонетарных возможностей формирования адаптационных практик. В рамках ресурсного дискурса исследователи изучали номенклатуру и уровень развития ресурсов, которые могут быть накоплены, а также перспективы их востребованности меняющейся внешней средой [*Авраамова, Логинов* 2002; *Тихонова* 2004]. Таким образом, нематериальные возможности индивидов и групп населения, накапливаясь с течением времени, приобретают ресурсную значимость, увеличивая конкурентные шансы и расширяя возможности успешной социально-экономической адаптации и вертикальной мобильности в условиях изменяющейся внешней среды.

Ситуация, которая сложилась в результате эпидемии коронавируса, продолжает негативно воздействовать на ранее сложившиеся социальные институты, социально-экономические практики, образ жизни. Резкое замедление темпов роста мировой экономики, разрыв устоявшихся цепочек поставок, остановка в развитии многих отраслей экономики, банкротство многочисленных предприятий малого и среднего бизнеса – данные процессы неизбежно заставляют различные страты общества находить новые подходы к выстраиванию адекватных способов адаптации к формирующейся реальности. Однако еще достаточно рано говорить о стабилизации социально-экономической ситуации, а значит стратегии и тактики адаптации, которые население выбирает в условиях повышенной неопределенности и высоких рисков, также реализуются с большой осторожностью. Кризисная ситуация в социально-экономической сфере и неопределенность перспектив

выхода из нее с большой степенью вероятности создают стимулы для более рационального и бережливого использования уменьшающихся ресурсов (прежде всего материальных), одновременно актуализируя важность обращения к нематериальным ресурсам. Таким образом, в качестве общей гипотезы о содержании начала нового адаптационного цикла можно предположить, что первоначальная стратегия адаптации с большой вероятностью будет состоять в ревизии сложившейся поведенческой модели, аккумулировании ранее накопленных ресурсов и ожидании открывающихся возможностей.

Структура и дифференциация нематериальных ресурсов

В рассмотренной выше исследовательской практике выделяют достаточно широкий спектр разнообразных ресурсов, которые индивидуумы могут накапливать и использовать, решая адаптационные задачи. Не претендуя на анализ всей многоаспектной структуры ресурсного потенциала, в рамках настоящего исследования автор выделяет следующие его элементы: образование, здоровье и социальные связи. Предлагаемая для рассмотрения структура описывает разные уровни человеческих возможностей (образовательные, физиологические, социальные), поддается однозначной операционализации, а также характеризует человеческие ресурсы, которые имеют подтвержденный потенциал ликвидности в условиях сложных для населения трансформаций отечественного социально-экономического контекста.

Алгоритм оценки предполагает ранжирование каждого из выделенных ресурсов по единой сопоставимой шкале с четырьмя балльными значениями, что позволяет впоследствии интегрально оценить ресурсообеспеченность. Предлагаемая методика оценки отдельных ресурсов и интегральной ресурсообеспеченности основана на представлении о потенциальной сопоставимости и взаимодополняемости ресурсов: дифференцированные ресурсные возможности очевидным образом расширяют жизненные шансы, при этом дефицит одного ресурсного вида может быть с определенными ограничениями замещен путем использования другого.

Рассмотрение ресурсной значимости образования на концептуальном и эмпирическом уровнях закреплено в теории человеческого капитала [*Becker* 1962; *Schultz* 1961; *Mincer* 1958; *Аникин* 2017; *Плискевич* 2012; *Тихонова, Каравай, Латова* 2019]. Обосновано, что увеличение длительности профессиональной подготовки и повышение образовательного уровня, а также новые знания и компетенции позволяют получить конкурентные преимущества на рынке труда и повысить материальный статус. В условиях массового распространения профессионального образования, неравномерности его качества, усложнения запросов и требований рынка труда использовать для оценки образовательного ресурса лишь формальные характеристики достигнутого уровня образования недостаточно. В связи с данным фактом уровень полученного образования дополняется параметром качества образовательного ресурса, который характеризуется субъективной оценкой. Безусловно, большинство населения вряд ли обладает экспертными возможностями, которые позволяют полно и компетентно оценить качество полученной образовательной подготовки. Однако предлагаемый подход вполне применим для задач качественной дифференциации.

Таким образом, образовательный ресурс автор характеризует на основании комбинации двух характеристик: объективного (достигнутого уровня образования) и субъективного (качество получаемого или полученного профессионального образования). Оценочная шкала имеет следующий вид:

– ресурс отсутствует (0 баллов), если профессиональное образование отсутствует;

– ниже среднего (1 балл): уровень образования – начальное или среднее профессиональное / незаконченное высшее, качество которого, по субъективной оценке, не достигает высокого;

– среднее (2 балла): высшее образование низкого или среднего качества; начальное или среднее профессиональное / незаконченное высшее образование высокого качества;

– выше среднего (3 балла): высшее образование высокого качества.

Дифференциация обеспеченности образовательным ресурсом характеризуется следующим распределением (рис. 1):

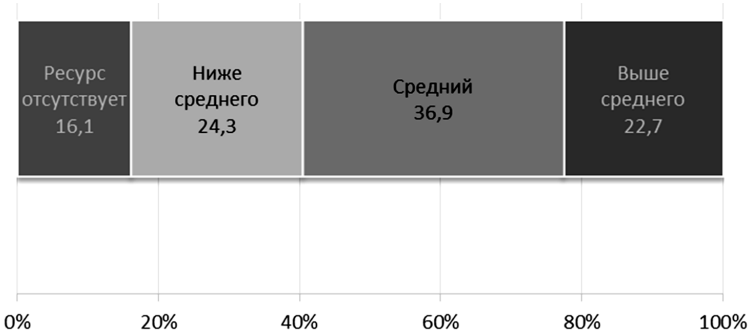


Рисунок 1. Уровень обеспеченности образовательным ресурсом, %
Figure 1. The level of educational resource availability, %

Как видно из представленных данных, образовательный ресурс достаточно высоко развит: почти 60% опрошенных характеризуются значением не ниже среднего. Наличие и уровень образовательного ресурса в максимальной степени зависят от места жительства. Значения в разрезе поселенческих групп, представленные в таблице 1, показывают, что зависимость яркая и прямая: чем больше размер населенного пункта, тем выше уровень образовательного ресурса населения.

Таблица 1

Значение образовательного ресурса, по поселенческим группам, % по строке

Table 1

The value of educational resource, by settlement groups, % by line

Типы поселений	Оценка образовательного ресурса			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Город более 1 млн чел.	11,4	19,6	35,9	33,1
Город более 100 тыс. чел.	13,5	22,8	39,2	24,5
Город 100 тыс. чел. и менее	16,2	27,9	36,8	19,2
Село	24,6	27,5	34,4	13,5

Уровень здоровья, который традиционно рассматривают в числе параметров человеческого развития как в концептуальных обоснованиях теории человеческого капитала [*Shultz* 1961; *Becker* 1975], так и в российской исследовательской практике [*Васильчук* 2002; *Сагрaдов* 2006] – также значимый нематериальный ресурс, определяющий неравенство возможностей и достижений [*Радаев* 2005]. Чем выше показатели здоровья, тем шире возможности выбора рабочих мест и увеличения трудовой нагрузки, благодаря чему можно достичь соответствующих карьерных и материальных позиций. Напротив, сравнительно

низкие показатели здоровья ограничивают доступ к привлекательным рабочим местам на конкурентном рынке труда, препятствуя успешной адаптации.

Индикаторами оценки ресурса здоровья выступают показатели субъективного восприятия его качества и наличие инвалидности. Баллирование субъективных оценок выглядит следующим образом:

– ресурс отсутствует (0 баллов): самооценка здоровья как «плохое» или «скорее плохое»;
– ниже среднего (1 балл): самооценка соответствует среднему значению;
– среднее (2 балла): самооценка – «скорее хорошее»;
– выше среднего (3 балла): здоровье субъективно характеризуется как «хорошее».

Для имеющих инвалидность сумма баллов корректировалась: при наличии третьей группы инвалидности – минус 1 балл, первой или второй группы – минус 2 балла. Итоговые отрицательные значения приравнивались к 0.

Исследование показало, что самая многочисленная группа обладает здоровьем уровня ниже среднего, а около трети опрошенных относятся к максимальному уровню (рис. 2).

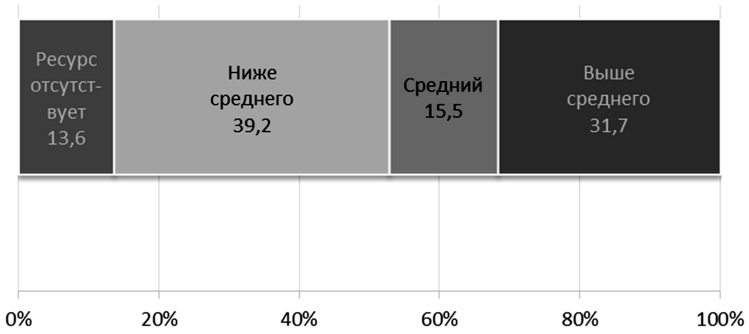


Рисунок 2. Уровень обеспеченности ресурсом здоровья, %
Figure 2. Resource level of health, %

Самый значимый фактор, который влияет на уровень здоровья – возраст: чем старше респонденты, тем ниже значение. Однако необходимо отметить, что даже в самой старшей когорте показатели большинства характеризуются не минимальным значением, а уровнем ниже среднего. Молодые, ожидаемо, обладают самыми высокими показателями (таб. 2).

Таблица 2

Значение ресурса здоровья, по возрастным группам, % по строке

Table 2

The value of the resource of health, by age groups, % by line

Возрастные группы	Оценка актива здоровья			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
18–24 года	5,5	21,9	20,4	52,2
25–34 года	5,5	28,7	20,6	45,2
35–44 года	8,6	39,3	16,5	35,6
45–54 года	17,3	46,9	13,8	22,0
55–65 лет	27,5	50,9	8,4	13,2

Показатели ресурса здоровья отличаются и по гендерным группам: возможности женщин существенно ниже. Особенно значительна дифференциация в группе «выше среднего»: среди мужчин ее наполнение составляет 38%, среди женщин – только четверть (таб. 3).

Таблица 3

Значение ресурса здоровья, по гендерным группам, % по строке

Table 3

The value of the resource of health, by gender groups, % by line

Гендерные группы	Оценка ресурса здоровья			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Мужчины	12,0	33,5	16,3	38,3
Женщины	15,2	44,6	14,7	25,5

Была проверена гипотеза о том, что гендерные различия в обеспеченности ресурсом здоровья могут определяться количественным приоритетом женщин среди представителей старшего поколения, в котором, как показано выше, показатели здоровья очевидно снижены. Отчасти данное утверждение действительно, однако анализ по половозрастным группам показывает, что для любой из них уровень здоровья женщин сравнительно низок.

Ресурс социальных связей характеризуется возможностями человека получить помощь в решении значимых для него проблем со стороны социального окружения. В соответствии с определением П. Бурдье, сети институциональных отношений составляют совокупность актуальных или потенциальных ресурсов на основе знакомства и признаний [*Бурдье* 2002]. На основе разработок Дж. Коулмана [*Coleman* 1990] можно постулировать, что социальные связи приобретают ресурсную значимость тогда, когда могут быть конвертированы в конкурентные преимущества, замещение дефицита других ресурсов или увеличение их ликвидности. В данном исследовании ресурс социальных связей рассматривается через анализ широты потенциально полезных социальных взаимодействий, то есть через количество субъектных групп, которые могут помочь в разрешении трудной ситуации или способствовать реализации успешных жизненных стратегий.

Баллирование осуществляется на основе положительных ответов на вопрос о возможности получения помощи от представителей каждой из выделенных субъектных групп (родственники, друзья, коллеги, участники сетевых сообществ в интернете, государственные органы, общественные организации). Результирующая оценочная шкала имеет следующий вид:

– ресурс отсутствует (0 баллов): не отмечена возможность результативного обращения к представителям ни одной из перечисленных групп;

– ниже среднего (1 балл): отмечена возможность результативно обратиться только к одному из видов акторов;

– среднее (2 балла): возможность обратиться к представителям двух групп социальных акторов;

– выше среднего (3 балла): возможность обратиться к представителям трех и более групп акторов.

Распределение дифференциации обеспеченности ресурсом социальных связей иллюстрирует, что более 40% населения не видят никаких возможностей получить значимую для себя внешнюю помощь и поддержку (рис. 3).

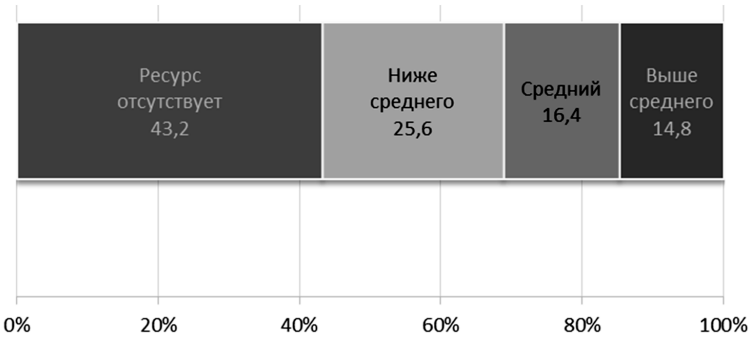


Рисунок 3. Уровень обеспеченности ресурсом социальных связей, %
Figure 3. The level of availability of social connections resource, %

Рассмотрим субъектные различия. Самым дефицитным каналом результативных взаимодействий выступают участники сетевых сообществ, которые достигают значимости на уровне около 10% лишь в группе с максимальным ресурсом социальных связей. Неудивительно, что доступнее всего для оказания помощи в трудной жизненной ситуации стали родственники. Однако надо отметить, что ожидания поддержки со стороны государственных органов значительны и существенно превышают перспективы обращения к другим субъектам за пределами «личного круга знакомств». В частности, в группе лиц с одним каналом взаимодействий (ресурс социальных связей «ниже среднего») треть опрошенных рассчитывают на государственную помощь, которая в данном случае имеет второй ранг. Подобный спектр мнений свидетельствует о том, что достаточно высокий запрос на содействие государства со стороны различных групп населения [*Салмина* 2012, *Аникин, Лежнина и др.* 2020], пусть он и не полностью удовлетворен, подтверждается надеждами на поддержку в трудной ситуации (таб. 4).

Таблица 4

Субъекты оказания помощи и поддержки, по группам оценки ресурса социальных связей, % по столбцу, допускалось более одного ответа

Table 4

Subjects of help and support, by groups of social connections resource assessment, % by column, more than one answer was allowed

Субъекты получения помощи, в случае необходимости	Оценка ресурса социальных связей			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Родственники	0,0	45,8	62,8	93,7
Друзья	0,0	12,1	50,7	88,2
Коллег	0,0	4,8	23,0	75,8
Участники сетевых сообществ в интернете	0,0	1,0	3,1	11,1
Государственные органы	0,0	33,3	40,7	44,3
Общественные организации	0,0	3,0	19,7	28,5

Самый значимый фактор социально-демографической дифференциации, который определяет уровень обеспеченности ресурсом социальных связей – возраст. Чем в более активном возрасте находится человек, чем больше социальных ролей он играет – тем раз-

нообразнее структура его социальных взаимодействий и больше возможности получить от них результат. Ресурс максимален у самых молодых, а минимален – в старшей возрастной когорте. Наиболее заметны различия между возрастными группами именно в доле наиболее ресурсообеспеченных и депривированных; наполненность групп развитости ресурса социальных связей на уровнях среднего и ниже среднего по возрастным когортам вполне сопоставима (таб. 5).

Таблица 5

Значение ресурса социальных связей, по возрастным группам, % по строке

Table 5

The value of social connections resource, % by line

Возрастные группы	Оценка ресурса социальных связей			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
18–24 года	28,0	25,8	19,9	26,4
25–34 года	37,1	24,5	19,6	18,8
35–44 года	42,3	25,6	16,7	15,4
45–54 года	47,8	26,1	14,0	12,0
55–65 лет	54,3	24,6	12,8	8,4

Важный фактор дифференциации обеспеченности ресурсом социальных взаимодействий – профиль занятости. Очевидно, что любая занятость увеличивает социальный капитал, в том числе (но не только) через возможности получить помощь и поддержку от коллег по работе (таб. 6).

Собственники бизнеса и индивидуальные предприниматели обладают максимальным ресурсом социальных связей.

Таблица 6

Значение ресурса социальных связей, по группам профиля занятости, % по строке

Table 6

The value of social connections resource, by groups of employment profile, % by line

Профиль занятости	Оценка ресурса социальных связей			
	Отсутствует	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Собственники бизнеса, ИП, самозанятые	35,3	26,9	19,8	18,0
Руководители и специалисты высшей квалификации	41,5	23,9	17,5	17,1
Специалисты средней квалификации, рядовые работники торговли и услуг	44,4	23,9	14,3	17,4
Рабочие	40,6	23,9	16,4	19,1
Не занятые	46,8	26,8	15,8	10,5

Данные, представленные на рис. 4, показывают, что более 40% населения не обладают ресурсами максимального значения.

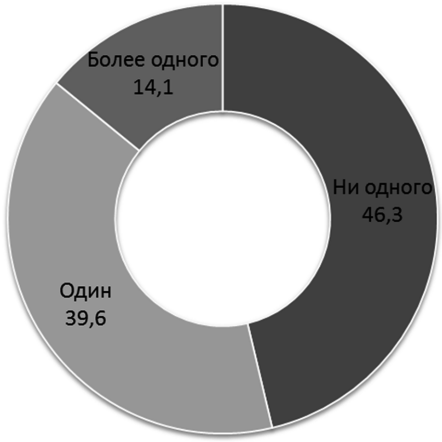


Рис. 4. Количество ресурсов, уровень обеспеченности которыми соответствует значению «выше среднего», %

Figure 4. Number of resources, which level of availability corresponds to the value «above average», %

Интегральная оценка нематериальной ресурсной обеспеченности

На основе обеспеченности каждым из выделенных ресурсных параметров автор провел интегральную оценку ресурсного потенциала населения. Суммарное количество баллов по шкалам ресурсов образования, здоровья, социальных связей (каждый из которых измерен в диапазоне от 0 до 3 баллов) представлено на рисунке 5. Среднее значение балльного распределения составляет 4,34; медианное – 4.

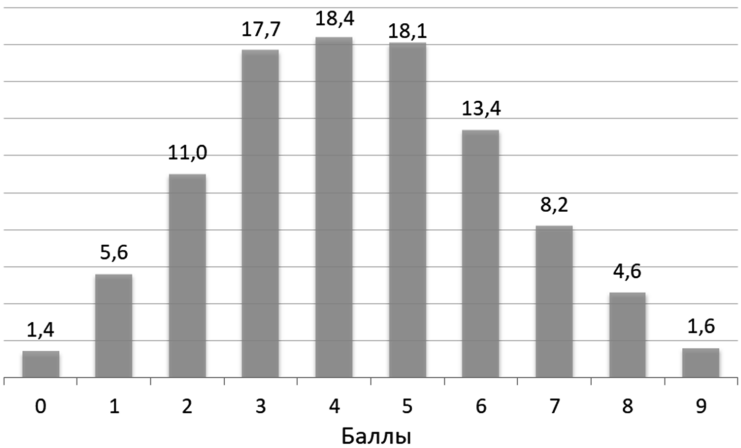


Рисунок 5. Балльная оценка нематериальной ресурсообеспеченности населения, %

Figure 5. Scoring assessment of availability of non-material resources for population, %

Определение пороговых значений балльного распределения позволяет свести результаты к пяти группам, которые дифференцированы по уровням развития ресурсных возможностей потенциала (рис. 6).

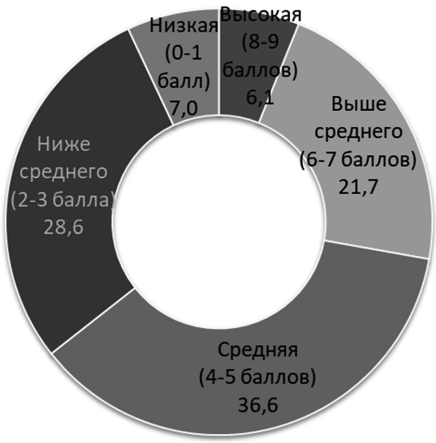


Рисунок 6. Интегральная оценка ресурсного потенциала, %
Figure 6. Integral assessment of resource potential, %

С учетом того, что наполненность двух полярных групп с высокой и низкой ресурсообеспеченностью крайне невелика и составляет 6–7%, в дальнейшем анализе пятиступенчатая шкала редуцируется в трехступенчатую с достижением большего наполнения каждой из рассматриваемых групп. В результате агрегации значений, которые характеризуют, с одной стороны, показатели «низкий» и «ниже среднего», а, с другой – «высокий» и «выше среднего», получаются три массовые группы, дифференцированные по уровню обеспеченности нематериальными ресурсами:

– ресурсообеспеченность ниже среднего – 35,6%;
– средняя ресурсообеспеченность – 36,6%;
– ресурсообеспеченность выше среднего – 27,8%.

Рассмотрим различия, которые характеризуют различные социальные группы (таб. 7).

Объем накопленных нематериальных ресурсов значительно различается у жителей сельских поселений и городов разного размера. Чем больше размер населенного пункта, тем выше доля лиц со значительным ресурсным потенциалом и ниже доля с ограниченным. Необходимо отметить, что среди жителей сел и малых городов наиболее велика группа с минимальными характеристиками индивидуальных возможностей, тогда как в городах с населением более 100 тыс. человек и в миллионниках – со средним.

Возраст значительно дифференцирует население по уровню ресурсного потенциала. Кардинальный спад происходит в старших возрастных когортах, из которых в исследование включена группа 55–65 лет. Опрошенные в возрасте до 35 лет выступают достаточно благополучной группой не только в сравнении с более старшими: среди молодежи менее четверти опрошенных относятся к ресурсно неблагополучным, одновременно около 40% обладают достаточно развитым ресурсным потенциалом.

Гендерные различия выражены не столь ярко, но также весьма заметны. Мужчины – несколько более ресурсообеспеченная группа.

Наблюдается существенная зависимость оценок накопленного ресурсного потенциала от уровня образования. С одной стороны, данная особенность заложена в самой методике, поскольку образовательный уровень – один из показателей в интегральной оценке. Как показывают распределения из таблицы 8, неразвитый образовательный потенциал крайне ограничивает достижение не только высоких, но и средних уровней ресурсной обеспеченности. Отсутствие профессионального образования в большинстве случаев

определяет обеспеченность нематериальными активами на уровне ниже среднего, а высшее образование дает мощное ресурсное преимущество. Наблюдается кумулятивный эффект, при котором развитый образовательный ресурс расширяет возможности накопления двух других элементов ресурсной структуры.

Таблица 7

Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности, по поселенческим, возрастным и гендерным группам, % по строке

Table 7

Integral assessment of non-material resource availability, by settlement, age and gender groups, % by line

Группы населения	Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности		
	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего
В целом	35,6	36,6	27,8
По типам поселений			
Город более 1 млн чел.	26,9	38,8	34,2
Город более 100 тыс. чел.	32,6	37,7	29,8
Город 100 тыс. чел. и менее	38,7	36,3	25,1
Село	45,1	33,5	21,4
По возрастным группам			
18–34 года	23,4	39,0	37,6
35–54 года	35,7	37,3	27,0
55 лет и старше	53,2	31,8	15,0
По гендерным группам			
Мужчины	33,5	34,4	32,1
Женщины	37,6	38,6	23,8

Таблица 8

Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности, по образовательным группам, % по строке

Table 8

Integral assessment of non-material resource availability, by educational groups, % by line

Образовательные группы	Интегральная оценка ресурсного потенциала		
	Ниже среднего	Средний	Выше среднего
Отсутствие профессионального образования	58,6	26,3	15,1
Среднее/начальное профессиональное образование	44,6	36,6	18,9
Высшее образование	12,5	42,7	44,8
В целом	35,6	36,6	27,8

Анализ дифференциации по группам занятости показывает, что максимальная доля обладающих высокоразвитыми нематериальными ресурсами приходится на группу руководителей и специалистов высшей квалификации (45%). Минимальными ресурсами обла-

дают незанятые: только 18% обладают оценками выше среднего, тогда как почти половина имеют ограниченный потенциал. С одной стороны, занятость позволяет приращивать нематериальные ресурсы, что особенно заметно в отношении социальных связей среди представителей группы занятых на высокостатусных позициях. С другой стороны, развитие нематериальных активов значительно расширяет шансы достигнуть приемлемых карьерных позиций. Как показывают результаты исследования, среди обладающих ресурсными возможностями выше среднего уровня доля руководителей и специалистов высшей квалификации составляет почти половину.

Возможности и пределы реализуемости ресурсного потенциала

Рассмотрим возможности реализации накопленного ресурсного потенциала для достижения сравнительно высоких материальных и статусных позиций.

Как показывают данные в таблице 9, проблема ограниченной ликвидности индивидуальных ресурсов, которую отмечали в исследованиях процессов социально-экономической адаптации с 1990-х гг., сохраняет актуальность. Материальные и статусные достижения значительных групп населения как минимум на одну «ступень» отстают от уровня развития индивидуального ресурсного потенциала. Особенно данные различия заметны при рассмотрении материального статуса: средний показатель нематериальной ресурсообеспеченности в почти половине случаев соответствует более низким оценкам материального благополучия, а развитие индивидуальных ресурсов до уровней выше среднего позволяет достигнуть соответствующей оценки материального статуса менее 15% опрошенных.

Таблица 9

Материальное и общественное положение (по самооценке) в зависимости от уровня нематериальной ресурсной обеспеченности, % по столбцу

Table 9

Financial and social position (self-estimation) by level of non-material resource availability, % by column

Уровень…	Интегральная оценка нематериальной ресурсообеспеченности			
	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	В целом
… материального положения				
Низкий	32,1	19,6	10,8	21,6
Ниже среднего	31,6	26,2	22,4	27,1
Средний	33,3	48,2	52,7	44,1
Выше среднего	2,6	4,9	12,6	6,2
Высокий	0,4	1,1	1,5	1,0
… общественного положения				
Низкий	16,0	6,5	4,0	9,2
Ниже среднего	24,5	17,4	10,8	18,1
Средний	54,3	66,9	66,4	62,3
Выше среднего	4,1	6,9	15,3	8,2
Высокий	1,0	2,3	3,5	2,2

Вместе с тем развитие индивидуальных ресурсов значительно расширяет шансы на получение и удержание привлекательных социально-экономических статусов. Уровни материальной обеспеченности и общественного положения выше среднего значения при отсутствии сопоставимого показателя ресурсной обеспеченности практически

не достижимы. Ресурсный потенциал выше среднего уровня значимо снижает риски включенности в низкодоходные и низкостатусные слои. Среднее значение ресурсообеспеченности по сравнению с низшими сегментами сужает группы материальной и статусной дезадаптации примерно на 30% и 45% соответственно.

В условиях экономической нестабильности и эпидемиологических ограничений первой половины 2020 г. проявился значительный демпфирующий эффект развитого ресурсного потенциала. Существенную негативную динамику материальной обеспеченности в рассматриваемый период отметили 20% опрошенных. В группе интегральной оценки ресурсообеспеченности ниже среднего доля таких ответов превысила 25%, а среди обладающих ресурсами выше среднего уровня она составляет около 15%.

Ожидания от будущего также дифференцируются в зависимости от индивидуальной ресурсной обеспеченности (таб. 10). Перспективная динамика материальной обеспеченности на горизонте ближайшего года демонстрирует, что доли ожидающих улучшений в полярных группах ресурсообеспеченности отличаются почти двукратно. Необходимо отметить, что значительный ресурсный потенциал снижает ощущение неопределенности в условиях кризисного шока. Данную специфику подтверждает тот факт, что в составе соответствующей группы минимальная доля респондентов затруднились оценить свои перспективы.

Таблица 10

Самооценка перспективной динамики материального положения, по группам интегральной оценки нематериальной ресурсообеспеченности, % по строке

Table 10

Self-estimation of prospective financial position dynamics, by groups of integral assessment of non-material resource availability, % by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Самооценка перспективной динамики материального положения			
	Улучшится	Не изменится	Ухудшится	Затруднились ответить
Ниже среднего	11,7	44,4	31,9	12,1
Средний	14,7	46,6	29,6	9,2
Выше среднего	21,0	47,7	24,0	7,3
В целом	15,4	46,1	28,9	9,7

Рассмотрим теперь положение на рынке труда представителей различных ресурсных групп с точки зрения удовлетворенности трудовыми позициями. Надо отметить, что занятые имеют достаточно оптимистичные представления об имеющейся работе по большинству параметров оценки (рис. 7). Явным исключением выступает уровень оплаты труда: лишь 29% опрошенных удовлетворены данным параметром. Стоит отметить, что развитый ресурсный потенциал позволяет увеличить удовлетворенность всеми характеристиками работы. Особенно заметно различие в отношении самого дефицитного из них: размер оплаты труда полностью соответствует ожиданиям 40% данной группы.

В результате агрегации параметров восприятия респондентами своей позиции на рынке труда получается интегральная оценка привлекательности занимаемых рабочих мест. Около трети занятых удовлетворены двумя или тремя индикаторами и имеют работу средней привлекательности. Представители двух групп, сопоставимых по доле (13–15% каждая), имеют низкую или высокую оценки. Еще две группы, в каждую из которых включены около 20% работающих, занимают рабочие места интегральной оценки ниже и выше среднего.

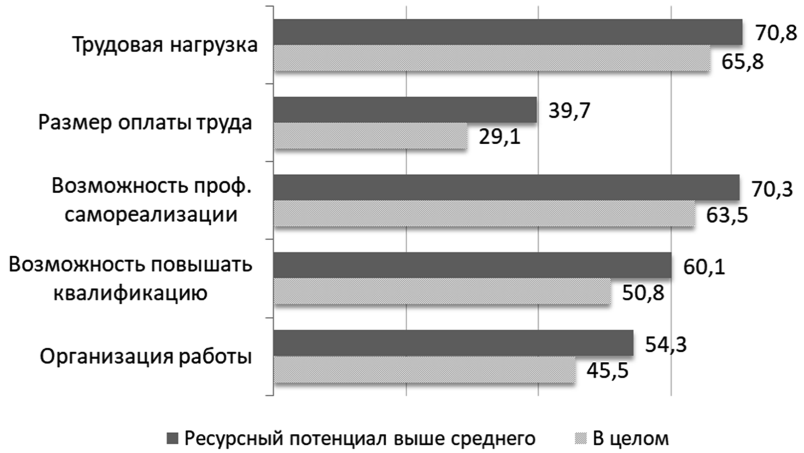


Рисунок 7. Доля опрошенных, удовлетворенных различными характеристиками занимаемой трудовой позиции, % от работающих, допускалось более одного ответа

Figure 7. The share of respondents satisfied with various characteristics of their job, % of those who are employed, more than one answer was allowed

Если доля занятых на среднеудовлетворительных позициях абсолютно не зависит от уровня ресурсообеспеченности (различия составляют менее 1%), то возможности получить и удержать привлекательные рабочие места значительно различаются в зависимости от объема ресурсного потенциала. Высокая и низкая оценки работы в полярных группах ресурсообеспеченности различаются более чем двукратно.

Таблица 11

Привлекательность занимаемых рабочих мест, по группам интегральной оценки нематериальной ресурсообеспеченности, % от работающих, по строке

Table 11

The attractiveness of jobs, by groups of integral assessment of non-material resource availability, % of those who are employed, by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Привлекательность занимаемых рабочих мест				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Ниже среднего	20,4	21,3	34,8	13,5	10,0
Средний	12,3	20,2	34,0	21,4	12,1
Выше среднего	8,8	13,6	34,1	22,3	21,2
В целом	13,2	18,2	34,3	19,6	14,7

Возвращаясь к контексту экономической нестабильности и эпидемиологических ограничений, рассмотрим устойчивость занятости россиян с различным ресурсным уровнем. Как видно из данных таблицы 12, развитый потенциал нематериальных активов в существенной степени можно назвать «страховкой от нестабильности»: только 18% группы выше среднего ресурсного потенциала считают, что их занятость неустойчива, а новое трудоустройство сопряжено с существенными трудностями. В двух других группах такая позиция распространена в полтора-два раза чаще.

Таблица 12

Устойчивость занятости, по группам интегральной оценки ресурсного потенциала, % от занятых, по строке

Table 12

The stability of employment, by groups of resource potential integral assessment, % of those who are employed, by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Устойчивость занятости		
	Риск потери работы незначительный	Риск потери работы существенный, но легко найти новую	Риск потери работы существенный, и трудно найти новую
Ниже среднего	59,3	4,8	36,0
Средний	65,6	4,7	29,7
Выше среднего	77,5	4,5	18,0
В целом	68,0	4,7	27,3

Предсказуемо, что кризисная ситуация и неясность перспектив глубины и длительности негативных явлений актуализируют запрос на социальную поддержку. Более половины опрошенных относят себя к нуждающимся в помощи со стороны государства, в том числе 16% – к остро нуждающимся (таб. 13).

Таблица 13

Острота запроса на социальную поддержку, по группам интегральной оценки ресурсного потенциала, % от занятых, по строке

Table 13

Actuality of request for social support, by groups of resource potential integral assessment, by line

Интегральная оценка ресурсного потенциала	Самооценка нуждаемости в помощи со стороны государства			
	Очень нуждаются	Скорее нуждаются	Скорее не нуждаются	Не нуждаются
Ниже среднего	23,6	50,0	20,5	5,8
Средний	14,5	47,1	29,2	9,2
Выше среднего	8,9	40,6	36,0	14,5
В целом	16,2	46,3	28,0	9,5

Запрос на социальную поддержку максимизируют представители наименее ресурсообеспеченных слоев населения, почти 75% из которых отнесли себя к потенциальным реципиентам, а около четверти сильно нуждаются в помощи. По мере наращивания ресурсного потенциала значительно возрастают доли опрошенных, которые способны самостоятельно решить адаптационные задачи и достичь приемлемого уровня жизни.

Заключение

Характеризуя уровень и результативность использования ресурсного потенциала населения, необходимо отметить существенную дифференциацию по уровню обеспеченности нематериальными ресурсами. Интегральный показатель ресурсообеспеченности (в него входят индикаторы образования, здоровья и социальных связей) иллюстрирует, что группы ниже среднего и среднего уровня практически равны и составляют 35–36% населения,

а 28% обладают сравнительно высокими ресурсными возможностями. Они наиболее ограничены у жителей малых городов и сельских поселений, а также у представителей старших возрастных когорт.

Различия в уровне нематериальных ресурсов приводят к неравенству в способности успешно адаптироваться к социально-экономической нестабильности. Развитый ресурсный потенциал значимо снижает риски перехода в низкодоходные и низкостатусные слои, а также закрепления на таких позициях. Одновременно ресурсный дефицит снижает шансы войти в благополучные доходные и статусные группы практически до нуля, существенно ограничивая возможность достижения даже средних позиций.

Развитие индивидуальной ресурсной базы позволяет достигнуть лучших позиций на рынке труда. Удовлетворенность размером трудового дохода в благополучной ресурсной группе превышает средние значения на 10 п.п., достигая достаточно значительного в условиях невысоких доходов в массовых сегментах занятости уровня (40%). Ресурсное благополучие также повышает устойчивость занятости, двукратно снижая риски войти в группу опасающихся потерять работу и столкнуться со сложностями поиска новой.

Продолжает оставаться актуальной проблема недоиспользования накопленных индивидуальных ресурсов и барьеров, которые препятствуют достижению приемлемых материальных и социальных статусов даже представителям благополучных ресурсных групп. Цепочка «накопление нематериальных ресурсов → успешное использование ресурсного потенциала с достижением желаемых уровней дохода и общественного положения» остается во многом разорванной. Такая ситуация придает насущный характер как задачам институционального развития (которое стимулирует расширение сегментов рынка труда, востребующих развитый человеческий потенциал), так и необходимости социальной поддержки уязвимых групп населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авраамова Е.М. (2005) Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // Общественные науки и современность. №6. С. 5–15.

Авраамова Е.М, Дискин И.Е. (1997) Адаптация населения и элит // Общественные науки и современность. № 1. С. 24–33.

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002) Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. № 5. С. 24–34.

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2018). Адаптация населения к «новой экономической реальности» // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». № 6. С. 86–102. DOI: http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102.

Аникин В.А. (2017) Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. Т. 18. № 4. С. 120–148. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.

Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020) Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? // Мир России. Т. 29. № 1. С. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.

Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: ПрогрессТрадиция.

Бурдье П. (2002) Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Васильчук Ю.А. (2002) К общей теории социального развития человека // Глобальный мир. Вып. 2. С. 4–65.

Гордон Л.А. (1994) Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. № 8-9. С. 3–15.

Заславская Т.И. (1997) Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–23.

Заславская Т.И. (2004) Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело.

Заславская Т.И. (2005) Двадцать лет российской трансформации. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. № 3. С. 13–25.

Каравай А.В. (2020) Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX – начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies. № 12(1). С. 144-159. DOI 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159.

Козырева П.М. (2011) Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. № 6. С. 24–35.

Лапин Н.И. (1996) Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник российского гуманитарного научного фонда. № 2. С.141–150.

Плискевич Н.М. (2012) Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН.

Радаев В.В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. № 4. С. 20–32.

Радаев В.В. (2005) Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Саградов А.А. (2006) Воспроизводство населения и социальный капитал // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. № 5. С.15–32.

Салмина А.А. (2012) Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // Мир России. Т. 21. № 3. С. 133–164.

Тихонова Н.Е. (1995) Ценности россиян и перспективы политического процесса в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 3.

Тихонова Н.Е. (1997) Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. №3. С. 5–14.

Тихонова Н.Е. (2004) Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. № 4. С. 24–35.

Тихонова Н.Е. (2006) Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. Т. 7. № 3. С. 11–26.

Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальностью. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН.

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Латова Н.В. (2019) Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. №4. С. 39-47. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-097-04-39-47

Шабанова М.А. (1995) Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. №9. С. 81–88.

Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В. (2003) Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ ВШЭ.

Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. No. 70 (5). P. 9–49.

Becker G.S. (1975) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2nd Ed. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research.

Berk S.F., Berk R.A (1983) Supply-side sociology of the family: The challenge of the New Home Economics // Annual Review of Sociology. No. 9. P. 375–395.

Coleman J.S (1986) Social theory, social research, and a theory of action // American Journal of Sociology. No. 91. P.1309–1335.

Coleman J.S. (1990) Foundations of Social Theory. Cambridge.

Grusky D. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. In D. Grusky (ed.) Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press.

Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // The Journal of Political Economy. No. 66 (4). P. 281–302.

Schultz T.W. (1961) Investment in Human Capital // The American Economic Review. No.51 (1). P. 1–17.

Simon H. (1971) Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science. Microeconomics: Selected Readings, Ed. by E. Mansfield. New York.

Sorensen A. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis // The American Journal of Sociology. Vol. 105. № 6. P. 1523–1528.

REFERENCES

Avraamova E.M. (2005) Vosproizvodstvo adaptacionnyh praktik v period rossijskoj transformacii [Reproduction of Adaptation Practices in the Period of Russian Transformation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 5–15.

Avraamova E.M, Diskin I.E. (1997) Adaptaciya naseleniya i elit [Adaptation of the Population and Elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no 1, pp. 24–33.

Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002) Social'no-ekonomicheskaya adaptaciya: resursy i vozmozhnosti [Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 24–34. DOI: http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102

Avraamova E.M., Loginov D.M. (2018). Adaptaciya naseleniya k «novoj ekonomicheskoj real'nosti» [Adaptation of the Population to the "New Economic Reality"]. *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal "EKO"*. no. 6, pp. 86–102.

Anikin V.A. (2017) Chelovecheskij kapital: stanovlenie koncepcii i osnovnye traktovki [Human Capital: The Formation of the Concept and the Main Interpretations]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. vol. 18, no. 4, pp. 120–148. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.

Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020) Kto i pochemu ishchet gosudarstvennoj podderzhki v novoj Rossii? [Who and Why is Looking for State Support in the New Russia]. *Mir Rossii*. vol. 29, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52

Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modern]. Moscow: ProgressTradiciya.

Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*. no. 70 (5), pp. 9–49.

Becker G.S. (1975) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 2 ed. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research.

Berk S.F., Berk R.A (1983) Supply-Side Sociology of the Family: The Challenge of the New Home Economics. *Annual Review of Sociology*. no. 9, pp. 375–395.

Coleman J.S (1986) Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology*. no. 91, pp. 1309–1335.

Coleman J.S. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge.

Gordon L.A. (1994) Social'naya adaptaciya v sovremennyh usloviyah [Social Adaptation in Modern Conditions]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 8-9, pp. 3–15.

Grusky D. (2001) *The Past, Present, and Future of Social Inequality*. In: D. Grusky (ed.) Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Westview Press.

Karavaj A.V. (2020) Izmeneniya v strategiyah social'no-ekonomicheskoj adaptacii rossiyan v konce XX – nachale XXI vv. [Changes in the Strategies of Socio-Economic Adaptation of Russians in the Late XX – Early XXI Centuries]. *Journal of Institutional Studies*. no. 12(1), pp. 144-159. DOI 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144–159

Kozyreva P.M. (2011) Social'naya adaptaciya naseleniya Rossii v postsovetskij period [Social Adaptation of the Russian Population in the Post-Soviet Period]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 6, pp. 24–35.

Lapin N.I. (1996) Dinamika cennostej naseleniya reformiruemoj Rossii [Dynamics of the Values of the Population of the Reformed Russia]. *Vestnik rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. no. 2, pp. 141–150.

Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy*. no. 66 (4), pp. 281–302.

Pliskevich N.M. (2012) *Chelovecheskij kapital v transformiruyushchejsya Rossii* [Human Capital in a Transforming Russia]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.

Radaev V.V. (2005) *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VSHE.

Radaev V.V. (2002) Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertaciya [The Concept of Capital, Forms of Capital and their Conversion]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. no. 4, pp. 20–32.

Sagradov A.A. (2006) Vosproizvodstvo naseleniya i social'nyj kapital [Population Reproduction and Social Capital]. *Vestnik MGU*. Series 6. Economy, no. 5, pp. 15–32.

Salmina A.A. (2012) Social'nye zaprosy rossiyan k gosudarstvu: faktory formirovaniya i mezhstranovye sravneniya [Social Demands of Russians to the State: Factors of Formation and Cross-Country Comparisons]. *Mir Rossii*. vol. 21, no. 3, pp. 133–164.

Simon H. (1971) *Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science*. In: Microeconomics: Selected Readings, Ed. by E. Mansfield. New York.

Schultz T.W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, no. 51 (1), pp. 1–17.

Shabanova M.A. (1995) Social'naya adaptaciya v kontekste svobody [Social Adaptation in the Context of Freedom]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 9, pp. 81–88.

Shkaratan O.I., Bondarenko V.A., Krel'berg YU.M., Sergeev N.V. (2003) *Social'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii* [Social Stratification and its Reproduction in Modern Russia]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VSHE.

Sorensen A. (2000) Toward a sounder basis for class analysis. *The American Journal of Sociology.* vol. 105, no. 6, pp. 1523–1528.

Tihonova N.E. (1995) Cennosti rossiyan i perspektivy politicheskogo processa v Rossii [Russian Values and Prospects of the Political Process in Russia]. *Obnovlenie Rossii: trudnyj poisk reshenij.* Issue. 3.

Tihonova N.E. (1997) Dinamika social'noj stratifikacii v postsovetskom obshchestve [Dynamics of Social Stratification in Post-Soviet Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 5–14.

Tihonova N.E. (2004) Social'nyj kapital kak faktor neravenstva [Social Capital As a Factor of Inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 24–35.

Tihonova N.E. (2006) Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah [Resource Approach As a New Theoretical Paradigm in Stratification Studies]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. vol. 7, no. 3, pp. 11–26.

Tihonova N.E. (2014) *Social'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'yu* [The Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow: Novyj hronograf: Institut sociologii RAN.

Tihonova N.E., Karavaj A.V. Latova N.V. (2019) CHelovecheskij kapital rossijskih rabochih: sostoyanie, dinamika, faktory [Human Capital of Russian Workers: State, Dynamics, Factors]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. no. 4., pp. 39–47.

Vasil'chuk Yu.A. (2002) K obshchej teorii social'nogo razvitiya cheloveka [Towards a General Theory of Human Social Development]. *Global'nyj mir*. Issue 2, pp. 4–65.

Zaslavskaya T.I. (1997) Social'naya struktura sovremennogo rossijskogo obshchestva [The Social Structure of Modern Russian society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 5–23.

Zaslavskaya T.I. (2005) Dvadcat' let rossijskoj transformacii. Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe [Twenty Years of Russian Transformation. Human Potential in the Modern Transformation Process]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 13–25.

Zaslavskaya T.I. (2004) *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: social'nyj mekhanizm transformacii* [Modern Russian Society: the Social Mechanism of Transformation]. Moscow: Izdatel'skij dom Delo.

Информация об авторе

Логинов Дмитрий Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: Москва, Пречистенская наб., 11. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

About the author

Dmitry M. Loginov, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Address: 11, Prechistenskaya nab., 119034, Moscow, Russian Federation. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 21.07.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 15.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 61–72
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 61–72

DOI: 10.31857/S086904990017880-0

Оригинальная статья / Original Article

Труд и отношение к нему: до и после модерна

© А.В. ШИПИЛОВ

Шипилов Андрей Васильевич, Воронежский государственный педагогический университет, (Воронеж, Россия), andshipilo@yandex.ru

Статья посвящена проблеме изменения характера труда и отношения к нему, актуальность которой возрастает в силу текущих трендов социально-экономического развития. Автор обращает внимание на то, что лишь в индустриальном обществе, которое сформировалось в Европе XIX в. в результате промышленной революции, труд рассматривался как способность, потребность и обязанность человека, как то, что сделало и делает его человеком. Позитивный ценностный статус труда до некоторой степени сохраняется и сегодня, однако общество перестало быть индустриальным из-за перетекания рабочей силы из промышленности в сервис, что обусловлено повышением производительности труда. В постиндустриальном обществе труд сокращается в пользу досуга, ценность второго растет, а первого – падает. В связи с данной особенностью стоит вспомнить, что в аграрном обществе, в эпохи Античности и Средневековья труд рассматривался как антиценность и был уделом низших классов и сословий. Отношение к труду в постиндустриальную эру сближается с отношением к труду в доиндустриальный период, из позитивного превращаясь в негативное, тогда как досуг становится самоценным и самоцельным. Можно согласиться с мнением, что цивилизация труда сегодня сменяется цивилизацией досуга.

Ключевые слова: труд, досуг, трудовая этика, ценность труда, аграрное, индустриальное, постиндустриальное общество

Цитирование: Шипилов А.В. (2021) Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные науки и современность. № 6. С. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021, № 6. С. 61–72
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 6, pp. 61–72

Labor and Attitude To It: Before and After Modernity

© A. SHIPILOV

Andrey V. Shipilov, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia), andshipilo@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the changing nature of labor and attitudes towards it. The relevance of this topic continues to grow due to current trends in socio-economic development. The author draws attention to the fact that only in the industrial society, which was formed in Europe of the XIX century as result of the industrial revolution, labor was seen as the ability, need and duty of a person, as something that did and makes him a person. The positive value status of labor persists to some extent even today, but the industrial society has ceased to exist due to the overflow of labor force from industry to service. This overflow happened because of the increase in working efficiency. In the postindustrial society the process of a general reduction in labor in favor of leisure is unfolding as the value of the latter increases and the value of the former decreases. In this regard, it is useful to remember that in the agrarian society, as well as in the era of Antiquity and the Middle Ages labor was viewed as an anti-value and was the occupation of the lower classes and estates. The attitude towards labor in the post-industrial era approaches the attitude of the pre-industrial period, turning from positive to negative, while leisure becomes self-valuable and self-sufficient. Thus, one can agree with the opinion that the civilization of labor is being replaced today by the civilization of leisure.

Keywords: labor, leisure, work ethics, value of labor, agrarian, industrial, post-industrial society

Citation: Shipilov A. (2021) Labor and Attitude To It: Before and After Modernity. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0 (In Russ.)

Человек труда

Вопреки распространенному мнению, Ф. Энгельс не писал, что «труд создал из обезьяны человека». Он считал, что «труд создал самого человека», что труд есть «первое основное условие всей человеческой жизни» и что труд вместе с прямохождением, инструментальным использованием рук, членораздельной речью и пр. превратил мозг обезьяны в человеческий мозг, а стадо обезьян – в человеческое общество. «И в чем же опять мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян?», – задавался вопросом классик и тут же отвечал: «В труде» [*Энгельс* 1941, 134, 138]. Как известно, речь шла не только о роли труда в превращении обезьяны в человека, но и о том, что, словами другого классика, труд есть «вечное естественное условие человеческой жизни»: совместный и орудийный труд как целенаправленная деятельность по производству благ, которые удовлетворяют потребности человека, есть то, что перманентно воспроизводит его в качестве такового. В процессе производства Homo Faber создает не только вещи, но и себя самого как творца/производителя, что отличает его от присваивающего у природы животного. Предполагалось, что при наступлении коммунизма, который предполагает изобилие предметов потребления, человек не просто продолжит трудиться – «труд станет первой жизненной потребностью людей и из тяжелого бремени превратится в наслаждение» [Краткий философский… 1954, 610-612; Философский энциклопедический… 1989, 667].

Относиться к данному идейному комплексу можно по разному: кто-то считает, что капиталистическая по происхождению и коммунистическая по предназначению «религия труда» есть средство добровольной самоэксплуатации работника, который

предается извращенным радостям трудоголизма – болезни, разрушающей его физически и психологически [*Фишман, Мартьянов, Давыдов,* 2019, 33; *Сидорина* 2018, 68]. Кто-то убежден в том, что труд есть судьба человечества – то, что создало человека и дает ему смысл жизни – и в отсутствие этого самого труда человек деградирует до потребительского паразитизма [*Кутырев* 2017]. Как бы то ни было, стоит заметить, что марксистская позитивная аксиология труда сложилась в русле младогегельянства, а Гегель считал, что труд поднимает преобразующего природу раба над лишь потребляющим производимые им блага господином. Как пишет Ф. Фукуяма, «согласно Гегелю, работа есть сущность человека: трудящийся раб создает человеческую историю, преобразуя естественный мир в мир, обитаемый человеком» [*Фукуяма* 2005, 340]. Известно, что Гегель был достаточно укоренен в протестантской традиции, в связи с чем нельзя не вспомнить о протестантской этике и духе капитализма. Конечно, он был далек от кальвинистского пуританства, но все же интересны замечания М. Вебера о присущей такому пуританству страстной проповеди «упорного, постоянного физического или умственного труда», где труд не просто средство аскезы – «он как таковой является поставленной Богом целью всей жизни человека», тогда как «нежелание работать служит симптомом отсутствия благодати» [*Вебер* 2006, 113]. В данном контексте конфессиональные (и национальные) различия, видимо, не столь важны – Л. Февр прослеживает, как понятие «труд» во французской католической среде с XVI по XIX вв. приобретало все более положительные коннотации. Его все реже видели как проклятие, которое тяготеет над обездоленными, и все чаще представляли обязательным общественным долгом, противопоставляя труд пагубной праздности монахов, вельмож и рантье [*Февр* 1991, 364-370]. В XIX столетии, по словам Й. Хейзинги, «труд и производство становятся идеалом, а вскоре и идолом. Европа надевает рабочее платье» [*Хейзинга* 1992, 216]. В индустриальном обществе труд начали воспринимать как сущностную способность, обязанность и потребность человека («Как известно, важнейшим видом человеческой деятельности является труд» [*Волков* 2009, 27]), вследствие чего формировался «трудоцентричный образ жизни» [*Сидорина* 2018, 57].

Труд человека

«Идея труда, которая кажется нам самоочевидной, является определенным историческим изобретением», – указывает П. Бурдье [*Бурдье* 2019, 189]. «Изобретение» принадлежит индустриальному обществу, где наемный пролетариат сменил самозанятое крестьянство в качестве наиболее массового социального класса. На протяжении полутора столетий население Европы и Северной Америки перемещалось из деревни в город, а рабочая сила – из сельского хозяйства в промышленность. В 1800 г. во Франции 64% общей занятости приходилось на долю сельского хозяйства, 22% – на долю промышленности, в США на тот же год это соотношение составляло 68% и 18%. Сто лет спустя, в 1900 г., на французское сельское хозяйство пришлось 43% занятости, на промышленность – 29%, а в США – 41% и 28% соответственно. В 1950 г. промышленность Франции обеспечивала 33% занятости по сравнению с 32% в сельском хозяйстве, а в США при тех же 33% промышленной занятости на долю сельского хозяйства осталось только 14% [*Пикетти* 2015, 104].

Переход от аграрного хозяйства к индустриальному производству изменил характер труда. Крестьянский труд отличался нерегулярностью и временн***о***й дискретностью. Периоды интенсивной работы чередовались с низкоинтенсивным трудом и отдыхом в дни многочисленных праздников. «В аграрном обществе труд и работа подчинялись сезонному ритму и погодным условиям», – пишет Г. Стэндинг [*Стэндинг* 2014, 206]. В отличие от крестьянина, труд городского рабочего был организован дисциплинарно контролируемыми последовательностями смен и недель. Индустрия эпохи пара и электричества предполагала, что определенное количество работников должно присутствовать

в одном месте в одно время, взаимодействуя с машинами и друг с другом в процессе производства [*Кинг, Лайтман, Рангасвами, Ларк* 2018, 87].

В результате труд стал постоянным, регулярным и хронометрически упорядоченным. Именно в таком виде аксиологически и идеологически он вошел в массовое сознание как самоцель и самоценность. О распространенности соответствующих представлений и ценностей свидетельствует тот факт, что 64% респондентов общеевропейского опроса 2016 г. высказались за введение безусловного базового/основного дохода (ББД – выплата, обеспечивающая удовлетворение всех основных нужд, которую предоставляют вне зависимости от наличия у человека иных источников дохода или места работы). Однако только 7% указали, что в случае получения ББД станут меньше работать [*Фишман* 2019, 335; *Парайс, Вандерборхт* 2020, 225]. «Работа очень глубоко въелась в нашу идентичность», – отмечают Н. Срничек и А. Уильямс, – «…тот факт, что большое количество людей не может даже представить себе осмысленной жизни вне работы, показывает, до какой степени наше сознание заражено трудовой этикой», преодоление которой «потребует от нас преодоления самих себя» [*Срничек, Уильямс* 2019, 179, 181].

Представляется, что в случае необходимости преодоление индустриальной трудовой этики не потребует подобных подвигов, так как само индустриальное общество на протяжении последних десятилетий все больше сокращается. Возвращаясь к приводимым Т. Пикетти данным по занятости в сельском хозяйстве и промышленности, отметим, что в США на 2012 г. в первом осталось 2%, в последней – 18% трудоспособного населения (вместе со строительством, без него – 10%), во Франции – 3% и 21% соответственно, в Германии с 1980 по 2011 г. доля занятых в промышленности снизилась с 34% до 20% [*Пикетти* 2015, 104; *Фишман* 2019, 154]. От двух третьих до четырех пятых занятости в развитых странах теперь обеспечивает сфера услуг: в настоящее время в сельском хозяйстве работают от 1,5% до 4% трудоспособного населения, в промышленности доля занятых не превышает 20-25% (как и в развивающихся странах), а все остальное приходится на сферу услуг – 70-80% [*Жвитиашвили* 2013, 35; *Мейсон* 2016, 269]. Тенденция к росту сервисной сферы обсуждается более полувека: уже в 1970–1980-е гг. теоретики постиндустриализма констатировали прогрессирующее снижение доли рабочего класса в структуре занятости, когда «синие воротнички» уступили первенство «серым» и «белым», и все больше работников оказались занятыми в сфере услуг и управления [*Белл* 2004, 173–179; *Тоффлер* 2004, 301]. Перетекание рабочей силы из индустрии в сервис произошло по той же причине, что и ее переход из сельского хозяйства в индустрию – производительность труда возросла ввиду технико-технологического развития. С 1960 по 2011 гг. в промышленности она возросла в 4 раза в Германии, в 5 раз в США и в 12 раз в Японии [*Фишман* 2019, 154-155]. Соответственно, за те же полвека численность пролетариата в развитых странах уменьшилась вдвое, и данный процесс продолжается. Индустриальные корпорации, увеличивая выпуск продукции, сокращают количество рабочих – росту производства соответствует не увеличение, а снижение занятости [*Колганов, Бузгалин* 2014, 91-93; *Мартьянов* 2017, 142]. По мере автоматизации промышленности все меньше рабочих создают все большее количество продукции/стоимости, а высвобождающуюся рабочую силу поглощает сфера услуг.

Сокращение труда

Так выглядел процесс постиндустриализации до конца XX в., но в начале текущего столетия ситуация стала меняться. В последние десятилетия рост ВВП коррелирует с падением занятости и сокращением совокупного рабочего времени не только в индустриальном секторе, но и в производстве товаров и услуг в целом [*Мартьянов* 2017, 142]. В сервисе так же, как и в индустрии, снижается значение труда. Прогрессирующая авто-

матизация и роботизация, в отличие от предшествующих технологических нововведений, создают значительно меньше новых рабочих мест, чем упраздняют. В таких условиях даже фазы экономического подъема не продуцируют новые рабочие места – если не считать таковыми содержательно фиктивные (bullshit jobs) по Д. Греберу [*Гребер* 2018]. Последствия четвертой промышленной революции могут оказаться значительно масштабнее, чем итоги трех первых [*Гидденс* 2015, 89; *Шваб* 2016, 51; *Форд* 2016, 16].

Уже с 1990-х гг. тенденции к сокращению труда (экономически – процентному уменьшению его доли в ВВП [*Шваб* 2016, 24]) наблюдаются не только в производственной, но и в сервисной и управленческой сферах, границы между которыми по мере распространения цифровых технологий все больше размываются. Все более значительная доля производственной сферы приходится на выпуск информационных товаров, для создания которых привлекается минимум рабочей силы – тем более, что такого рода продукция практически не требует персонала и затрат для тиражирования, транспортировки и хранения. Внедрение новых технологий видоизменяет целые отрасли экономики. Речь идет о беспилотном транспорте (согласно расчетам, к 2030 г. в эксплуатации будет находиться 100 млн беспилотных автомобилей [*Кинг* 2018, 320-325] и «в будущем человек не будет управлять транспортным средством» [*Уэмура* 2017, 131]), а также об автоматизированной и онлайн-торговле, компьютерном биржевом трейдинге и др. Автоматизация и робототехника снижают потребность в труде и сокращают занятость не только в сельском хозяйстве и промышленности, но и в строительстве, грузовом и пассажирском транспорте, розничной торговле, сфере общественного питания и т.д. В исследовании 2013 г. «Будущее занятости» К.Б. Фрей и М.А. Осборн с помощью статистического моделирования проанализировали возможность автоматизации действий и навыков в рамках 702 профессий/специальностей. Результаты показали, что в ближайшем будущем потеря работы будет угрожать не только кассирам и таксистам, но и высококвалифицированным специалистам умственного труда – юристам, журналистам, финансовым аналитикам и др. [*Харари* 2018, 382]. По другим оценкам, к 2025 г. к программируемым устройствам, роботам и умным машинам отойдет каждая третья специальность [*Кинг* 2018, 144]; еще один прогноз предвещает автоматизацию 80% рабочих мест уже в ближайшие два десятилетия [*Срничек* 2019, 129].

От труда к досугу

В результате вышеупомянутых процессов трудовая сфера социальной жизни поступательно уступает досуговой. Труд и досуг в последнее время все глубже взаимно проникают друг в друга не только в хронотопическом, но и в содержательно-сущностном отношении, вследствие чего высказываются предположения, что на смену «цивилизации труда» идет своего рода «цивилизация досуга» [*Сидорина* 2014]. Под воздействием информационных технологий труд и досуг сливаются одновременно с двух сторон: с одной сотрудники уделяют время личным делам на работе, участвуя в общении в социальных сетях, электронной торговле и т.п., с другой – создают стоимость и в нерабочее время, отвечая на деловые электронные письма и выполняя разнообразные проектные задания дома, в выходные, в отпуске, путешествуя и т.д. [*Мейсон* 2016, 9, 189, 269]. Некоторые творческие работники даже добиваются такого взаимопроникновения: «нас не устраивают прежние жесткие границы между работой, домом и досугом», – формулирует эту позицию Р. Флорида от лица «креативного класса» [*Флорида* 2007, 27]. Посвящаемый потреблению досуг приобретает экономическое значение, фактически становясь элементом производственного цикла. Одновременно маркетинговая стимуляция побуждает работника больше работать, чтобы больше потреблять, сокращая тем самым свободное время [*Понукалина* 2011]. По мнению Г. Стэндинга, современный гибко занятый работ-

ник ежедневно/повседневно находится в подвешенном состоянии, он не структурирует и не контролирует свое время, так как «должен постоянно быть в полном распоряжении потенциальных потребителей его труда». Из-за размывания понятий рабочего места и рабочего времени он работает – или должен быть готов к работе – всегда и везде. Из-за этого индивид лишается качественного свободного времени, которое можно было бы посвятить приобщению к культуре и искусству, самообразованию, гражданской активности и т.д. В результате досуг и обесценивается, и оказывается в дефиците [*Стэндинг* 2014, 228-232].

Однако критически-пессимистические рассуждения и умозаключения по поводу досуга в «третичном рыночном обществе» не исчерпывают всей картины. Тот же автор приводит данные исследований, согласно которым с середины 1960-х гг. досуг американцев и американок увеличился на шесть и четыре часа в неделю соответственно [*Стэндинг* 2014, 228]. Такие показатели – далеко не предел: некоторые авторы приводят исторический прецедент, когда рабочая неделя с 1900-х по 1930-е гг. сократилась с шестидесяти часов до менее чем тридцати, при этом только за первое пятилетие Великой депрессии – на восемнадцать часов. Как напоминают Н. Срничек и А. Уильямс, П. Лафарг еще в начале XX в. доказывал, что «нелепая страсть рабочих к труду» есть результат индоктринации пролетариата трудовой моралью, аксиологией труда и воздержания, которые эксплуататорские классы проводят ради своей выгоды («попы, экономисты и моралисты объявили труд святым, превратили его в священнодействие»). Он предлагал ограничить рабочее время тремя часами в день («выковать железный закон, запрещающий человеку работать более 3 часов в сутки») [*Лафарг* 2012, 4, 14, 22]. В свою очередь, в начале 1930-х гг. Дж.М. Кейнс предсказывал, что через сто лет за счет накопления капитала и роста производительности труда уровень жизни возрастет в восемь раз, человечество решит экономическую проблему и столкнется с другой: «как использовать свою свободу от насущных экономических нужд, чем занять досуг, обеспеченный силами науки и сложного процента, чтобы прожить свою жизнь правильно, разумно и в согласии с самим собой?». Лишь для того, чтобы удовлетворить заложенную потребность в удовольствии от труда, людям понадобится «3-часовая смена или 15-часовая рабочая неделя, поскольку трех часов в день достаточно, чтобы ветхий Адам в каждом из нас был вполне удовлетворен!» [*Кейнс* 2009, 63, 65].

Однако в годы депрессии государство и бизнес пошли по другому пути, искусственно создавая рабочие места для борьбы с безработицей. После Второй мировой войны рабочая неделя в развитых странах вновь достигла уровня 40 часов и стабилизировалась на этой отметке [*Срничек* 2019, 167]. Н. Срничек и А. Уильямс, усматривая должный вектор социального развития в движении к посткапиталистическому/посттрудовому обществу, считают делом левых XXI в. «лишить труд его первостепенного значения». Делом сторонников общественного прогресса должны стать отказ от трудовой этики и борьба за сведение труда к минимуму: «традиционный боевой клич левых, требующих полной занятости, должен смениться на боевой клич, требующий полной незанятости» [*Срничек* 2019, 83-184].

Не склоняясь к какой-либо из разновидностей многоликого левого дискурса, автор считает, что немалым эвристическим потенциалом обладает концепция посттрудового общества, одной из предпосылок движения к которому можно считать использование обусловленного автоматизацией повышения производительности труда не для роста производства товаров и услуг, а для сокращения работы. По крайней мере некоторые исследования подтверждают, что современный горожанин обладает значительным досугом, но хочет иметь еще больше свободного времени, предпочитая меньше работать и больше зарабатывать. По подсчетам Ж. Виара, европеец из всего времени своей жизни расходует на трудовую деятельность только 12%. Согласно исследованию Д. Малгана, большая часть представителей среднего класса европейских городов предпочитает получить еще

один свободный день в неделю вместо увеличения зарплаты на 20%. «Большинство выбирает свободный день», – резюмирует А.Н. Новиков. – «Сейчас это мировой тренд» [*Новиков* 2017, 58]. Трудно сказать, насколько предпочтения городского среднего класса развитых европейских стран можно считать мировым трендом (в США также появился микротренд «работа в рамках» – растущая часть американцев не считают работу определяющим фактором жизни, а лишь ее частью, и не самой важной [*Пенн, Файнман* 2019, 342]), но все же стоит признать реальностью наметившуюся перемену – от стремления к большему доходу к стремлению к большему досугу.

Труд как антиценность

После рассмотрения отношения к труду в постиндустриальную эру стоит взглянуть на то, каким оно было в эру доиндустриальную. До индустриальной революции понятия труда и ценности, работы и счастья скорее исключали друг друга, чем предполагали. По словам Г. Стэндинга, «древние греки понимали, что смешно и нелепо оценивать все с точки зрения труда» [*Стэндинг* 2014, 31]. Древние римляне также рассматривали negotium как негацию otium: труд как «досада» и «неприятность» отрицал покой/досуг, был буквально «не-досугом» [*Гуревич* 1990, 36]. Для христианского Средневековья в семантике «работы» понятия «труд» и «рабство» слабо отделялись друг от друга – данное занятие низших сословий и классов имело отрицательную ценность и рассматривалось как диаметральная противоположность праксиса/досуга, т.е. самоцельной деятельности высших [*Черных* 1999, 91-92; *Сидорина* 2014, 61-64]. Трудовая деятельность (особенно работа по найму) приобрела высокий этический и аксиологический статус только в эпоху капиталистического модерна.

В доиндустриальный период не только труд, но и экономика в целом фактически растворялись в социальном контексте, экономическое мышление и товарно-денежные отношения выступали формой услуго- и дарообмена [*Ле Гофф* 2010, 167, 198-199; *Бурдье* 2019, 59, 82]. Словами Д. Гребера, «еще триста лет назад “экономики” как таковой не существовало, по крайней мере в том смысле, что люди не говорили о ней как об обособленной сфере со своими собственными законами и принципами» [*Гребер* 2015, 405]. «В обществах древности, крестьянских обществах недавнего прошлого и современности и в тех, которые сейчас изучает антропология, экономическая сторона жизни, как правило, неотделима от всех остальных», – указывает К. Леви-Стросс [*Леви-Стросс* 2016, 78]. Настолько же, насколько труд понимали как деятельность по производству материальных благ для удовлетворения общественных потребностей, его рассматривали как удел рабов и вилланов – унизительное занятие социальных низов, недостойное гражданина/дворянина, который осуществляет деятельность лишь ради нее самой, что и означает досуг.

Как указывает А.Я. Гуревич, в античном мире «труд не мог считаться добродетелью, более того, он вообще не рассматривался как существенный признак человека». Гражданин – это «личность, развивающая себя вне сферы материального производства», для которой труд считается «отклонением от нормального образа жизни», Термин πόνος означает не только «труд», но и «тягота», «страдание», «болезнь». «Физический труд – мука и боль – удел несвободных и низших, тяжкое и нечистое занятие, унижающее человека и приближающее его к скотине» [*Гуревич* 1972, 192-193]. В отличие от данной позиции, христианство, которое изначально распространялось преимущественно среди тех самых «несвободных и низших», смотрело на труд как на нормальное и даже нормативное занятие человека. «Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – писал апостол Павел во Втором послании к Фессалоникийцам. – «Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая

в безмолвии, ели свой хлеб» [*Библия* 1976, 1299]. Однако сам Иисус Христос не работал и учил людей быть подобными птицам небесным и полевым лилиям, которые не трудятся, не прядут, не сеют, не жнут и не собирают в житницы, но их питает и одевает Отец Небесный (Мтф. 6:26–30).

В Средневековье церковь рассматривала труд как следствие первородного греха; «безгрешное состояние человека, как и пребывание его вблизи бога, не предполагало труда» [*Гуревич* 1972, 238]. Соответственно, трудящийся мирянин на лествице восхождения к Богу занимал низшую ступень по сравнению с духовенством (особенно с монашеством), laboratores стояли ниже bellatores и oratores. Для последних труд был не экономической категорией, а инструментом аскезы, с помощью которого они обуздывали плоть, вырабатывали самодисциплину и прилежание. Сама по себе трудовая деятельность не должна была отвлекать от духовных упражнений; в воскресные и праздничные дни, которые составляли третью часть года, работать категорически запрещалось.

Следует отметить, что и в эпоху Нового времени, несмотря на формирование протестантской трудовой этики, отношение к труду оставалось преимущественно отрицательным (особенно в непротестантских странах). Как указывает Л. Февр, во Франции в XVI в. труд стал обозначаться словом «travail», тогда как за терминами «labourer» и «ouvrer» закрепились значения обработки земли (первое) и филантропического рукоделия (второе). Весьма показательно, что «travail» произошло от слова «tripalare», которое обозначало пытку посредством «tripalium» – сооружения из трех бревен, к которому в Древнем Риме привязывали наказываемого раба для бичевания. От «tripalium» произошли слова со значением «работа» также в испанском, португальском, галисийском, каталонском, сардинском языках. В славянских языках «труд»/«trud» также связан с трудностью и тяжестью, напряжением, усилием, утомлением, беспокойством, болезнью, страданием, тревогой, горем и т.п. Исходное индоевропейское *tr-eu-d- имело значения «мять», «жать», «давить», «щемить» [*Черных* 1999, 266]. «Еще в XVII веке слово “travail” сохраняло печать своего происхождения», – пишет французский историк. – «Оно обозначало иной раз затруднение, бремя, страдание и даже – унижение». Значения «забота», «усталость» сохранялись и в середине XVIII столетия. В том же XVII в. янсенисты Пор-Рояля в рамках «упражнений» в набожности практиковали ручной труд ради самоуничижения: они пахали, копали, косили, жали и занимались иными работами «еще более унизительными, нежели утомительными». В изданном в 1748 г. трактате «О духе законов» Ш. де Монтескье рассматривал труд как мучение, и даже в сочинениях авторов начала XIX в. понятие «труд» связывалось со страданием, нищетой, эксплуатацией и т.п. [*Февр* 1991, 364-366]. Таким образом, в аграрном обществе отношение к труду было преимущественно негативным. В истории европейской цивилизации данная тенденция продолжалась от античности до промышленной революции.

* * *

Подводя итоги, автор рискует высказать предположение, что отношение к труду в постиндустриальном обществе не может не отличаться от существовавшего в индустриальном, и в то же время может сближаться с представлениями доиндустриального периода. Вероятно, развитие ценностной негации труда будет интенсифицироваться по мере его сокращения, социально-психологически компенсируя тем самым невозможность трудоустройства все большей части трудоспособного населения. Постиндустриальная система ценностей и, в частности, трудовая этика, будут постепенно приобретать квази-досовременный характер. Автор не считает, что нас ждет Новое Средневековье, но намечается определенное движение в данную сторону, в связи с чем текущая ситуация нуждается в исследовательском внимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Akademia. 944 с.

Библия (1976). М.: Московская патриархия.

Бурдье П. (2019) Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992-1993). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 408 с.

Вебер М. (2006) Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 656 с.

Волков Ю.Е. (2009) К выработке современного представления о сущности труда // Социологические исследования. № 3. С. 27–35.

Гидденс Э. (2015) Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 240 с.

Гребер Д. (2015) Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс. 496 с.

Гребер Д. (2018) Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: «Ад Маргинем Пресс». 440 с.

Гуревич А.Я. (1972) Категории средневековой культуры. М.: «Искусство». 350 с.

Гуревич А.Я. (1990) Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 396 с.

Жвитиашвили А.Ш. (2013) Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. № 2. С. 34–41.

Кейнс Дж.М. (2009) Экономические потребности для наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60–69.

Кинг Б., Лайтман А., Рангасвами Дж.П., Ларк Э. (2018) Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес. 528 с.

Колганов А.И., Бузгалин А.В. (2014) Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. № 1. С. 80–94.

Краткий философский словарь (1954). М.: Госполитиздат. 704 с.

Кутырев В.А. (2017) Отдадим труд машинам… Что будет с человеком? // Человек. № 5. С. 68–74.

Лафарг П. (2012) Право на лень. Религия капитала. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 216 с.

Ле Гофф Ж. (2010) Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ. 221 с.

Леви-Стросс К. (2016) Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст. 160 с.

Мартьянов В.С. (2017) Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. № 5. С. 141–153.

Мейсон П. (2016) Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс. 416 с.

Новиков А.Н. (2017) На-стройка вместо стройки: свобода выбора вместо «проекта свободы» // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? Ред.-сост. И. Фурман. М.: Strelka Press. 216 с.

Парайс Ф., Вандерборхт Я. (2020) Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 440 с.

Пенн М., Файнман М. (2019) Микротренды, меняющие мир прямо сейчас. М.: Альпина Паблишер. 430 с.

Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.

Понукалина О.В. (2011) Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик // Журнал социологии и социальной антропологии. № 5. С. 210–218.

Сидорина Т.Ю. (2014) Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя. 400 с.

Сидорина Т.Ю. (2018) Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя. 188 с.

Срничек Н., Уильямс А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press. 336 с.

Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.

Тоффлер Э. (2004) Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ». 345 с.

Уэмура Н. (2017) Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. № 4. С. 122–131.

Февр Л. (1991) Бои за историю. М.: Наука. 632 с.

Философский энциклопедический словарь (1989). М.: «Советская энциклопедия». 840 с.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. (2019) Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 416 с.

Флорида Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI». 430 с.

Форд М. (2016) Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн. 430 с.

Фукуяма Ф. (2005) Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак. 588 с.

Харари Ю.Н. (2018) Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад. 496 с.

Хейзинга Й. (1992) Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс. 464 с.

Черных П.Я. (1999) Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. М.: Русский язык.

Шваб К. (2016) Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. 208 с.

Энгельс Ф. (1941) Диалектика природы. М.: Госполитиздат. 352 с.

REFERENCES

Bell D. (2004) *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovanija* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Akademia. 944 p.

Biblija [Bible] (1976). Moscow: Moskovskaja patriarhija.

Bourdieu P. (2019) *Jekonomicheskaja antropologija: kurs lekcij v Kollezh de Frans (1992-1993)* [Economic Anthropology - Course at the Collège de France 1992-1993]. Moscow: Delo. 408 p.

Chernykh P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. In 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Russkii yazyk.

Engels F. (1941) *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow: Gospolitizdat. 352 p.

Febvre L. (1991) *Boi za istoriju* [Combats for History]. Moscow: Nauka. 632 p.

Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. (1989) Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. 840 p.

Fishman L.G., Mart'janov V.S., Davydov D.A. (2019) *Rentnoe obshhestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 416 p.

Florida R. (2007) *Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow: Klassika-HHI. 430 p.

Ford M. (2016) *Roboty nastupayut: Razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty* [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow: Al'pina non-fiction. 430 p.

Fukuyama F. (2005) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: Ermak. 588 p.

Giddens A. (2015) *Nespokoinyi i mogushchestvennyi kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?]. Moscow: Delo. 240 p.

Graeber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: The First 5000 Years]. Moscow: Ad Marginem Press. 496 p.

Graeber D. (2018) *Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: A Theory]. Moscow: Ad Marginem Press. 440 p.

Gurevich A.Ja. (1972) *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. 350 p.

Gurevich A.Ja. (1990) *Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolvstvujushhego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo. 396 p.

Harari Y.N. (2018) *Homo Deus. Kratkaja istorija budushhego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Moscow: Sindbad. 496 p.

Huizinga J. (1992) *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnja* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow: Progress. 464 p.

Keynes J.M. (2009) Jekonomicheskie potrebnosti dlja nashih vnukov [Economic Possibilities for our Grandchildren]. *Voprosy jekonomiki*. no. 6, pp. 60–69.

King B., Lightman A., Rangaswami J. P., Lark A. (2018) *Jepoha dopolnennoj real'nosti* [Smart Life]. Moscow: Olimp-Biznes. 528 p.

Kolganov A.I., Buzgalin A.V. (2014) Reindustrializacija kak nostal'gija? Teoreticheskij diskurs [Reindustrialization as Nostalgia? Theoretical Discourse]. *Sociologicheskie issledovaniya.* no. 1, pp. 80–94.

Kratkij filosofskij slovar' (1954) [Brief Philosophical Dictionary]. Moscow: Gospolitizdat. 704 p.

Kutyrev V.A. (2017) Otdadim trud mashinam… Chto budet s chelovekom? [We'll Give the Labor to the Machines ... What Will Happen to the Man?]. *Chelovek.* no. 5, pp. 68–74.

Lafargue P. (2012) *Pravo na len'. Religija kapitala* **[**The Right to be Lazy**.** The Religion of Capital]. Moscow: LIBROKOM. 216 p.

Le Goff J. (2010) *Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoj antropologii* [The Middle Ages and Money: An Essay on Historical Anthropology]. St.-Petersburg: EVRAZIA. 221 p.

Lévi-Strauss C. (2016) *Uznavat' drugih. Antropologija i problemy sovremennost*i [Anthropoligy Faced with the Problems of the Modern World]. Moscow: Tekst. 160 p.

Mart'janov V.S. (2017) Nashe rentnoe budushhee: global'nye kontury obshhestva bez truda? [Our Rental Future: Global Outlines of a Laborless Society?] *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 5, pp. 141–153.

Mason P. (2016) *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu* [PostCapitalism. A Guide to Our Future]. Moscow: Ad Marginem Press. 416 p.

Novikov A.N. (2017) Na-strojka vmesto strojki: svoboda vybora vmesto «proekta svobody» [Adjustment Instead of Construction: Freedom of Choice Instead of the "Project of Freedom"]. In: *Gorozhanin: chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* [Citizen: What Do We Know about a Resident of a Big City?]. Ed. end comp.: Furman I. Moscow: Strelka Press. 216 p.

Parijs Ph. Van, Vanderborght Y. (2020) *Bazovyj dohod. Radikal'nyj proekt dlja svobodnogo obshhestva i zdorovoj jekonomiki* [Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 440 p.

Penn M., Fineman M. (2019) *Mikrotrendy, menjajushhie mir prjamo sejchas* [Microtrends Squared. The New Small Forces Driving The Big Disruptions Today]. Moscow: Al'pina Pablisher. 430 p.

Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p.

Ponukalina O.V. (2011) Trud i svobodnoe vremja v diskurse potrebitel'skih praktik [Work and Leisure in the Discourse of Consumer Practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. n*o. 5, pp. 210–218.

Schwab K. (2016) *Chetvertaja promyshlennaja revoljucija* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Jeksmo. 208 p.

Sidorina T.Yu. (2014) *Tsivilizatsiya truda: zametki sotsial'nogo teoretika* [Civilization of Labor: Notes of the Social Theorist]. St.-Petersburg: Aletejja. 400 p.

Sidorina T.Yu. (2018) *Zhizn' bez truda ili trud vo spasenie?* [Life Without Work or Work for Salvation?] St.-Petersburg: Aleteyya. 188 p.

Srnicek N., Williams A. (2019) *Izobretaja budushhee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press. 336 p.

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem. 328 p.

Toffler A. (2004) *Tret' ja volna* [The Third Wave]. Moscow: AST. 345 p.

Uemura N. (2017) Obshhestvo 5.0: vzgljad Mitsubishi Electric [Society 5.0: Mitsubishi Electric's View]. *Jekonomicheskie strategii. no.* 4, pp 122–131.

Volkov Ju.E. (2009) K vyrabotke sovremennogo predstavlenija o sushhnosti truda [Towards the Development of a Modern Understanding of the Essence of Labor]. *Sociologicheskie issledovanija*. no. 3, pp. 27–35.

Weber M. (2006) *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: ROSSPJeN. 656 p.

Zhvitiashvili A.Sh. (2013) Rabochij klass v postindustrial'nom obshhestve [Working Class in a Post-industrial Society]. *Sociologicheskie issledovaniya.* no. 2, pp. 34–41.

Информация об авторе

Шипилов Андрей Васильевич, доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики и социально-экономических дисциплин Воронежского государственного педагогического университета. Адрес: Ленина ул., д. 86, Воронеж, 394043**.** E-mail: andshipilo@yandex.ru

About the author

Andrey V. Shipilov, Doctor of Sciences (Culturology), Professor, Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University. Address: 394043, Voronezh, Lenina st., 86. E-mail: andshipilo@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.09.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 17.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 73–90
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 73–90

DOI: 10.31857/S086904990017875-4

Оригинальная статья / Original Article

Пандемия COVID-19: ключевые факторы развития политики Канады в социальной сфере

© М.В.СОЛЯНОВА

Солянова Мария Викторовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), solyanova.maria@gmail.com

Пандемия COVID-19, механизмы реагирования на нее и разработка ответных мер стали предметом многих исследований. Одновременно очевиднее становится тот факт, что актуальность приобретает не только изучение экономической политики и решений, которые принимает правительство в данной сфере в связи с пандемией. Пока заболевание продолжает распространяться, в канадском обществе обнажаются социальные проблемы и трудности, с которыми политическим элитам придется работать и решать их.

Несмотря на то, что правительство приняло беспрецедентные меры по расширению помощи и социальной защиты наиболее уязвимым группам – семьям с низкими доходами, женщинам, пожилым гражданам, молодым людям и детям, низкоквалифицированным работникам, самозанятым, людям с ограниченными возможностями и т.д. – пандемия, тем не менее, оказала глубокое воздействие на жизнь общества. И правительство будет вынуждено адаптировать свою политику в сфере социальной защиты и трудовых отношений, в области здравоохранения и образования. Данная статья исследует ключевые социальные аспекты пандемии COVID-19, а также факторы, которые могут оказать воздействие на политические решения канадской элиты в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Канада, пандемия, COVID-19, социальные риски, социальная политика

Цитирование: Солянова М.В. (2021) Пандемия COVID-19: ключевые факторы развития политики Канады в социальной сфере // Общественные науки и современность. № 6. С. 73–90. DOI: 10.31857/S086904990017875-4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021, № 6. С. 73–90
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 6, pp. 73–90

The COVID-19 Pandemic: Key Factors in Canada's Social Policy Development

© M. SOLYANOVA

Maria V. Solyanova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), solyanova.maria@gmail.com

Abstract. Many studies focus on the COVID-19 pandemic, response mechanisms and response design. At the same time, it becomes more and more obvious that not only the study of economic policy and decisions made by the government in connection with the pandemic is acquiring relevance. As the spread of the disease continues, social problems and difficulties that political elites will have to deal with are exposed in Canadian society. Despite the fact that the government has taken unprecedented measures to expand assistance and social protection to the most vulnerable groups – low-income families, women, senior citizens, young people and children, low-skilled workers, self-employed, people with disabilities, etc. – the pandemic, however, has had a profound impact on society. The government will be forced to adapt its policies in the field of social protection and labor relations, in the field of health and education. This article seeks to explore the key social dimensions of the COVID-19 pandemic, as well as factors that can influence the political decisions of the Canadian elite in the near future.

Keywords: Canada, pandemic, COVID-19, social risks, social policy

Citation Solyanova M. (2021) COVID-19 Pandemic: Key Factors in Canada's Social Policy Development. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 73–90. DOI: 10.31857/S086904990017875-4 (In Russ.)

«COVID-19 сравнивают с рентгеновским лучом,
обнаруживающим трещины в хрупком скелете обществ,
которые мы построили»
– генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 застала врасплох мировые правительства, стала угрозой физическому и психологическому здоровью граждан, стабильности и устойчивому развитию политических систем. Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 еще продолжается, однако уже можно предварительно проанализировать эффективность государственного управления в период пандемии. Ключевыми факторами стали существующая система нормативно-правового регулирования, готовность системы общественного здравоохранения и государственного менеджмента, продуктивность политических решений правительства.

Политическая элита часто была вынуждена принимать непопулярные решения и искать компромисс между безопасностью в области общественного здравоохранения и социально-экономическими потребностями населения. Решения в сфере здравоохранения переходили в политическую плоскость, что возложило дополнительную ответственность на лиц, которые их принимают. Таким образом, речь уже идет не только о разработке политики для обеспечения общественного здоровья. На примере Канады можно наблюдать, что все решения в экономической и социальной сферах имеют политические последствия, скажутся на рейтингах одобрения представителей власти и приводят к обсуждению необходимости реформ в различных сферах системы управления в государстве, а также пересмотра межведомственного, межправительственного и межрегионального взаимодействия.

На долгосрочную перспективу приобретает актуальность страновое исследование не только экономических проблем, которые возникли в связи с пандемией и различными ограничительными мерами, введенными на федеральном и провинциальном уровнях. Важность приобретают связанные с ними гуманитарные и социальные аспекты жизни общества, которые значительно влияют на качество жизни общества, решения правительства – и будут иметь политические последствия для элит.

В сентябре 2020 г. ООН опубликовала доклад, который включал в себя всеобъемлющий план действий по реагированию на пандемию COVID-19 [Комплексное реагирование системы... 2020]. Одной из задач в документе стало «преодоление серьезного и укоренившегося неравенства, которое проявилось в результате пандемии». В докладе говорится, в каких направлениях должны действовать национальные правительства, чтобы преодолеть кризис (обеспечение продовольственной безопасности; социально-экономическая защита беженцев, мигрантов, перемещенных лиц и других незащищенных групп, в том числе от насилия, дискриминации, ксенофобии, расизма и стигматизации; поддержание психического здоровья населения и др.). Также в нем выделены отдельные группы граждан, наиболее подверженные рискам в социальном плане – инвалиды, пожилые люди, дети и молодежь, женщины. Для Канады документ актуален, поскольку многие из обозначенных рисков, ранее не характерные для общества данного государства, отчетливо проявились в результате кризиса и стали предметом исследования в Канаде и России.

Обострение социальных рисков в Канаде

Со второй половины XX в. обеспечение социальной защищенности граждан стало одной из основных политических стратегий правительства Канады. Существуют разнообразные программы поддержки отдельных групп населения – детей и молодежи, пожилых граждан, людей с ограниченными возможностями, коренных народов, а также планы сокращения бедности и решения проблемы бездомности посредством предоставления прямой финансовой поддержки канадским общинам.

Так, в 2016 г. власти ввели программу консультаций, благодаря которой в 2018 г. была создана первая Стратегия сокращения бедности в Канаде («Возможность для всех»). В рамках данной инициативы правительство инвестировало 22 млрд долл. на улучшение социально-экономического положения населения (в том числе молодежи и пожилых граждан, представителей коренных народов), а также на развитие сфер здравоохранения, транспорта, жилья, образования, занятости и повышения квалификации. Принятые меры должны были способствовать снижению уровня бедности в стране на 20% к 2020 г. и на 50% к 2030 г. [Canada's Poverty Reduction... 2019]. Реализация стратегии позволила правительству разработать законопроект, который в 2019 г. стал Законом о сокращении бедности. В рамках политики доступности и инклюзивности для людей с ограниченными возможностями разработали программы повышения доступности трудоустройства, воздушного и наземного транспорта, предоставления и получения товаров и услуг, обеспечения доступа к общественным пространствам и информации [Creating New Federal... 2017].

Так, к началу пандемии в Канаде уже существовала система социальных проектов для широких слоев населения. Как и в других (в том числе и развитых) странах, пандемия в первую очередь негативно повлияла на социальную сферу и область здравоохранения [COVID-19 in Canada...2020]. По данным Статистической службы Канады, доля удовлетворенных жизнью граждан упала с 72% в 2018 г. до 40% в июне 2020 г. – самого низкого уровня с 2003 г. Подобное падение свидетельствует о том, что в канадском обществе проявились глубокие социальные проблемы, а граждане испытывают социальную незащищенность.

Группами населения, наиболее подверженными неблагоприятному воздействию пандемии, стали молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет (средний уровень их удовлетворенности жизнью снизился на 1,8 пункта по сравнению с 2018 г.), пожилые граждане (на 1,2 пункта), иммигранты из Азии (на 1,8 пункта), США, Европы и Океании (на 1,7 пункта) [COVID-19 in Canada… 2020]. Основной причиной для такого падения стала «невозможность выполнять свои финансовые обязательства».

Падение доходов вследствие введения ограничительных мер федеральным и провинциальными правительствами и снижение экономической активности не могло не сказаться на всем трудоспособном населении: 36% канадцев из числа коренных народов и 25% некоренного населения ощутили негативное воздействие пандемии на их способность выполнять финансовые обязательства и удовлетворять основные потребности. Многие граждане потеряли работу или столкнулись с сокращением рабочих часов. Большинство из них ощутили значительные финансовые трудности: 65% представителей коренных общин и 56% некоренных. Кроме того, пандемия имеет ряд косвенных последствий, среди которых, в соответствии с докладами Статистической службы Канады 2020 и 2021 гг., особо выделяются рост показателей избыточной смертности, сбои в оказании плановой медицинской помощи, а также ухудшение состояния социальной защищенности и психического здоровья граждан [COVID-19 in Canada… 2021].

Всемирная организация здравоохранения определяет психическое здоровье как «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество» [Психическое здоровье… 2018], то есть как одну из основных детерминант стабильного развития и функционирования общества. Очевидными факторами риска становятся социально-экономическое и финансовое давление, социальная отчужденность, дискриминация и насилие. Пандемия обострила их, усилив ощущение неуверенности, страха, неопределенности, послужила триггером снижения чувства личной безопасности и стала значительным травматическим событием для канадцев.

Статистика говорит о росте тревожности не только из-за материальных затруднений. Возрос уровень беспокойства по поводу домашнего насилия, будущего детей в связи с переводом на дистанционное обучение (возможности их социализации, успеваемости), здоровья членов семьи и др. По данным за 2020 г. общая доля граждан, которые не удовлетворены своим психическим здоровьем, возросла на 13 процентных пунктов по сравнению с докризисным периодом. Ухудшение состояния зависит от пола, возраста или национальности. Так, женщины отмечали ухудшение состояния гораздо чаще мужчин. Уровень удовлетворенности своим состоянием среди молодых людей снизился с 60% в 2019 г. до 40% в июле 2020 г. Пожилые люди оказались единственной группой, не отметившей ухудшение психического здоровья.

Следует указать, что молодежь, в том числе студенты, стала одной из групп граждан, на которые пандемия подействовала негативно – как в психологическом, так и в финансовом плане. Большая часть учащихся (92%) перешла на обучение онлайн, в связи с чем усилилась обеспокоенность по поводу возможности завершить курсы: 7% студентов сообщили о том, что они не могут завершить учебную программу частично или полностью из-за отсутствия доступа к Интернету, компьютера/планшета или другого устройства, низкой скорости подключения и т.д. Финансовые опасения также оказались велики, несмотря на меры правительства по смягчению негативного воздействия пандемии и введение программы по предоставлению Экстренного пособия для студентов Канады (CESB). Так, 61% учащихся беспокоятся по поводу вынужденного расходования сбережений, а 48% – в связи с предстоящей оплатой обучения за следующий семестр. Данная динамика связана со значительным снижением уровня занятости среди молодежи. В феврале 2020 г. были трудоустроены около 58% молодых канадцев от 15 до 24 лет, тогда как к апрелю

их доля снизилась до 38%. Лишь благодаря частичному смягчению ограничений летом и поддержке бизнеса доля работающих молодых людей к августу увеличилась до 49%.

Самые высокие показатели неудовлетворенности своим психическим здоровьем в связи с COVID-19 и ограничительными мерами продемонстрировали три группы меньшинств – азиатские, афроамериканские и филиппинские. Значительная доля из них работает в сфере услуг, в том числе в области здравоохранения, из-за чего они оказались «на передовой» борьбы с пандемией: по состоянию на 2016 г. доля иммигрантов, которые трудятся медсестрами, санитарами и обслуживающими пациентов, достигала 36%.

Высокий уровень неудовлетворительного психологического состояния групп граждан из числа меньшинств главным образом связан с проблемами, характерными для многих многонациональных, полиэтнических и мультиконфессиональных государств – дискриминация, расизм и нетерпимость на религиозной почве. Для Канады подобные риски представляют собой актуальную тему для научного исследования и поиска политических решений.

Считается, что подобные проблемы не характерны для такого развитого общества, как канадское, особенно учитывая широкую систему специализированных программ и политических стратегий, основанных на принципах разнообразия, открытости и инклюзивности. Однако проблемы, связанные с расизмом и дискриминацией, все еще не решены. П. Родригес, министр канадского наследия и культурного многообразия, отметил, что «… даже в таком открытом и многообразном обществе… существуют очень реальные проблемы… Мы знаем, что на протяжении всей нашей истории и даже сегодня… есть люди и общины, которые сталкиваются с системным расизмом и дискриминацией» [Building A Foundation… 2019]. Как заметил министр, для Канады характерны повседневные проявления неприязни и ненавистнической риторики в отношении представителей коренного населения, а также других групп по расовому, религиозному, физическому признаку или признаку сексуальной ориентации (исламофобия, антисемитизм, гомофобия и др.).

Еще до пандемии канадские исследователи обращали внимание на статистические данные о том, что в обществе широко распространены случаи дискриминации, позволяющие говорить о системном характере этого явления [*Godley* 2018]. Становится понятно, что с началом пандемии, когда наиболее четко проявились все латентные социальные изъяны, такие явления, как дискриминация и расизм, не могли не обостриться.

По данным Статистической службы на май 2020 г., с начала пандемии «видимые меньшинства»[1] подвергались преследованиям или нападениям в три раза чаще (18%), чем до кризиса (6%). Наиболее остро дискриминация и нетерпимость проявлялась в отношении китайских, корейских и юго-восточноазиатских респондентов. О возросшем количестве случаев преследования или нападения по расовому, этническому, религиозному признаку стали говорить эксперты из различных канадских аналитических центров. Социологические исследования показывают, насколько тревожными могут оказаться подобные тенденции.

Например, опрос общественного мнения неправительственной организации «Институт Ангуса Рейда» и Университета Британской Колумбии продемонстрировал, что после начала пандемии COVID-19 почти половина граждан китайского или другого азиатского происхождения испытала на себе проявления дискриминации [Anti-Asian Discrimination… 2021]. По всей стране участились акты насилия, словесных угроз и оскорблений, унижающих достоинство граффити, а также обвинения в том, что представители данных диаспор опасны для здоровья и сохранности остального населения. Кроме того, значительно

[1] Термин, который обозначает группы лиц, «отличных от коренных народов, не являющихся европеоидными [Caucasian] по расе и белыми по цвету кожи» (ст.3 Закона о равенстве в сфере занятости). Он включает южноазиатские, западноазиатские, юго-восточноазиатские, китайские, корейские, японские, филиппинские, латиноамериканские, афроамериканские, арабские группы граждан.

снизился уровень восприятия их как граждан Канады: лишь 16% респондентов уверены, что другие принимают их в качестве канадцев при показателе в 47% в 2016 г. [Blame, Bullying… 2020]. Подобная ситуация во многом связана с отсутствием тесной коммуникации с другой частью населения. Данная особенность только усугубилась при введении антикризисных ограничений и социальной изоляции.

Коренные народы стали другой категорией, которая не относится к «видимым меньшинствам», но считается частью «специально обозначенных групп» (*designated groups*)[2] населения. Проблемы, характерные для меньшинств, во многом можно отнести и к коренному населению. Дискриминация, географическая удаленность поселений, отсутствие необходимой инфраструктуры в сфере здравоохранения и доступа к чистой питьевой воде с началом пандемии превратились из повседневных задач, которые должно решать правительство, в возрастающие риски для здоровья и благополучия отдельной части населения Канады.

Большая часть коренных народов проживает в отдаленных сельских районах (примерно 60% по сравнению с 33% некоренного населения). В сельских общинах экономика менее диверсифицирована, доступ к услугам – в том числе в сфере образования и здравоохранения – ограничен, а транспортные расходы зачастую слишком велики. Соответственно, разрыв в уровне благосостояния, образования и состояния здоровья коренных и некоренных групп граждан увеличивается.

Так, профильный департамент по делам коренного населения (Indigenous Services Canada – ISC) на базе индекса человеческого развития ПРООН сформировал пятилетний индекс измерения благосостояния коренных общин по сравнению с некоренными группами в Канаде [National Overview… 2019]. Результаты систематизации данных индекса показали, что доходы, образование, жилье, активность на рынке труда в целом улучшились за последние 35 лет. Однако они остаются на более низком уровне, чем у некоренного населения. По состоянию на 2016 г. средняя оценка индекса благосостояния коренных народов была на 18,9 пункта меньше, чем у некоренных групп. Наибольшая разница присутствует в показателях жилья (разница составила 27,1 пункта) и уровня доходов (21,9 пункта). Данный разрыв подтверждают исследования правозащитных организаций. Например, канадское отделение Amnesty International сообщает, что коренные общины еще до пандемии сталкивались с нищетой, плохими жилищными условиями, отсутствием продовольственной безопасности, доступа к услугам здравоохранения и чистой питьевой воде [Indigenous Peoples in Canada].

С началом пандемии COVID-19 социальные риски, в том числе связанные с доступом к услугам здравоохранения, стали ключевым фактором оценки уровня социальной защищенности граждан, включая представителей коренных народов. Тем не менее, как отмечают канадские эксперты, на протяжении многих лет область медицины в коренных общинах испытывает хроническое недофинансирование, что в совокупности с плохими условиями жизни подвергает жизнь и здоровье данной группы населения серьезной опасности [*Levesque, Theriault* 2020]. Так, по состоянию на конец марта 2021 г. количество случаев заражения COVID-19 среди коренного населения достигло почти 25 тысяч.

Правительство предоставило целевое финансирование на улучшение жилищных условий, обеспечение доступа к чистой воде и услугам в сфере здравоохранения только после запросов лидеров коренных общин. Одновременно доля финансирования мер противодействия распространению COVID-19 в первые месяцы пандемии составила лишь около 1% от общих федеральных расходов на эти цели [*Levesque, Theriault* 2020], тогда как по данным переписи 2016 г. численность коренных народов насчитывала 1 673 785 человек, или 4,9% общей численности населения Канады.

[2] В соответствии с Законом о равенстве в сфере занятости, к данным группам относятся коренные народы, женщины, люди с физическими или умственными недостатками.

Наряду с предоставлением федерального финансирования правительство предпринимает конкретные шаги для повышения потенциала коренных сообществ в борьбе с пандемией. Например, к концу февраля между общинами распределили 103 тыс. доз вакцин «Moderna» и «Pfizer» из 1,8 млн. Ряд федеральных ведомств – в том числе канадское Агентство общественного здравоохранения, ISC, Вооруженные силы и Королевская конная полиция – взаимодействуют с коренными сообществами, а также провинциями и территориями с целью получить достаточную информацию для оценки потребностей коренных народов и оказания своевременной поддержки. Так, Вооруженные силы Канады сотрудничали с общинами и правительствами в провинциях Манитоба, Британская Колумбия и Саскачеван для того, чтобы помочь с распределением вакцины. ISC поддерживала сообщества при проведении тестирования на COVID-19, переброске медицинских кадров (в том числе медсестер и фельдшеров) со всей Канады в общины коренных народов в провинциях Альберта, Манитоба и Онтарио, а также содействовала в переоснащении, организации и использовании общественных пространств с учетом требований безопасности в области здравоохранения (ремонтные работы, модернизация, установка мобильных конструкций и т.д.).

Многие социальные риски, с которыми столкнулась Канада с началом пандемии COVID-19, стали актуальны вследствие быстрого распространения заболевания, а также неготовности общества к новой ситуации и ограничительным мерам. Однако они имели место и раньше. Пандемия вскрыла систематические проблемы, связанные с недофинансированием и слабостью системы здравоохранения, социальной незащищенностью канадцев, неравенством, вопросами дискриминации, нетерпимости и домашнего насилия. Ранее политические элиты их либо игнорировали, либо уделяли недостаточно внимания.

Факторы влияния на развитие политики Канады в социальной сфере

Проблемы, которые проявились во время пандемии, ранее не стояли на повестке дня у политических элит. Решения зачастую принимались ad hoc. Власти разрабатывали экономические меры реагирования, а также внедряли программы финансовой поддержки бизнеса и отдельных групп граждан, что позволяло смягчить недостатки государственного, регионального и местного управления в краткосрочной перспективе. Однако для решения данных проблем на долгосрочную перспективу истеблишменту необходимо анализировать и переосмыслить социальную политику до пандемии, во время нее и после кризиса. Каковы бы ни были причины возникновения проблем, правительству предстоит предложить обществу эффективные средства их преодоления, а политическим оппонентам – альтернативные подходы к социально-экономической политике, структурным детерминантам социального развития канадского общества. От того, какие меры предложит политическая элита, чтобы нивелировать обострившиеся социальные риски, будет зависеть дальнейшая расстановка политических сил.

Экономическая система коррелирует с социальной, образуя в широком смысле социально-экономическую систему в качестве объекта политического планирования и стратегического развития таких элементов ее структуры, как общественное производство, образование, медицинское и социальное обеспечение, управление общественными процессами и др. Кризис продемонстрировал важность повышения эффективности структурной политики на федеральном и региональном уровнях, а также реорганизации социально-экономической структуры. Соответственно, стала очевидной необходимость организации взаимодействия ветвей власти, правительственных ведомств по проведению структурных реформ в сфере занятости, образовательной, медицинской и других областях, включающих экономические, финансовые и законодательные изменения. Таким образом, обновление социально-экономической структуры может быть систематизировано:

– по институциональному признаку, который включает в себя трансформацию внутреннего и внешнего взаимодействия институтов – органов государственной власти разного уровня между собой, а также с научными институтами и частным сектором;

– по сферам изменения структурной политики – экономические реформы, реорганизация федерального финансирования и трансфертов, совершенствование законодательства, формирование новых программ и стратегий социально-экономического развития;

– по объектам социально-экономической трансформации – защита прав трудящихся, видимых меньшинств, представителей коренных сообществ, женщин, пожилого населения, лиц с ограниченными возможностями и других групп, которые пострадали от пандемии и введенных ограничительных мер.

От того, как будет реорганизована социально-экономическая структура, будет зависеть уровень доступности ресурсов и факторов, которые составляют параметры благополучия каждого канадца даже в период чрезвычайной ситуации: материальные (жилье, доход, условия труда, особенности мест проживания и т.д.), система здравоохранения (доступность и качество предоставления услуг), социальные, которые влияют на психоэмоциональное состояние (наличие/отсутствие социальных контактов, стресс, личностные отношения) и др.

Политический аспект исследования социальных рисков в Канаде фокусируется вокруг нескольких основных моментов. Во-первых, к ним относится оценка социальной политики государства еще до начала пандемии, ее динамика и направление. Во-вторых – эффективность и своевременность принятия решений на федеральном и региональном уровнях, в том числе адекватность ограничительных мер и программ поддержки отдельных групп населения, которые оказывают непосредственное влияние на чувство благополучия и удовлетворенности канадцев. В-третьих – тенденции в сфере принятия политических решений по направлениям, связанным с социальной сферой (прежде всего в здравоохранении, образовании, сфере труда и занятости, защиты наиболее социально уязвимых слоев канадского населения), а также возможные трансформационные процессы вследствие COVID-19. Таким образом, можно определить ряд долгосрочных факторов, которые влияют на эффективность стратегии борьбы с пандемией и могут воздействовать на политические процессы в Канаде в посткризисный период.

Первый фактор – исторически сложившаяся система социальной безопасности, которая склонна трансформироваться и адаптироваться к изменяющимся условиям социальной сферы. Система социального обеспечения населения, которую многие исследователи называют системой социальной безопасности, включает в себя комплекс финансируемых социальных программ помощи всем слоям общества – в том числе наиболее незащищенным группам – при сравнительно низком уровне бюджетных трат на вооруженные силы или государственный бюрократический аппарат. Комплексная политика канадского государства в социальной сфере поступательно развивалась с середины 1960-х гг. К тому времени уже были сформированы следующие ее направления:

– создание правовой базы. Были приняты Закон о страховании занятости (1935 г.), О страховании по безработице (1940 г.), Закон о пособиях семьям (1944 г.), Об обеспечении старости (1951 г.), Пенсионные планы Канады и Квебека (1965 г.), Закон о медицинской помощи (1966 г.) и другие законодательные акты.

– выделение вопросов гендерного равенства и поддержки женщин в отдельное направление канадской социальной политики. В 1967 г. правительство создало Королевскую комиссию по положению женщин, затем на государственном уровне был установлен отпуск по беременности и родам. Политика канадского правительства по обеспечению гендерного равенства включила сферу занятости, справедливой оплаты труда и пенсионного обеспечения. С 2018 г. существует должность министра по делам женщин и гендерному равенству.

– постепенное смещение ответственности за социальные расходы с федерального уровня ниже – на уровень провинций и муниципалитетов, а также передача обязанностей по предоставлению некоторых услуг (например, по уходу на дому) негосударственным институтам.

Очевидно, что тяжелая экономическая ситуация, недостаточная социальная защита, высокий уровень безработицы и бедности в стране значительно влияют на развитие межличностных отношений и контактов, на доступность жизненно важных социальных институтов (трудовой сферы, образования, здравоохранения и др.), на социальное равенство. Такие категории, как социальная солидарность, социальная справедливость и равенство переходят из теоретической плоскости в область конкретных политических решений, которые напрямую затрагивают социально-экономическую сферу. Данные категории обрели особую актуальность в период пандемии. Всесторонний подход Канады к выстраиванию комплексной стратегии в социальной сфере в целом стал прочной основой, которая позволила эффективно отвечать на социальные вызовы в кризисной ситуации.

С началом пандемии федеральному и провинциальным правительствам пришлось расширять программы социальной помощи и снижать критерии ее предоставления, особенно для тех групп населения, которые оказались наиболее уязвимы вследствие разных причин – от недостаточной финансовой обеспеченности до плохих условий жизни и хронических заболеваний. Система социальной помощи отдельным гражданам и их семьям в период пандемии включила пособие на ребенка, налоговые кредиты на товары и услуги, единовременные платежи малообеспеченным людям пожилого возраста, а также финансовую помощь на уровне провинций. Власти расширили программы помощи коренным общинам, женщинам, детям и молодым людям, бездомным, и т.д. Например, правительства ряда провинций организовали переселение бездомных из специализированных приютов и создание новых мест проживания с целью снизить риск передачи коронавирусной инфекции и заболеваемость среди данной группы населения.

Наработанная за десятилетия система социальной поддержки, научно обоснованный подход, межпартийный консенсус в парламенте и отсутствие межрегиональной напряженности в связи с COVID-19 позволили правительству на федеральном уровне предпринять немедленные меры реагирования, в течение нескольких дней ввести ограничительные механизмы для сдерживания распространения пандемии в стране, разработать и начать внедрять федеральный План экономического реагирования на COVID-19 (COVID-19 Economic Response Plan), а властям провинций и ряда муниципалитетов – ввести региональные рестрикционные меры и программы поддержки граждан и бизнес-сообщества на местах. Вместе с тем пандемия показала определенную ограниченность существующих социальных программ в ситуациях глобальных кризисов. Вероятно, пандемия станет определенным побудительным мотивом для развития и обновления социальной системы Канады, чтобы повысить ее устойчивость и способность эффективно действовать в условиях чрезвычайных ситуаций.

Второй фактор – наличие нетерпимости и социальной эксклюзии, который проявился в период пандемии. Несмотря на устойчивое развитие политики государства в социальной сфере и отсутствие социальной напряженности (или ее латентный характер) в канадском обществе, с началом пандемии обострились проблемы неравенства, расовой нетерпимости и дискриминации, о чем говорилось выше. Наиболее уязвимыми стали не только пожилые люди, на чью долю пришлось наибольшее количество смертей от COVID-19 или сопутствующих осложнений, но и группы меньшинств и иммигранты [*Choi*, *Zajacova*, *Haan*, *Denice* 2020]. Связанные с ростом нетерпимости тенденции свидетельствуют о том, что политический имидж Канады как страны, доброжелательной к иммигрантам и отстаивающей принципы мультикультурализма и разнообразия национальной идентичности, может быть подвергнут сомнению, а усилия властей по интеграции меньшинств (в том

числе программы ориентации, обучения, повышения квалификации и социальные услуги) недостаточны.

Иммигранты составляют значительную часть населения Канады – около одной пятой. Данный показатель – один из самых высоких среди развитых стран. Иммигранты вносят существенный вклад в демографическое развитие страны, затормаживают процесс старения населения, а также способствуют развитию экономики и инновационных технологий [*Pison* 2019], поэтому канадские власти заинтересованы в развитии политики включенности новых членов канадского общества.

Вместе с тем следует отметить, что на протяжении многих лет канадцы положительно относились к иммиграции и иммиграционной системе в целом, и до пандемии лишь треть населения хотела бы снизить ее уровень [Canadians Continue… 2019]. Однако с началом кризиса обнаружилась неустойчивость общественной поддержки и лояльности к иммигрантам. Оказалось, что система их интеграции слаба и существующие механизмы в рамках канадской нормативно-правовой системы на федеральном (Закон о канадском мультикультурализме 1988 г.) и региональном (Закон о правах человека Альберты 2009 г., Заявления о политике в данной области провинций Нью-Брансуик и Острова Принца Эдуарда) уровнях необходимо дополнить и обновить.

Третий фактор – отсутствие системы базового дохода и необходимость введения краткосрочных чрезвычайных программ для повышения социальной защиты населения в период пандемии. Правительственные решения ввести изоляцию и социальное дистанцирование привели к росту доли работающих удаленно либо уволенных, а также к сокращению доли малого и среднего бизнеса по всей стране. Так, за период с февраля по июнь 2020 г. реальный ВВП упал на 14,7% [Statistics Canada 2020], а безработица достигла уровня 12,3% [OECD. Unemployment Rate (Indicator) 2020]. Под значительным давлением оказались секторы услуг в сфере питания, образования, торговли и транспорта. Серьезные пробелы проявились в системе социальной защиты граждан, в том числе в сфере страхования занятости, которая не смогла помочь миллионам канадцев, оставшимся без дохода из-за ограничительных мер.

Уже 25 марта 2020 г. было введено пособие по реагированию на чрезвычайные ситуации (Canada Emergency Response Benefit – CERB) как адресная поддержка физическим лицам, которые потеряли работу или чьи рабочие часы сократились из-за пандемии и ограничительных мер. И без того масштабную программу расширили, включив в нее также работающих по контракту, частично занятых и сезонных рабочих. К концу августа правительство потратило около 72,5 млрд долл., что существенно превысило прогнозируемые расходы [Canada Emergency Response…]. Программу, которая охватила более 7 млн канадцев, с одной стороны, эксперты охарактеризовали как «бюрократическое чудо» [*Taylor-Vaisey* 2020], с другой – она стала поводом для возобновления дискуссии о реформировании системы страхования занятости и сферы социальной помощи в целом. В результате все больше экспертов и политических деятелей стали высказываться в пользу трансформации временной программы CERB в постоянный гарантированный базовый доход.

Защита занятости относится к компетенциям федерального и провинциальных правительств. Регионы в рамках своих полномочий законодательно закрепляют вопросы регулирования рынка труда на своей территории. Правительство Канады может регулировать сферу занятости только в своих областях юрисдикции. Так, в связи с пандемией власти ряда провинций смягчили нормы в области защиты занятости, и предприятия смогли увольнять незадействованных работников. Чтобы предотвратить массовые увольнения, правительство начало поощрять работодателей сохранять рабочие места и выплачивать заработную плату посредством предоставления крупных субсидий. Таким образом, помимо федеральной централизованной программы страхования занятости, которая временно обеспечивает поддержку безработных (в том числе тех, кто ищет работу или повышает

квалификацию) и граждан, попавших в определенные жизненные ситуации (например, находящихся в отпуске по болезни или по уходу за ребенком), были введены в действие еще несколько механизмов защиты занятости: работодателям, доходы которых падают в связи с пандемией, была предоставлена федеральная чрезвычайная субсидия на покрытие части заработной платы своих сотрудников, а также введены временные программы поддержки на уровне провинций.

Вопрос установления стабильного дохода много лет обсуждают как экспертные центры [*Boadway, Kuff, Koebel* 2018], так и политические круги Канады. На уровне муниципалитетов идет широкая дискуссия и принимаются разного рода резолюции, которые призывают муниципалитеты по всей стране повлиять на провинциальные и федеральные власти с целью создать систему базового дохода [*Segal* 2016]. С началом пандемии обсуждение данного вопроса лишь активизировалось [*Wright* 2020], и федеральное правительство будет вынуждено включить эту проблему в повестку дня в период посткризисного восстановления.

Четвертый фактор связан со сферой здравоохранения, которая ощутила на себе основное давление в связи с пандемией. Власти сделали основной упор на поддержку больниц и врачей. Однако скоро стало очевидно, что система долговременного ухода наиболее уязвима в данной сфере. Такого рода учреждения не включены в систему общественного здравоохранения как области политического регулирования правительства, хотя именно на них (государственные и частные) в течение первых месяцев пандемии пришлось более 80% всех смертей в Канаде, а по состоянию на начало марта 2021 г. – более 50% [*Clarke* 2021]. Таким образом, на долю этих учреждений приходится наибольшее количество случаев заражения и смертности.

В некоторых провинциях ситуация вокруг учреждений долговременного ухода стала настолько тревожной, что потребовалось вмешательство Канадских вооруженных сил. В мае 2020 г. ведомство опубликовало отчет, который вскрыл множество недостатков в Онтарио, в частности необученный медицинский и немедицинский персонал, плохие и часто антисанитарные условия ухода за больными, несоответствующее использование или отсутствие средств индивидуальной защиты, что способствовало быстрому распространению COVID-19 [OP LASER – JTFC… 2020].

Столь серьезный пробел в системе здравоохранения, который проявился в период пандемии, продемонстрировал переход региональной (провинциальной и муниципальной) проблемы на федеральный уровень и необходимость реформ. Стал очевиден и тот факт, что участие федеральной власти – по крайней мере в кризисной ситуации – может стать важнейшим элементом при обеспечении безопасности в сфере здравоохранения. Такая же необходимость проявилась в системе долговременного ухода, которая не регулируется Законом о здравоохранении Канады, а подпадает под категорию «расширенные медицинские услуги». Канадские эксперты заговорили о необходимости формирования общеканадского «зонтика» общественного здравоохранения, то есть внесения поправок в Закон для регулирования деятельности учреждений долговременного ухода на федеральном уровне, а также усиления роли федерального центра в данной сфере [*Beland*, *Marier* 2020] – например, с помощью разработки определенных стандартов для получения федеральных трансфертов.

Пятый фактор лежит в плоскости межправительственных отношений и системы разделения полномочий. Федерально-провинциальное разделение властей в сфере общественного здравоохранения стало важным предметом дискуссии в канадском экспертном сообществе. Система общественного здравоохранения подпадает под юрисдикцию провинций, и возможности для влияния и оказания федеральной финансовой поддержки сильно ограничены. В соответствии с Конституционными актами 1867–1982 гг., п. 11 раздел 91, к федеральной сфере ответственности в области здравоохранения

относятся карантин, формирование и обслуживание морских госпиталей. Создание, обслуживание и управление всеми остальными больницами, кроме морских, находятся в сфере юрисдикции провинций (п. 7 раздел 92). Таким образом, провинции сами ведут законотворческую деятельность в данной сфере и организуют работу учреждений общественного здравоохранения. К их исключительной ответственности относятся предоставление большинства медицинских услуг, подготовка специалистов и т.д. В период пандемии провинциальные и муниципальные власти принимали решения о введении рестрикционных мер (приостановка работы государственных учреждений и предприятий, перевод школ на дистанционное обучение, ограничение доступа к общественным пространствам) именно с учетом рекомендаций региональных и местных медицинских институтов и экспертов.

Вместе с тем, к федеральной ответственности относятся вопросы национального общеканадского, внепровинциального и международного значения. Пандемия COVID-19 относится именно к такого рода вопросам, поскольку она носит глобальный характер и затрагивает межпровинциальный аспект сферы канадского здравоохранения, который регулируют федеральные власти. Так проявилось противоречие, которое затрагивает одну из основных проблем политического процесса в Канаде – вопрос федерально-провинциально-территориального разграничения ответственности и полномочий, который предстоит решать федеральным и региональным властям совместно.

Пандемия также подпадает под п. 5 части I Закона о чрезвычайных ситуациях 1985 г., который относит ситуацию, вызванную болезнью человека, животных или растений, к чрезвычайным ситуациям в сфере общественного благосостояния. Закон наделяет генерал-губернатора полномочиями издавать приказы и постановления общеканадского значения в сфере общественного здравоохранения. Ряд канадских экспертов справедливо полагают, что подобная норма способна предоставить федеральному правительству возможности изменить существующую законодательную базу или инициировать принятие новых нормативно-правовых актов для того, чтобы подготовиться к будущим пандемиям и избежать правовых коллизий, которые могут стать поводом для межправительственной напряженности.

К сфере разделения полномочий можно отнести и особенность взаимодействия правительств с сообществами коренных народов, которая проявилась в период пандемии. В частности, общины сами распределяют средства федерального финансирования на конкретные целевые расходы между собой в зависимости от актуальных потребностей. Подобный временный отказ от финансового патернализма со стороны правительства может послужить прецедентом и стать нормой в дальнейших отношениях Канады с коренными народами. Также характерным признаком того, что в будущем коренные сообщества могут получить б*о*льшую независимость от федерального центра говорит и тот факт, что многие общины принимали решения и издавали свои собственные приказы в сфере общественного здравоохранения, предпринимали рестрикционные меры – в том числе ограничения на въезд и перемещение по своей территории – и объявляли чрезвычайное положение. Подобные действия сообществ коренных народов по всей стране можно оценивать как отстаивание своих прав и стремление получить больше полномочий. Для Канады, с одной стороны, данная трансформация может стать существенным политическим риском, с другой – значительно повысить уровень здравоохранения коренных общин, а в дальнейшем их жизни и благосостояния.

Шестой фактор – политика развития инновационной экономики и экономики знаний, обеспечение доступа к информации, технологиям и квалификации, в том числе в процессе принятия политических решений. Пандемия продемонстрировала, что сектор научных знаний может помогать правительственным институтам при формировании политики и разработке программ реагирования в чрезвычайных условиях, а также в период восста-

новления в посткризисный период. Одним из ключевых направлений стратегии реагирования Канады на пандемию COVID-19 стало финансирование научных знаний.

На проведение эффективной политики по реагированию значительно повлияла высокая степень взаимодействия между кабинетом министров и департаментами, а также участие частного сектора. В разработке научно-исследовательских и технологических решений участвовал канадский частный сектор в сфере НИОКР. Так, в ответ на предоставление в начале 2020 г. федеральным агентством «Канадские институты медицинских исследований» гранта «Быстрого финансирования исследований COVID-19» множество исследовательских центров, университетов, институтов и компаний обратилось к правительству с предложениями по разработке программ по борьбе с пандемией. На исследования было выделено около 111,1 млн долл. Они затрагивают широкий круг вопросов, которые включены в повестку дня канадского правительства и будут определять процесс принятия политических решений в посткризисный период [Government of Canada… 2020]. Можно выделить несколько направлений исследований, которые канадское правительство будет изучать и анализировать в рамках формирования политической стратегии во время и после пандемии:

1. Сфера медицины и здравоохранения. Большую часть финансирования привлекли исследования клинических проблем в области лечения заразившихся пациентов (около 11,5 млн долл.) и вопросов диагностики, а также междисциплинарные исследования с участием канадских и зарубежных вирусологов, химиков, инфекционистов, ученых в сфере общественного здравоохранения (почти 19,5 млн долл.).

Другим направлением в данной сфере стали исследования проблем распространения заболевания. В том числе они затрагивают темы краткосрочного прогнозирования возможных эпидемий и моделирования, которые смогут применять канадские учреждения здравоохранения (выделено более 6 млн долл.).

2. Сфера национального (федерального/регионального/местного) и глобального управления. Значительные средства были направлены на исследования повышения эффективности координации, управления и логистики на национальном и глобальном уровне (более 5,5 млн долл.), в том числе на проведение проблемно-ситуационного анализа принятых ограничительных мер, их положительных и отрицательных последствий для разработки эффективной стратегии борьбы с COVID-19 и другими возможными пандемиями, на исследования в сфере медицинского и социального воздействия пандемии. Все они могут лечь в основу эффективной стратегии для нивелирования социальных рисков и борьбы с дезинформацией и дискриминацией.

В рамках данного гранта проанализируют риски в сфере международных поездок и трансграничной торговли, а также государственную политику в данной области, чтобы выявить ее слабые места, что позволит разрабатывать эффективные меры в сфере логистики (определение логистических потребностей городов и обществ с точки зрения культурного, национального, возрастного разнообразия, контроль бесперебойного функционирования логистических услуг для уязвимых групп и регионов и др.).

3. Сфера социальных отношений, которая стала одним из ключевых направлений для пересмотра правительственной политики. Исследования, которые сформируют основу для государственной стратегии по противодействию дезинформации о вирусе, стигматизации и страху, по повышению общественного доверия (выделено более 9,3 млн долл.) включают несколько направлений:

– дискриминация и ксенофобия (ассоциативное восприятие канадцами своих сограждан китайского и восточноазиатского происхождения). В соответствии с одной из версий генезиса нового вируса, он возник в Китае. В связи с данной информацией в обществе возникли ложные опасения и страхи на национальной почве. Основная цель данных исследований – изучить индивидуальные, социокультурные и поведенческие факторы,

которые влияют на реакцию общества, а также не допустить социальную стигматизацию в канадском обществе. Психологические и поведенческие факторы эпидемий и пандемий важно изучать не только при разработке мер реагирования и сдерживания распространения заболевания. Они также становятся первопричиной дискриминации, ксенофобии, расизма, повышенной тревожности, страха и т.д., которые лишь усиливаются в кризисные моменты и чрезвычайные ситуации;

– исследование корреляционной зависимости между вспышкой и распространением COVID-19, мерами реагирования и доверием граждан к канадскому правительству, а также корреляции между социальным доверием и доверием аутгруппе (например, между группами разной национальной или религиозной идентичности);

– изучение и анализ в режиме реального времени культурных, социальных и политических реакций широкой общественности и отдельных целевых групп на правительственные ответные меры. В первую очередь оценивается эффективность использования институтами общественного здравоохранения различных инструментов информирования и предупреждения граждан о вспышках пандемии, рисках заражения и распространения заболевания, а также о новой вакцине (например, через СМИ или социальные сети);

– разработка и внедрение инструментов повышения информированности канадской общественности о COVID-19 (специальные образовательные программы и мероприятия, предоставление рекомендаций и необходимых просветительских ресурсов некоммерческим организациям и различным общественным группам). Данные инструменты позволят гражданам дифференцировать достоверную и недостоверную информацию о вирусе, а также снизят общий уровень дезинформации в обществе;

– повышение надежности канадской системы общественного здравоохранения и доверия к ней посредством разработки руководящих принципов реагирования на чрезвычайные ситуации через социальные сети (главным образом, Twitter и Facebook). В рамках данного исследования поставлена задача проанализировать и оценить взаимодействие Агентства общественного здравоохранения Канады и руководителей органов здравоохранения провинций с канадским обществом через соцсети до и во время пандемии.

Заключение

В основе социального неравенства в любом его виде лежат экономические причины, решение которых полностью зависит от политической воли элит. Универсальная система социальной политики Канады, которая охватывает разные слои общества на федеральном и провинциальном уровнях, позволила властям страны оперативно реагировать на вызовы пандемии. Чрезвычайные обстоятельства поставили перед правительствами необходимость разрабатывать и вводить дополнительные механизмы поддержки граждан и их семей на базе уже функционирующих программ – например, централизованной системы предоставления пособий по страхованию занятости или пособий по уходу за ребенком.

На сегодняшний день реакция правительств носит временный характер. Вместе с тем, если экономический спад продолжится, канадскому правительству придется обновить свою социальную политику, например, рассмотреть вопрос о введении базового гарантированного дохода. Трансформация системы социального обеспечения в период пандемии может привести к изменению политики в социальной сфере и к деволюционным преобразованиям, которые лежат в основе развития канадского федерализма.

Кризис – всегда возможность для эволюции, изменений, реформ. Социальные риски в связи с пандемией COVID-19 поставили перед политическими кругами Канады вопросы, которые ранее не были ключевыми в повестке дня. С большой вероятностью можно

предположить, что руководство страны пересмотрит систему организации рабочего времени. Представители частного сектора и эксперты высказываются в пользу удаленной работы или смешанной системы («blended system»), когда возможно сочетать работу из дома и офиса. Они уже доказали свою эффективность в некоторых отраслях системы. Необходимо также продолжить внедрять цифровые технологии в сфере предоставления государственных услуг и на различных производствах. При введении ограничительных мер, в том числе санитарно-эпидемиологических, стала очевидной высокая значимость использования новых технологий.

Пока пандемия не завершится, ситуация в сфере канадского общественного здравоохранения и социальной политики продолжит меняться. Однако остается неясным, насколько долговременным будет эффект от политики правительства на федеральном, региональном или местном уровне, станет ли пандемия побудительным мотивом изменения канадской системы социальной безопасности, а также смогут ли Либеральная и оппозиционные партии воспользоваться возможностями, которые открыла для них пандемия, и продемонстрировать обществу свою восприимчивость к его нуждам и потребностям, способность управлять социально-экономическими процессами, формулировать правила и нормы общественного развития.

Пандемия и подобного рода кризисные ситуации еще долго будут привлекать внимание исследователей по всему миру. Поиск ответов на политические и экономические вызовы не утратит свою актуальность и будет одной из главных тем для тематического и ситуационного анализа в научном и экспертном сообществах, а также в политических кругах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Комплексное реагирование системы Организации Объединенных Наций на COVID-19: спасение людей, защита общества, более эффективное восстановление (2020). Официальный сайт Организации Объединенных Наций (https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid19_russian.pdf).

Психическое здоровье (2018). Официальный сайт ВОЗ (https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response).

Anti-Asian Discrimination: Younger Canadians Most Likely to be Hardest Hit by Experiences with Racism, Hate (2021). Angus Reid Institute (https://angusreid.org/anti-asian-discrimination/).

Beland D., Marier P. (2020) COVID-19 and the Reform of Long-Term Care Policy for Older People in Canada // Journal of Aging & Social Policy. № 32 (4–5), P. 358–364 (https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08959420.2020.1764319).

Blame, Bullying and Disrespect: Chinese Canadians Reveal their Experiences with Racism during COVID-19 (2020). Angus Reid Institute (https://socialwork.ucalgary.ca/sites/default/files/2020-11/Discrimination_Against_Chinese_Canadians-by-Angus-Reid-Poll-2020.06.22.pdf).

Boadway R., Kuff K., Koebel K. (2018) Implementing a Basic Income Guarantee in Canada: Prospects and Problems. Memorial University of Newfoundland (https://www.mun.ca/econ/more/events/boadway-care-memorial.pdf).

Building A Foundation For Change: Canada's Anti-Racism Strategy 2019-2022. Canadian Heritage (https://www.canada.ca/content/dam/pch/documents/campaigns/anti-racism-engagement/ARS-Report-EN-2019-2022.pdf).

Canada Emergency Response Benefit and EI Statistics. Government of Canada (https://www.canada.ca/en/services/benefits/ei/claims-report.html).

Canada's Poverty Reduction Strategy – An Update (2019). Employment and Social Development Canada (http://www12.esdc.gc.ca/sgpe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=69053&did=5628).

Canadians Continue to Support Immigration, despite Concerns it Would be Election Issue, New Poll Says (2019) // The Globe and Mail. November 5, 2019 (https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canadians-continue-to-support-immigration-despite-concerns-it-would/).

Choi K., Zajacova A., Haan M., Denice P. Data Linking Race and Health Predicts New COVID-19 Hotspots (2020) // The Conversation (https://theconversation.com/data-linking-race-and-health-predicts-new-COVID-19-hotspots-138579).

Clarke J. (2021) Impacts of the COVID-19 Pandemic in Nursing and Residential Care Facilities in Canada. Statistics Canada (https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/45-28-0001/2021001/article/00025-eng.htm).

COVID-19 in Canada: A One-year Update on Social and Economic Impacts (2021). Statistics Canada (https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/11-631-x/11-631-x2021001-eng.pdf).

COVID-19 in Canada: A Six-month Update on Social and Economic Impacts (2020). Statistics Canada (https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-631-x/11-631-x2020003-eng.htm).

Creating New Federal Accessibility Legislation: What We Learned (2017). Employment and Social Development Canada (http://www12.esdc.gc.ca/sgpe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=58819&did=5091).

Godley J. (2018) Everyday Discrimination in Canada: Prevalence and Patterns // The Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens De Sociologie. Vol. 43, No. 2, P. 111–142 (www.jstor.org/stable/26633527).

Government of Canada Funds 49 Additional COVID-19 Research Projects – Details of the Funded Projects (2020). Government of Canada (https://www.canada.ca/en/institutes-health-research/news/2020/03/government-of-canada-funds-49-additional-covid-19-research-projects-details-of-the-funded-projects.html).

Indigenous Peoples in Canada. Amnesty International (Canada). (https://www.amnesty.ca/our-work/issues/indigenous-peoples/indigenous-peoples-in-canada).

Levesque A., Theriault S. (2020) Chapter D-6: Systemic Discrimination in Government Services and Programs and Its Impact on First Nations Peoples During the COVID-19 Pandemic. Vulnerable. Ottawa: University of Ottawa Press. P. 381–392.

Levesque A., Theriault S. (2020) Indigenous Communities at Increased Risk during the Coronavirus Pandemic // The Conversation (https://theconversation.com/indigenous-communities-at-increased-risk-during-the-coronavirus-pandemic-142027).

National Overview of the Community Well-Being Index, 1981 to 2016 (2019). Government of Canada (https://www.sac-isc.gc.ca/DAM/DAM-ISC-SAC/DAM-STSCRD/STAGING/texte-text/nat-overview-community-well-being-index-1981-2016_1578933849349_eng.pdf).

OP LASER – JTFC Observations in Long Term Care Facilities in Ontario (2020). Joint Task Force (Central). 4th Canadian Division. Headquarters (http://www.documentcloud.org/documents/6928480-OP-LASER-JTFC-Observations-in-LTCF-in-On.html?_ga=2.162779068.1849292644.1608630269-315617870.1608630269).

Pison G. (2019) The Number and Proportion of Immigrants in the Population: International Comparisons // Population & Societies. Number 563. February 2019 (https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/28889/563.international.comparison.immigrants.2019.en.pdf).

Segal H.D (2016) Finding a Better Way: A Basic Income Pilot Project for Ontario. Discussion Paper. Government of Ontario (https://www.ontario.ca/page/finding-better-way-basic-income-pilot-project-ontario).

Statistics Canada (2020) Gross Domestic Product (GDP) at Basic Prices, by Industry, Monthly (x 1,000,000). (https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3610043401).

Taylor-Vaisey N. (2020) Pulling off a Bureaucratic Miracle: How the CERB Got Done. Maclean's. May 4, 2020 (https://www.macleans.ca/politics/ottawa/pulling-off-a-bureaucratic-miracle-how-the-cerb-got-done/).

Unemployment rate (indicator) (2020). Organisation for Economic Co-operation and Development (https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm).

Wright A. (2020) A Bold Conservative Platform Would Include Universal Basic Income. Policy Options. September 2020 (https://policyoptions.irpp.org/magazines/september-2020/a-bold-conservative-platform-would-include-universal-basic-income/).

REFERENCES

Anti-Asian Discrimination: Younger Canadians Most Likely to be Hardest Hit by Experiences with Racism, Hate (2021). Angus Reid Institute (https://angusreid.org/anti-asian-discrimination/).

Beland D., Marier P. (2020) COVID-19 and the Reform of Long-Term Care Policy for Older People in Canada. *Journal of Aging & Social Policy*. no. 32 (4–5), pp. 358–364 (https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08959420.2020.1764319).

Blame, Bullying and Disrespect: Chinese Canadians Reveal their Experiences with Racism during COVID-19 (2020). Angus Reid Institute (https://socialwork.ucalgary.ca/sites/default/files/2020-11/Discrimination_Against_Chinese_Canadians-by-Angus-Reid-Poll-2020.06.22.pdf).

Boadway R., Kuff K., Koebel K. (2018) *Implementing a Basic Income Guarantee in Canada: Prospects and Problems*. Memorial University of Newfoundland (https://www.mun.ca/econ/more/events/boadway-care-memorial.pdf).

Building A Foundation For Change: Canada's Anti-Racism Strategy 2019-2022. Canadian Heritage (https://www.canada.ca/content/dam/pch/documents/campaigns/anti-racism-engagement/ARS-Report-EN-2019-2022.pdf).

Canada Emergency Response Benefit and EI Statistics. Government of Canada (https://www.canada.ca/en/services/benefits/ei/claims-report.html).

Canada's Poverty Reduction Strategy – An Update (2019). Employment and Social Development Canada (http://www12.esdc.gc.ca/sgpe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=69053&did=5628).

Canadians Continue to Support Immigration, Despite Concerns it Would be Election Issue, New Poll Says (2019). *The Globe and Mail*. November 5, 2019 (https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canadians-continue-to-support-immigration-despite-concerns-it-would/).

Choi K., Zajacova A., Haan M., Denice P. Data Linking Race and Health Predicts New COVID-19 Hotspots (2020). *The Conversation* (https://theconversation.com/data-linking-race-and-health-predicts-new-COVID-19-hotspots-138579).

Clarke J. (2021) *Impacts of the COVID-19 Pandemic in Nursing and Residential Care Facilities in Canada*. Statistics Canada (https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/45-28-0001/2021001/article/00025-eng.htm).

COVID-19 in Canada: A One-year Update on Social and Economic Impacts (2021). Statistics Canada (https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/11-631-x/11-631-x2021001-eng.pdf).

COVID-19 in Canada: A Six-month Update on Social and Economic Impacts (2020). Statistics Canada (https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-631-x/11-631-x2020003-eng.htm).

Creating New Federal Accessibility Legislation: What We Learned (2017). Employment and Social Development Canada (http://www12.esdc.gc.ca/sgpe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=58819&did=5091).

Godley J. (2018) Everyday Discrimination in Canada: Prevalence and Patterns. *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens De Sociologie*. vol. 43, no. 2, pp. 111–142 (www.jstor.org/stable/26633527).

Government of Canada Funds 49 Additional COVID-19 Research Projects – Details of the Funded Projects (2020). Government of Canada (https://www.canada.ca/en/institutes-health-research/news/2020/03/government-of-canada-funds-49-additional-covid-19-research-projects-details-of-the-funded-projects.html).

Indigenous Peoples in Canada. Amnesty International (Canada). (https://www.amnesty.ca/our-work/issues/indigenous-peoples/indigenous-peoples-in-canada).

Kompleksnoe reagirovanie sistemy Organizacii Ob"edinennyh Nacij na COVID-19: spasenie lyudej, zashchita obshchestva, bolee effektivnoe vosstanovlenie [United Nations Systematic Comprehensive Response to COVID-19: Saving People, Protecting Communities, More Effective Recovery] (2020). UN Official Site (https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid19_russian.pdf)

Levesque A., Theriault S. (2020) *Chapter D-6: Systemic Discrimination in Government Services and Programs and Its Impact on First Nations Peoples During the COVID-19 Pandemic. Vulnerable*. Ottawa: University of Ottawa Press. pp. 381–392.

Levesque A., Theriault S. (2020) Indigenous Communities at Increased Risk during the Coronavirus Pandemic. *The Conversation* (https://theconversation.com/indigenous-communities-at-increased-risk-during-the-coronavirus-pandemic-142027).

National Overview of the Community Well-Being Index, 1981 to 2016 (2019). Government of Canada (https://www.sac-isc.gc.ca/DAM/DAM-ISC-SAC/DAM-STSCRD/STAGING/texte-text/nat-overview-community-well-being-index-1981-2016_1578933849349_eng.pdf).

OP LASER – JTFC Observations in Long Term Care Facilities in Ontario (2020). Joint Task Force (Central). 4th Canadian Division. Headquarters (http://www.documentcloud.org/documents/6928480-OP-LASER-JTFC-Observations-in-LTCF-in-On.html?_ga=2.162779068.1849292644.1608630269-315617870.1608630269).

Pison G. (2019) The Number and Proportion of Immigrants in the Population: International Comparisons. *Population & Societies*. Number 563. February 2019 (https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/28889/563.international.comparison.immigrants.2019.en.pdf).

Psihicheskoe zdorov'e [Psychological Health] (2018). WHO Official Site. (https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response)

Segal H.D (2016) *Finding a Better Way: A Basic Income Pilot Project for Ontario*. Discussion Paper. Government of Ontario (https://www.ontario.ca/page/finding-better-way-basic-income-pilot-project-ontario).

Statistics Canada (2020) Gross Domestic Product (GDP) at Basic Prices, by Industry, Monthly (x 1,000,000). (https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3610043401).

Taylor-Vaisey N. (2020) *Pulling off a Bureaucratic Miracle: How the CERB Got Done*. Maclean's. May 4, 2020 (https://www.macleans.ca/politics/ottawa/pulling-off-a-bureaucratic-miracle-how-the-cerb-got-done/).

Unemployment Rate (indicator) (2020). Organisation for Economic Co-operation and Development (https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm).

Wright A. (2020) A Bold Conservative Platform Would Include Universal Basic Income. *Policy Options*. September 2020 (https://policyoptions.irpp.org/magazines/september-2020/a-bold-conservative-platform-would-include-universal-basic-income/).

Информация об авторе

Солянова Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: solyanova.maria@gmail.com

About the author

Maria V. Solyanova, Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: solyanova.maria@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.07.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.10.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 29.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 91–103
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 91–103

DOI: 10.31857/S086904990017873-2

ПОЛИТИКА И ПРАВО
POLITICS AND LAW

Оригинальная статья / Original Article

Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты)[1]

© П.А. ГУДЕВ

Гудев Павел Андреевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), gudev@imemo.ru

В статье рассматриваются ключевые факторы, которые влияют на устойчивость Системы Договора об Антарктике (СДА), подвергают эрозии ее основные нормы и положения, усиляют политико-правовые противоречия между странами, а в целом – приводят к перспективному росту межгосударственной конфликтности. Среди данных факторов – попытки тех или иных государств-претендентов сформировать морские зоны суверенитета, суверенных прав и юрисдикции в антарктических водах, а также начатый ими процесс определения внешних границ континентального шельфа в рамках Комиссии по границам континентального шельфа. Показано, как вызывают дисбаланс всей системы попытки данных государств оправдать свои действия ссылками на права и полномочия, предоставленные им современным международным морским правом – прежде всего Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Отсутствие окончательного урегулирования вопросов применимости концепции общего наследия человечества (ОНЧ) к Антарктике, проблемы законности формирования морских зон вокруг субантарктических островов, наличие ограничений национальной юрисдикции на самом континенте усиливают давление на устойчивость сложившегося правового режима. В интересах Российской Федерации не допустить полного разрушения сложившейся системы управления, а при неизбежности такового – быть готовой активно отстаивать свои национальные интересы.

Ключевые слова: Мировой океан, Антарктика, международное морское право, Конвенция ООН по морскому праву, суверенитет, юрисдикция, континентальный шельф, концепция общего наследия человечества

Цитирование: Гудев П.А. (2021) Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты) // Общественные науки и современность. № 6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2

[1] Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783). The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021, № 6. С. 91–103
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 6, pp. 91–103

Problems of The Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects)

© P. GUDEV

Pavel A. Gudev, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gudev@imemo.ru

Abstract. The article considers the key factors that affect the stability of the Antarctic Treaty System (ATS), erode its basic norms and provisions, lead to strengthening of political and legal contradictions between countries and, in general, to a prospective strengthening of interstate conflicts. Among those factors are the attempts of some claimant states to form maritime zones of sovereignty, sovereign rights and jurisdiction in the Antarctic waters and the process of defining the outer limits of the continental shelf within the framework of the Commission on the Limits of the Continental Shelf initiated by them. The author shows how justifying their actions with references to the rights and powers granted to them under modern international maritime law, and above all the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, leads to an imbalance of the entire System. The unresolved questions concerning the applicability of the concept of common heritage of mankind (CCH) to the Antarctic, the legality of the formation of maritime zones around the sub-Antarctic islands and restrictions on the exercise of national jurisdiction on the continent itself increase pressure on the sustainability of the established legal regime. It is in the interests of the Russian Federation not to allow the complete destruction of the established system of governance, and if it is inevitable, to be ready to pursue an active policy to defend its national interests.

Keywords. World Ocean, Antarctic, International Law of the Sea, UN Convention on the Law of the Sea, sovereignty, jurisdiction, continental shelf, common heritage of mankind

Citation: Gudev P. (2021) Problems of the Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects). *Obshchestvennye nauki I sovremennost'*, no. 6, pp. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2 (In Russ.)

За последние годы отмечались сразу три юбилея, связанные с Антарктикой. В 2019 г. – 60 лет с подписания в Вашингтоне 1 декабря 1959 г. Договора об Антарктике; в 2020 г. – 200 лет с открытия Антарктиды экспедицией под руководством Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева, а 23 июня 2021 г. – 60 лет со вступления Договора об Антарктике в законную силу. По мнению многих экспертов, Система Договора об Антарктике (здесь и далее СДА[2]) – один из «режимов-долгожителей» в области сотрудничества и кооперации. Оптимисты уверены, что СДА справится с новыми вызовами и угрозами, так как за прошедшие десятилетия в ее рамках наработан значительный запас прочности и адаптивности. Умеренные пессимисты акцентируют внимание на том, что «заморозка» тех или иных видов деятельности в Антарктике не может быть вечной, так как освоение и эксплуатация пространств и ресурсов материка и его акваторий – лишь отложенный на определенное время вопрос, и государства-участники обязательно к нему вернутся. Нельзя не согласиться как с первой, так и со второй точками зрения. СДА на деле показала свою устойчивость, однако она достаточно хрупка и зависит от общего уровня

[2] СДА – сеть взаимосвязанных и взаимодополняющих многосторонних соглашений, а также многочисленных согласованных мер и правил, принятых в развитие целей и принципов Договора, которые в совокупности с действующими универсальными конвенциями и договорами определяет современный международно-правовой режим Антарктики. СДА составляют: Договор об Антарктике (1959); Конвенция по сохранению антарктических тюленей (1972); Конвенция по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (1980); Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике (1991). Также сюда могут быть отнесены вступившие в силу Рекомендации Консультативных совещаний по Договору об Антарктике (КСДА) и меры по сохранению Ежегодных сессий Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ).

взаимоотношений между странами-членами, а также их политических и иных амбиций. Так, в рамках СДА существует масса нерешенных правовых вопросов. Страны, которые претендуют на владение территорией материка, продолжают отстаивать свои позиции на высоком государственном уровне. Цель настоящей публикации – кратко осветить тот круг проблем и вопросов, которые существуют в рамках СДА.

Роль и значение Договора об Антарктике

Договор 1959 г. – продукт послевоенного мироустройства, уникальное событие времен холодной войны, когда великие державы положили конец так называемой «большой игре» за Антарктику – соперничеству целого ряда государств за обладание материком. Договор стал первым примером режима по управлению международными пространствами, за которым последовали Договор о Космосе (1967), а также Договор по морскому дну (1970). В данных соглашениях акцентировалась их направленность на учет интересов всего человечества. Договоры объединяет и то, что в их рамках все три ядерные державы того времени (Великобритания, СССР и США) выразили совместную позицию, согласно которой в интересах всего человечества будут использовать такие международные пространства, как морское дно, космос и Антарктика исключительно в мирных целях. Договор 1959 г., который запрещает любые мероприятия военного характера и производство любых ядерных взрывов, сделал Антарктику безъядерной зоной, став прототипом для других зон, свободных от ядерного оружия. Данные базовые положения – мирное использования, демилитаризованный статус, безъядерная зона – приобрели, согласно ст. 38 Венской Конвенции о праве международных договоров, характер норм международного обычного права, что делает их обязательными для исполнения всеми государствами, в том числе не участвующими в Договоре об Антарктике [*Голицын* 1990, 16].

Срок действия Договора 1959 года и его возможный пересмотр

Договор об Антарктике – достаточно прочная правовая конструкция, которая выдержала испытание временем. Срок его действия никак не ограничен. Тем не менее, будущее данного соглашения целиком и полностью зависит от позиции государств, которые заложили основу данной системы и обладают правом совещательного голоса (т.н. консультативные стороны[3]). Лишь они могут, в частности, инициировать созыв новой конференции для рассмотрения вопроса о том, как действует Договор, а также предлагать те или иные изменения или же поправки к нему. Неслучайно в недавнем заявлении глава российского МИДа сделал особый акцент на необходимости «бережно относиться к любым идеям каким-то образом модифицировать согласованный Договором режим»[4].

Наиболее острый вопрос на сегодня – действующий в рамках Протокола об охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 4 октября 1991 г. (т.н. Мадридский протокол) запрет на любую деятельность, связанную с минеральными ресурсами (за исключением научных исследований (ст. 7)). По истечении 50-летнего периода со вступления его в силу в 1998 г. (к 2048 г.) любая из консультативных сторон может потребовать созвать новую конференцию по вопросу действия Протокола с целью внести в него изменения и поправки (ст. 25(2)). Однако пересмотр положений ст. 7 возможен лишь в случае

[3] Изначально к ним относились 12 участников антарктической конференции. На сегодняшний день количество консультативных сторон расширилось до 29.

[4] Интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова телеканалу «Россия 1» для документального фильма «Антарктида. 200 лет мира». Москва, 2 февраля 2020 г. (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4016132).

вступления в силу юридически обязательного режима освоения минеральных ресурсов Антарктики (ст. 25(5)(a))[5].

В связи с утверждением в рамках Мадридского протокола 50-летнего моратория на разработку минеральных ресурсов Антарктики появилось очень много спекуляций. Прежде всего они касаются ложного утверждения о том, что действие всей СДА будет прекращено с 2041 г. (50 лет с подписания Мадридского протокола) или с 2048 г. (50 лет с его вступления в силу). Второе некорректное утверждение состоит том, что к тому времени ограничение на разработку минеральных ресурсов будет обязательно снято. Такой вариант действительно возможен, но при соблюдении двух условий: разработка и принятие единого режима их разведки и разработки и согласие 3/4 консультативных сторон с необходимостью отменить ст. 7.

Важно отметить, что в рамках Договора об Антарктике уже предпринимали попытку разработать режим освоения минеральных ресурсов. Таковой стала Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г., которая, однако, не вступила в законную силу. Среди основных причин – противодействие со стороны Австралии и Франции как основных государств-интересантов, поскольку на тот момент они не были готовы к промышленной разведке и разработке минеральных ресурсов материка и его шельфов [*Лукин* 2017, 100].

Тем не менее вполне возможно предположить, что именно положения данной конвенции лягут в основу будущего режима. Однако основные проблемы останутся прежними: как найти компромисс между интересами государств, которые претендуют на суверенитет в Антарктике, и странами, которые не признают территориальные притязания – а также обеспечить принятие режима всем международным сообществом. Очевидно, что большая часть развивающихся стран не способны принимать участие в извлечении антарктических минеральных ресурсов, а ориентация будущего соглашения на учет именно их интересов вряд ли устроит развитые страны.

Применимость концепции ОНЧ к Антарктике

Проблема согласования интересов развитых и развивающихся государств существует в рамках СДА уже не одно десятилетие. Еще в 1983 г. целый ряд стран под эгидой Малайзии выступали за применение к Антарктике концепции общего наследия человечества (ОНЧ).

Данная правовая концепция в «усеченном» виде появилась в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.). Впервые ее полностью инкорпорировали в текст Соглашения по Луне (1979 г.), где было указано, что «Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества» (ст. 11(1)). Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенция 1982 г.) закрепила положение, согласно которому «район дна морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции, а также его ресурсы являются общим наследием человечества, разведка и разработка которых осуществляются на благо всего человечества, независимо от географического положения государств» (Преамбула).

Сторонники данного подхода настаивали на кардинальном решении вопроса с правопритязаниями тех или иных государств на антарктические территории, акватории и их ресурсы [*Beck* 2006]. Проект предполагал, что антарктический «клуб» государств-участников Договора прекратит свое существование, а управление всеми вопросами, связанными с режимом Антарктики, передадут ООН или же новой международной структуре.

[5] Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике. (https://documents.ats.aq/recatt/Att006_r.pdf).

Такая интернационализация режима, безусловно, была характерной чертой борьбы развивающихся стран за расширение своих прав в рамках противоборства Севера и Юга. Развивающиеся страны обвиняли систему принятия решений в рамках СДА в недемократичном характере, указывали на принцип доминирования меньшинства в ее рамках, настаивали на равных правах для всех стран-членов ООН по участию в судьбе Антарктики [*Hamzah* 2010].

Данный вопрос сняли с повестки дня в рамках ГА ООН в 2005 г., а Малайзия стала членом Договора в 2011 г. [*Jayaseelan* 2019]. Вступление в силу Мадридского протокола, который заморозил саму возможность разработки минеральных ресурсов, временно устранило проблему технической невозможности развивающихся государств активно участвовать в этом процессе. Претензии государств на территории и ресурсы никуда не делись, однако сама СДА со временем стала инклюзивнее и более ориентированной на первоочередную задачу – защиту и сохранение уникальной среды и экосистемы в целом.

Тем не менее, теоретически новый рост правопритязаний вполне возможен, равно как и эрозия самой СДА. В таком случае возрождение идеи о переподчинении режима Антарктики ООН или специально созданной организации путем распространения статуса ОНЧ может обрести новый смысл. Так, некоторые эксперты уже давно предполагали, что в будущем может появиться необходимость создать новый управляющий орган – например, Международный Орган по управлению Антарктикой, который будет выше Консультативного совещания по Договору об Антарктике (КСДА) по своим правам и полномочиям [*Scott* 2009, 36-38].

Безусловно, пока Россия рассматривает ресурсный потенциал Антарктики как отложенный-стратегический и не отказывается от своей позиции относительно возможности высказывать претензии, интернационализация режима не отвечает ее национальным приоритетам. Однако в случае, если российские интересы в Антарктике будут игнорировать и в регионе начнется новая «большая игра», возрождение идеи ОНЧ и международного управления может оказаться меньшим из зол по сравнению с проигрышем в антарктической битве.

Проблемы юрисдикции

На сегодняшний день семь государств[6] имеют свои правопритязания в Антарктике, и лишь 15% площади материка остаются свободными от претензий [*Lefeber* 1990].

Несмотря на «заморозку» правопритязаний в рамках ст. IV Договора, часть из государств-претендентов не только закрепили их в рамках внутреннего национального законодательства, но и рассматривают возможность заявить о распространении различных видов юрисдикций на территории материка. Такой шаг предполагает в дальнейшем создание тех или иных государственных институтов власти, что противоречит духу и положениями Договора [*Лукин* 2010].

Сам Договор 1959 г. не обошел стороной данную проблему. Однако в его рамках были лишь зафиксированы так называемые «согласованные исключения», то есть области, где удалось достичь общего понимания. В соответствии с документом без ущерба для позиций его участников относительно юрисдикции над всеми другими лицами в Антарктике, под юрисдикцией только своей страны находятся только наблюдатели и сопровождающий их персонал (ст. 8(1)). За исключением таких случаев, Договор оставил вопрос о юрисдикции государств в Антарктике открытым [*Голицын* 1990, 14-15].

[6] Австралия (1933 г.), Аргентина (1942 г.), Великобритания (1908 г.), Новая Зеландия (1923 г.), Норвегия (1937 г.), Чили (1940 г.), Франция (1924 г.).

На сегодняшний день пока нет ответа на вопрос, какой вид юрисдикции может быть применен по отношению к людям, которые не находятся в статусе ученого, исследователя или наблюдателя. Одновременно страны-претенденты применяют национальное законодательство к своим условным секторам, но не распространяют его на иностранных граждан. Такое частичное применение национальной юрисдикции ведет к определенным проблемам: как, например, быть государству, если на его «территории» совершил правонарушение иностранный гражданин из страны, которая не участвует в СДА (например, турист)? Некоторые эксперты отмечают наличие определенного «юрисдикционного вакуума», который прямо следует из «замороженных» территориальных претензий и представляет очередной вызов устойчивости СДА [*Scott* 2009, 26].

Морские зоны суверенитета, суверенных прав и юрисдикции

Действия стран, которые имеют правопритязания в регионе, не ограничиваются только территорией материка – они напрямую касаются и прилегающих морских районов. Данные государства полноценно участвуют в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., то есть они претендуют на формирование всех предписанных ею морских зон, на которые бы распространялся бы их суверенитет, суверенные права и юрисдикция – внутренних вод, территориального моря (ТМ), прилежащей и исключительной экономической (ИЭЗ) зон, а также режима континентального шельфа (КШ).

Формирование таких зон де-факто означает, что данные государства, во-первых, считают себя полноценными «прибрежными странами», а во-вторых, рассматривают территории, на которые они претендуют, как находящиеся под их полным государственным суверенитетом. Правовой принцип «land dominates the sea» означает, что морские зоны государства могут быть сформированы от его побережья вглубь моря только от территории, которая находится под его полным суверенитетом. Соответственно, данный процесс – новый вид практических шагов по укреплению тех или иных государственных правопритязаний на территорию Антарктиды, что напрямую противоречит положениям Договора 1959 г. (ст. IV).

Ситуация осложняется целым рядом правовых обстоятельств.

Во-первых, право на обладание ТМ – устоявшаяся норма международного обычного права, и здесь не нужны какие-либо декларации и заявления со стороны прибрежного государства [*Scott* 2013]. В результате Австралия, Новая Зеландия, Франция, Великобритания, Аргентина и Чили прямо указывают на то, что они обладают акваторией ТМ в Антарктике, а Норвегия заявила о своем праве на нее.

Во-вторых, в соответствии с решением Международного Суда ООН по делу о континентальном шельфе Северного моря 1969 г. было установлено, что право прибрежного государства на соответствующие районы морского дна и недр основаны на его суверенитете над сухопутной территорией, естественное продолжение которой и есть КШ[7]. Права государства на КШ существуют ipso facto (в силу суверенитета над сухопутной территорией) и ab initio (т. е. с самого начала).

С одной стороны, можно полагать, что если претензии на суверенитет «заморожены» Договором об Антарктике, то и претензии на морские зоны тоже следует считать таковыми. С другой стороны, указанные выше правовые особенности – веские аргументы для стран-претендентов считать, что они не обязаны никому ничего доказывать и их права на акватории и подводную окраину материка существуют изначально. Так, например, Австралия заявила об установлении режима КШ еще в 1953 г., т.е. до подписания

[7] North Sea Continental Shelf Case (Federal Republic Of Germany/Denmark; Federal Republic of Germany / Netherlands). Judgment of 20 February 1969. P. 3 (https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/51/051-19690220-JUD-01-00-EN.pdf).

Договора 1959 г., а значит ее претензии на КШ материка другие страны не могут рассматривать как запрещенное документом «расширение» претензий [*Green* 2001].

В отношении такой морской зоны, как ИЭЗ, все еще более неопределенно. В пределах ИЭЗ государство не обладает суверенитетом, а наделено лишь суверенными правами и юрисдикцией. Неясно, можно ли считать установление ИЭЗ нарушением ст. IV Договора 1959 г., то есть расширением уже существующих претензий, если права на ИЭЗ не так жестко увязаны с самим понятием «территориальный суверенитет» [*Triggs* 1987]. Австралия, Аргентина, Чили и Франция установили режим ИЭЗ, причем Чили сделала это еще в 1947 г., а Аргентина сразу после подписания Договора об Антарктике, но до начала III Конференции ООН по морском управу (1973-1982 гг.), которая данный режим ввела [*Scott* 2013].

Важный аспект формирования морских зон – установление линий вдоль побережья (т.н. исходные линии), от которых отсчитывается ширина таких зон. Шельфовые ледники вокруг материка существенно осложняют процесс [*Vidas* 2000, 207]. Отождествление территории и шельфовых льдов может привести к тому, что под суверенитетом и юрисдикцией стран-претендентов окажутся гораздо более значительные морские пространства, нежели в случае проведения исходных линий именно вдоль материкового побережья. В целом установление исходных линий можно назвать очередным шагом по закреплению претензий отдельных государств на территорию Антарктиды и окружающую ее водные пространства [*Kaye, Rothwell* 2002].

Внешние границы континентального шельфа

Формирование морских зон вокруг Антарктиды привело также к тому, что некоторые государства не только заявили об установлении режима КШ, но и представили свои правопритязания в Комиссию по границам континентального шельфа (КГКШ) на так называемый расширенный КШ за пределами 200-мильного лимита от исходных линий (пока не проведенных) в рамках ст. 76 Конвенции 1982 г. Австралия стала первой такой страной, подав соответствующую заявку 15 ноября 2004 г. В ноте была отдельно отмечена позиция о том, что Австралия признает наличие у Антарктики своего КШ, но она попросит Комиссию не принимать пока каких-либо решений в его отношении[8]. Такую же стратегию выбрала и Норвегия (в данном случае – шельфа Земли Королевы Мод[9]).

Другие страны избрали путь подачи частичных представлений. Так, Новая Зеландия в своей заявке не затронула вопрос о внешних границах КШ вокруг Антарктиды, но заявила о правах на него вне зависимости от сделанных заявлений и деклараций, а также о возможности подготовить свою заявку в его отношении в будущем[10].

Великобритания в своем частичном представлении относительно о. Вознесения отдельно указала на то, что вокруг Антарктиды существует КШ, протяженность которого пока не определена, но другие государства могут в последующем представить свои заявки в его отношении[11]. В другой британской заявке о Фолклендских островах, о. Южная Георгия

[8] Note from the Permanent Mission of Australia to the Secretary-General of the United Nations accompanying the lodgment of Australia's submission (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/aus04/Documents/aus_doc_es_attachment.pdf).

[9] Note from the Permanent Mission of Norway addressed to the Secretary-General of the United Nations accompanying the lodgement of Norway's submission (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/nor30_09/nor2009_note.pdf).

[10] Note from the Permanent Mission of New Zealand to the Secretary-General of the United Nations accompanying the lodgment of New Zealand's submission (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/nzl06/nzl_doc_es_attachment.pdf).

[11] Note from the Permanent Mission of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Secretary-General of the United Nations accompanying the lodgment of the partial submission of the United Kingdom (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/gbr08/gbr_nv_9may2008.pdf).

и Южных Сандвичевых островах видно, что внешние границы КШ двух последних пересекают границу действия Договора 1959 г.[12]

Франция, подавая свою частичную заявку в отношении французских Антильских островов и о. Кергелен, отдельно отметила, что права на КШ не зависят от каких-либо выраженных деклараций и заявлений и существуют изначально, и что она может включить в свою заявку примыкающие к Антарктике участки КШ позднее[13].

Аргентина в своем представлении избрала третью стратегию: она включила в заявку данные по своим антарктическим территориям и не стала просить КГКШ их не рассматривать, как поступили Австралия и Норвегия. Аргентина лишь заявила о том, что между ней и Великобританией существует спор относительно государственной принадлежности Мальвинских (Фолклендских) островов, ***о***строва Южная Георгия и Южных Сандвичевых островов, которые в свою очередь имеют собственный КШ[14]. Данное заявление Аргентина сделала не случайно: согласно правилам процедуры КГКШ, «при наличии территориального или морского спора Комиссия не рассматривает и не оценивает представление, делаемое каким-либо из государств, затрагиваемых спором» (Приложение I)[15]. Таким образом, Аргентина, подтвердив наличие спора с Великобританией о суверенитете над вышеперечисленными островами, поставила КГКШ в зависимость от того, как будет урегулирован этот спор между странами.

Чили в 2009 г., представив предварительную информацию по внешним границам своего КШ, уведомила КГКШ о своем намерении подать официальную заявку. Одновременно было заявлено, что относительно шельфа Чилийской антарктической территории Комиссию уведомят позднее надлежащим образом[16].

Реакция на представления государств-претендентов в КГКШ была прогнозируемой: США, Россия, Япония, Франция, Голландия, Германия, Индия сделали практически идентичные заявления о том, что они не признают какие-либо претензии в отношении территорий, расположенных в зоне действия Договора 1959 г.. Они также подчеркнули, что предъявление таких претензий каким-либо государством не создает прав в отношении морского дна и его недр в районах, прилегающих к Антарктике.

Упомянутая политика стран-претендентов – прямой, хотя и отложенный вызов устойчивости СДА. Обращение именно в КГКШ можно рассматривать как попытку максимально легитимизировать данные правопритязания, так как вне рамок Комиссии международное сообщество рассматривало бы их скорее как спекулятивные [*Scott* 2009, 21].

Континентальный шельф островов

В рамках ст. 121 «Режим островов» Конвенции 1982 г. острова (в отличие от скал) приравнивают к сухопутной территории и наделяют всем набором прав по формированию морских зон суверенитета, суверенных прав и юрисдикции, включая возможность установления внешних границ КШ за пределами 200-мильной границы от исходных линий.

Так, например, как уже отмечалось выше, спорные острова – Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова – своими внешними границами КШ напрямую вторгаются в сферу

[12] Continental Shelf Submission in respect of the Falkland Islands, South Georgia and the South Sandwich Islands (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/gbr45_09/gbr2009fgs_executive%20summary.pdf).

[13] Note verbale dated 5 February 2009 (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/fra09/fra_note_feb2009e.pdf).

[14] Submissions to the Commission: Submission by the Argentine Republic (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/arg25_09/arg2009e_summary_eng.pdf).

[15] Rules of Procedure of the Commission on the Limits of the Continental Shelf. CLCS/40/Rev.1. (https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/309/25/PDF/N0830925.pdf?OpenElement).

[16] Preliminary information indicative of the outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles. Chile. (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/preliminary/chl2009note_e.pdf).

действия Договора об Антарктике. Австралия в своей комплексной заявке претендовала на то, что группа ее островов – остров Херд, острова Макдональд[17] и остров Маккуори[18] – внешними границами своих КШ пересекают 60° южной широты.

Возникает определенное противоречие: насколько это коррелирует с нормами и положениями СДА, и должно ли прибрежное государство ограничить свою юрисдикцию в отношении КШ там, где она он простирается южнее 60 параллели южной широты?

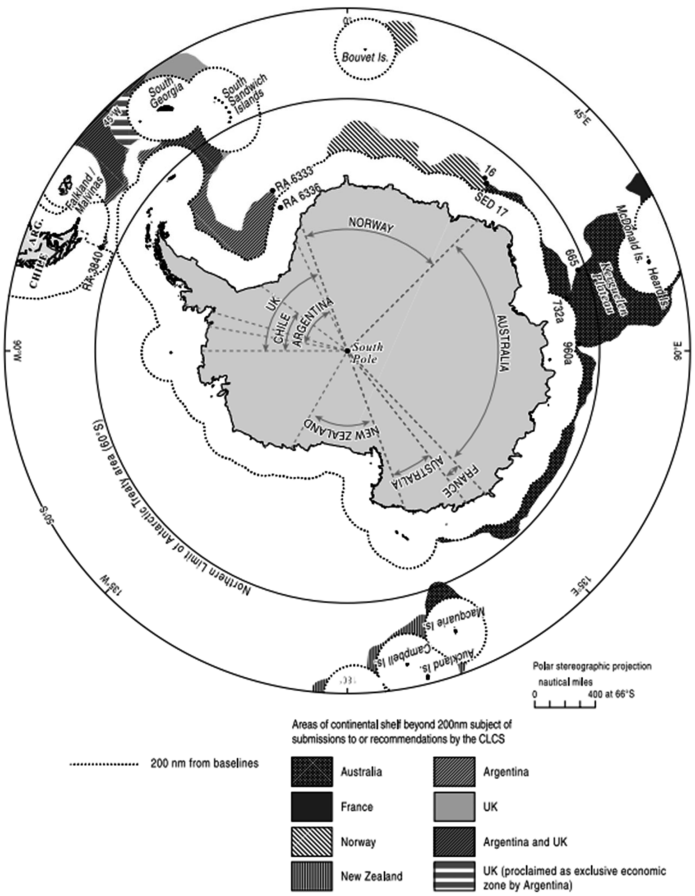


Рисунок 1. Применение положений ст. 76 Конвенции 1982 г. с целью определения внешних границ континентального шельфа за пределами 200-миль от исходных линий в отношении материковой части Антарктики и субантарктических о-вов, находящихся вне зоны действия Договора об Антарктике.

Figure 1. Application of the provisions of Article 76 of the 1982 Convention to determine the outer limits of the continental shelf beyond 200 miles from the baselines in respect of the Antarctic mainland and sub-Antarctic islands outside the Antarctic Treaty Area.

Источник: [*Oude Elferink* 2009, 181].
Source: [*Oude Elferink* 2009, 181].

[17] The outer limit of the continental shelf of Australia in the Kerguelen Plateau region showing the provisions of article 76 invoked (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/aus04/Maps/ker_map_es2.pdf).

[18] The outer limit of the continental shelf of Australia in the Macquarie Ridge region showing the provisions of article 76 invoked (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/aus04/Maps/mac_map_es2.pdf).

С одной стороны, заморозка претензий на проецирование суверенитета в рамках Договора 1959 г. означает, что любые государства не могут претендовать ни на какую-либо часть материка, ни на КШ в пределах 60° южной широты. Не должно быть никакой разницы между претензиями на КШ, который отсчитывается от береговой линии Антарктиды, и правопритязаниями на КШ вокруг сухопутных территорий (в данном случае – островов), которые расположены за пределами действия Договора, но вторгаются в зону его действия [*Лабуть* 2018].

С другой точки зрения, на которой прежде всего настаивала Австралия, наличие островов, которые обладают правом на КШ – в том числе за пределами 200-мильного лимита от исходных линий – вопрос исключительно географии, а не международного права. Такую позицию в целом поддержало международное сообщество, т.к. КГКШ в своих рекомендациях относительно представления Австралии согласилась с ее доводами о внешних границах КШ островов Херд, Макдональд и Маккуори[19]. Кроме того, ни одно государство не выступило со своими замечаниями в отношении заявок Великобритании и Австралии применительно к субантарктическим островам.

Однако тем самым с новой силой был поставлен вопрос о взаимодействии двух международных соглашений – Договора об Антарктике и Конвенции 1982 г. [*Dodds* 2010].

Полноценного ответа, как урегулировать эти противоречия, пока нет, но очевидно лишь одно: ст. 7 Мадридского протокола запрещает любую деятельность, связанную с минеральными ресурсами, кроме научной. Соответственно, разработка ресурсов на КШ, который вторгается в зону действия Договора об Антарктике, не может считаться легитимной [*Comba* 2009]. Более того, некоторые эксперты справедливо полагают, что разведка и разработка ресурсов КШ севернее действия Договора 1959 г., будут рассматриваться также как нарушающие базовые положения Мадридского протокола [*Rothwell* 2000] в случае, если они будут негативно влиять на окружающую среду региона.

Антарктика и Международный орган по морскому дну (МОМД)

Попытки стран-претендентов установить режим КШ и определить его внешние границы вновь ставят вопрос о том, какую роль в рамках СДА может играть Международный орган по морскому дну (МОМД), в компетенции которого, согласно нормам и положениям Конвенции 1982 г., находится контроль за режимом разведки и разработки глубоководных ресурсов Мирового океана. Наличие за пределами КШ глубоководных районов признали еще в рамках упомянутой выше Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г., которая не была принята (ст. 5(2)-5(3)).

Существует традиционная точка зрения, которая априори отвечает на вопрос о будущей роли МОМД в управлении разработкой глубоководных ресурсов в зоне действия Договора 1959 г. Она состоит в том, что Арктика и Антарктика были исключены из специального рассмотрения в ходе III Конференции ООН по морскому праву (1973-1982 гг.), в связи с тем оба полярных региона не рассматривались как объекты применения Конвенции 1982 г.. Соответственно, МОМД не может быть наделен здесь какой-либо юрисдикцией [Арктический регион 2013, 29].

Не все согласны с данной точкой зрения. Уже давно стоит вопрос о том, под чьей эгидой будет происходить разведка и разработка ресурсов глубоководных районов – СДА или МОМД, и какую роль последний будет играть в этом процессе – ведущую или подчиненную [*Vidas* 2000, 214]. На сегодняшний день правовой конфликт между положениями Конвенции 1982 г. с одной стороны, и ст. 7 Мадридского протокола –

[19] Recommendations of the Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) in Regard to the Submission made by Australia on 15 November 2004 (https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/aus04/Aus_Recommendations_FINAL.pdf).

с другой, практически невозможно урегулировать, поскольку он представляет собой классический пример т.н. «уловки 22» (catch 22). Вполне вероятно, что в рамках СДА потребуется создать новую институциональную структуру, которая будет обладать полномочиями в этой области.

* * *

СДА можно назвать прочной правовой конструкцией, однако международное морское право с подписания Договора 1959 г. развивалось настолько стремительно, что сейчас нормы и положения ее ключевого документа – Конвенции 1982 г. – представляют определенный вызов для устойчивости всей антарктической конструкции. Страны-претенденты в целом максимально заинтересованы в том, чтобы разделить правовой режим Антарктики на две составляющие: 1) правовой режим материка Антарктиды; 2) правовой режим Южного океана, к которому в полной мере были бы применимы нормы и положения Конвенции 1982 г.

Если данную модель поддержат другие участники СДА, можно ожидать, что именно Южный океан станет новым местом притяжения интересов и противоречий между теми или иными странами – прежде всего между государствами, которые стремятся добиться разграничения смежных морских пространств, сформировать здесь морские зоны суверенитета и юрисдикции, а также расширить протяженность своего КШ. Такое развитие событий, безусловно, будет новым тестом для СДА, а также для всего международного морского права в целом.

Дальнейшее развитие событий во многом будет зависеть от позиции двух стран – США и РФ, которые на сегодняшний выступают единым фронтом против любых правопритязаний в Антарктике, оставляя за собой право выдвинуть собственные претензии в любое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голицын В.В. (1990) Международно-правовой режим Антарктики. Автореферат диссертации на соискание уч. степени д.ю.н. М.: Дипакадемия МИД СССР. 31 С.

Лабуть Д.А. (2018) К вопросу об установлении границ континентального шельфа в Антарктике: позиции государств и практика комиссии по границам континентального шельфа // Международное право и международные организации. №3. С. 27–39. DOI: 10.7256/2454-0633.2018.3.27041

Лукин В.В. (2006) Зачем России Антарктида? // Наука и жизнь. №10. (https://www.nkj.ru/archive/articles/7593/).

Лукин В.В. (2017) Предпосылки создания и современная роль Мадридского протокола в Системе Договора об Антарктике // Проблемы Арктики и Антарктики. 2017. №2. С. 96–112.

Beck P.J. (2006) The United Nations and Antarctica, 2005: the End of the “Question of Antarctica”? // Polar Record. Vol. 42. Issue 3. P. 217-227. DOI: https://doi.org/10.1017/S003224740600533X.

Comba D. (2009) The Polar Continental Shelf Challenge: Claims and Exploitation of Mineral Sea Resources – An Antarctic and Arctic Comparative Analysis // Yearbook of International Environmental Law. Vol. 20. Issue 1. P. 158–187. DOI: https://doi.org/10.1093/yiel/20.1.158.

Dodds K. (2010) Governing Antarctica: Contemporary Challenges and the Enduring Legacy of the 1959 Antarctic Treaty // Global Policy. 2010. Vol. 1. Issue 1. P. 108–115. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2009.00006.x.

Oude Elferink A. G. (2009) The Continental Shelf in the Polar Regions: Cold War or Black-Letter Law? // Netherlands Yearbook of International Law. Vol. 40. P. 121–181. DOI:10.1017/S0167676809000038.

Green J. (2001) Australian maritime boundaries: the Australian Antarctic Territory // Marine Policy. Vol. 25(1), P. 1–11.

Hamzah B.A. (2010) Malaysia and the Southern Ocean: Revisiting the Question of Antarctica // Ocean Development and International Law. Vol. 41. Issue 2. P. 186–195. DOI: https://doi.org/10.1080/00908321003733147.

Jayaseelan S. (2019) Development of Malaysia's Position in Antarctica: 1983 to 2017 // The Polar Journal. Vol. 9. Issue 1. Pp. 214–235. DOI: https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618551.

Kaye S. B., Rothwell D. R. (2002) Southern Ocean Boundaries and Maritime Claims: Another Antarctic Challenge for the Law of the Sea? // Ocean Development & International Law. Vol. 33. Issue 3-4. P. 359–389. DOI: 10.1080/00908320290054828

Lefeber R. (1990) The Exercise of Jurisdiction in the Antarctic Region and the Changing Structure of International Law: The International Community and Common Interests // Netherlands Yearbook of International Law. № 21. P. 81–137. DOI: doi:10.1017/S0167676800002075.

Rothwell D.R. (2000) Polar Environmental Protection and International Law: The 1991 Antarctic Protocol // European Journal of International Law. Volume 11. Issue 3. P. 591–614. DOI: https://doi.org/10.1093/ejil/11.3.591.

Scott K. (2009) Managing Sovereignty and Jurisdiction Disputes in the Antarctic: the Next Fifty Years // Yearbook of International Environmental Law. Vol. 20. Issue 1. P. 3–40. DOI: https://doi.org/10.1093/yiel/20.1.3

Scott S. V. (2013) The Evolving Antarctic Treaty System: Implications of Accommodating Developments in the Law of the Sea // in: The Law of the Sea and the Polar Regions. Ed. Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. P. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_003.

Triggs G. (1987) The Antarctic Treaty System: Some Jurisdictional Problems. In G. Triggs (Ed.), The Antarctic Treaty Regime: Law, Environment and Resources (Studies in Polar Research). Cambridge: Cambridge University Press. P. 88–110. DOI:10.1017/CBO9780511565502.011.

Vidas D. (2000) Emerging Law of the Sea Issues in the Antarctic Maritime Area: A Heritage for the New Century? // Ocean Development & International Law. Vol. 31. Issue 1-2. P. 197–222. DOI: 10.1080/009083200276120.

REFERENCES

Beck P.J. (2006) The United Nations and Antarctica, 2005: the End of the "Question of Antarctica"? *Polar Record*, vol. 42, issue 3, pp. 217–227. DOI: https://doi.org/10.1017/S003224740600533X.

Comba D. (2009) The Polar Continental Shelf Challenge: Claims and Exploitation of Mineral Sea Resources – An Antarctic and Arctic Comparative Analysis. *Yearbook of International Environmental Law*, vol. 20, issue 1, pp. 158–187. DOI: https://doi.org/10.1093/yiel/20.1.158.

Dodds K. (2010) Governing Antarctica: Contemporary Challenges and the Enduring Legacy of the 1959 Antarctic Treaty. *Global Policy*, vol. 1, issue 1, pp. 108–115. https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2009.00006.x.

Oude Elferink A. G. (2009) The Continental Shelf in the Polar Regions: Cold War or Black-Letter Law? *Netherlands Yearbook of International Law*, vol. 40. pp. 121-181. DOI:10.1017/S0167676809000038.

Golicyn V.V. (1990) *Mezhdunarodno-pravovoj rezhim Antarktiki* [The international legal regime of Antarctica]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uch. stepeni d.yu.n. M.: Dipakademiya MID SSSR. 31 p.

Green J. (2001) Australian Maritime Boundaries: the Australian Antarctic Territory. *Marine Policy*, vol. 25(1), pp. 1–11.

Hamzah B.A. (2010) Malaysia and the Southern Ocean: Revisiting the Question of Antarctica. *Ocean Development and International Law*, vol. 41, issue 2, pp. 186–195. DOI: https://doi.org/10.1080/00908321003733147.

Jayaseelan S. (2019) Development of Malaysia's Position in Antarctica: 1983 to 2017. *The Polar Journal*, vol. 9, issue 1, pp. 214–235. DOI: https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618551.

Kaye S. B., Rothwell D. R. (2002) Southern Ocean Boundaries and Maritime Claims: Another Antarctic Challenge for the Law of the Sea? *Ocean Development & International Law*, vol. 33, issue 3-4, pp. 359-389. DOI: 10.1080/00908320290054828.

Labut' D.A. (2018) K voprosu ob ustanovlenii granic kontinental'nogo shel'fa v Antarktike: pozicii gosudarstv i praktika komissii po granicam kontinental'nogo shel'fa [On Delineation of the Continental Shelf in the Antarctic: Positions of States and Practice of the Commission on the Limits of the Continental Shelf]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii,* no. 3, pp. 27-39. DOI: 10.7256/2454-0633.2018.3.27041.

Lefeber R. (1990) The Exercise of Jurisdiction in the Antarctic Region and the Changing Structure of International Law: The International Community and Common Interests. *Netherlands Yearbook of International Law,* no. 21, pp. 81-137. DOI:10.1017/S0167676800002075.

Lukin V.V. (2010) Zachem Rossii Antarktida? [Why does Russia need Antarctica?]. *Nauka i zhizn',* no. 6. (https://www.nkj.ru/archive/articles/7593/).

Lukin V.V. (2017) Predposylki sozdaniya i sovremennaya rol' Madridskogo protokola v Sisteme Dogovora ob Antarktike [Background and Current Role of the Madrid Protocol in the Antarctic Treaty System]. *Problemy Arktiki i Antarktiki,* no. 2, pp. 96-112.

Rothwell D.R. (2000) Polar Environmental Protection and International Law: the 1991 Antarctic Protocol. *European Journal of International Law*, vol. 11, issue 3, pp. 591–614. DOI: https://doi.org/10.1093/ejil/11.3.591.

Scott K. (2009) Managing Sovereignty and Jurisdiction Disputes in the Antarctic: the Next Fifty Years. *Yearbook of International Environmental Law*, vol. 20, issue 1, pp. 3–40. DOI: https://doi.org/10.1093/yiel/20.1.3.

Scott S. V. (2013) The Evolving Antarctic Treaty System: Implications of Accommodating Developments in the Law of the Sea. in: *The Law of the Sea and the Polar Regions*. Ed. Erik J. Molenaar, Alex G. Oude Elferink, and Donald R. Rothwell. Martinus Nijhoff. pp. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004255210_003.

Triggs G. (1987) The Antarctic Treaty system: Some Jurisdictional Problems. In G. Triggs (Ed.), *The Antarctic Treaty Regime: Law, Environment and Resources (Studies in Polar Research).* Cambridge: Cambridge University Press, pp. 88–110. DOI:10.1017/CBO9780511565502.011.

Vidas D. (2000) Emerging Law of the Sea Issues in the Antarctic Maritime Area: A Heritage for the New Century? *Ocean Development & International Law*. vol. 31, issue 1-2, pp. 197–222. DOI: 10.1080/009083200276120.

Информация об авторе

Гудев Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: gudev@imemo.ru

About the author

Pavel A. Gudev, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: gudev@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 16.09.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 19.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 104–118
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 104–118

DOI: 10.31857/S086904990017877-6

Оригинальная статья / Original Article

Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития[1]

© А.Ю. СУНГУРОВ

Сунгуров Александр Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), asungurov@hse.ru

Статья посвящена созданию Общественной палаты РФ и эволюции ее деятельности в контексте изменения общественно-политической ситуации в России за последние пятнадцать лет. Деятельность ОП РФ рассматривается в рамках предложенной автором концепции институтов-медиаторов. Показано, что нормативная закрепленность ОП РФ в рамках трех федеральных законов делает ее важным звеном в развитии патерналистской модели взаимодействия власти и общества в России. Вместе с тем существовавший в первые созывы палаты баланс между «активными» и «лояльными» членами ОП РФ постепенно изменяется в пользу последних, что связано как с трансформацией политического режима в стране, так и с изменением порядка формирования палаты. В последние годы половину ее состава набирают из представителей Общественных палат субъектов РФ, которые прошли уже двойную проверку на лояльность.

Ключевые слова: институты-медиаторы, общественные палаты, общественно-консультативные советы, гражданское общество

Цитирование: Сунгуров А.Ю. (2021) Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития // Общественные науки и современность. № 6. С. 104–118. DOI: 10.31857/S086904990017877-6

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № *19-011-00573.* This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 19-011-00573.

The Civic Chamber of the Russian Federation: its Creation and Stages of Development

© A. SUNGUROV

Alexander Yu. Sungurov, National Research University "Higher School of Economics" (St.Petersburg, Russia), asungurov@hse.ru

Abstract. The article examines the creation of the Civic Chamber of the Russian Federation (CCRF) and the evolution of its activities in the context of the social-political evolution in Russia during the last fifteen years. The Civic Chamber activities are analyzed using the authors' conception of mediator-institutes. The Chambers' activities are normatively based on three federal laws, therefore it is a serious element of the paternalistic model of interaction between the government and society in Russia. The gradual change of balance between 'active' and 'loyal' members of CCRF towards the 'loyal' part is noticed. This shift is a result of changes in the political regime as well as changes in the chambers' membership. During the last seven years half of its composition is formed from the representatives of Civic Chambers of the subjects of the Russian Federation, who passed double control for loyalty.

Key words: institute-mediator, public chamber, public council, civil society

Citation: Sungurov A (2021) The Civic Chamber of the Russian Federation: its Creation and Stages of Development // *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no.6, pp. 104–118. DOI: 10.31857/S086904990017877-6 (In Russ.)

Развитие любого современного государства – в том числе и России – сегодня включает в себя совершенствование институтов и практик взаимодействия власти и общества в процессе подготовки и принятия политико-управленческих решений (policy processes) [*Rhodes* 2007; *Никовская, Якимец* 2017; *Owen, Bindman* 2017; *Лукьянова* 2020]. В рамках анализа данных процессов в современной России автор более двадцати лет назад сформулировал предположение о важной роли в таком взаимодействии институтов-посредников, выполняющих медиаторские функции [*Сунгуров* 1999], а позже развил его [*Сунгуров* 2015]. Примерами таких институтов-медиаторов можно считать общественно-консультативные советы различного типа и общественные палаты разного уровня [*Брянцев, Евстифеев* 2020; *Сулимов* 2018]. Ранее автор анализировал деятельность одного из таких институтов – Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) [*Сунгуров* 2020].

Настоящая работа посвящена эволюции деятельности другого института с функциями посредника между организациями гражданского общества и властью – Общественной палаты Российской Федерации (ОП РФ), которая возникла в середине 2000-х гг. и действует на основе федерального закона. За прошедшие пятнадцать она стала своеобразной «опорной базой» для еще двух федеральных законов – сначала об общественном контроле в местах принудительного содержания, а затем и об общественном контроле в целом. По ее подобию были созданы и аналогичные Общественные палаты во всех субъектах РФ [*Тарасенко* 2010], которые, в свою очередь, стали участвовать в формировании федеральной Общественной палаты. Можно предположить, что ОП РФ постепенно заняла ведущую роль в создаваемой системе взаимодействия российской власти с гражданским обществом. Данному институту посвящены уже несколько кандидатских диссертаций [*Курмаев* 2006; *Урюпин* 2008; *Назаров* 2011] и монография ее бессменного члена [*Гриб* 2010]. Однако эти работы носят преимущественно правоведческий характер, и в основном в них анализируют лишь нормативные основы ОП РФ.

Настоящее исследование посвящено анализу деятельности ОП РФ в контексте изменения общественно-политической ситуации в России за последние пятнадцать лет.

С учетом выводов предыдущей статьи [*Сунгуров* 2020], особое внимание будет уделяться персональному составу палаты, включая и личности ее руководителей. Исследование выполнено на анализе нормативных документов, материалов о деятельности ОП РФ в СМИ и на веб-сайтах (включая и сайт самой Общественной палаты), а также на десяти полуструктурированных экспертных интервью с членами Общественной палаты. Каждому из семи созывов (2006, 2008, 2010, 2012, 2014, 2017 и 2020 г.) соответствует не менее двух интервью с членами палаты соответствующего созыва.

История современной Общественной палаты РФ началась в сентябре 2004 г., когда после трагедии в Беслане президент РФ В.В. Путин одновременно с отменой прямых выборов губернаторов объявил о планах создать Общественную палату РФ, первую треть состава которой он назначал бы сам. Таким образом, выбор был сделан в пользу патерналистской модели взаимодействия власти и общества [*Нездюров, Сунгуров* 2008]. Отметим, что в это время идея структуры типа Общественной палаты, по-видимому, уже «носилась в воздухе». Приведем цитату из экспертного интервью с создателем и многолетним председателем Общественного совета при губернаторе одного из российских регионов: «*моими же отчасти руками была создана Общественная палата России в свое время. Я написал письмо Путину вместе с Матвиенко…Был получен через неделю ответ, что, пожалуй, смысла нет, от руководителя Администрации Президента. А через три дня произошел Беслан, и на следующий день Путин сказал, что надо нам создавать Общественную палату*[2]».

Нормативная основа и начало деятельности

В 2005 г. был принят Федеральный закон «Об Общественной палате РФ», в котором цель ее деятельности определялась так: «Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития..»[3].

Достигать данных целей предполагалось путем решения восьми основных задач (приведены в кратком варианте): 1) привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной политики; 2) выдвижение и поддержка гражданских инициатив, которые имеют общероссийское значение и направлены на реализацию конституционных прав и свобод; 3) проведение общественной экспертизы проектов законов и нормативных правовых актов; 4) общественный контроль за деятельностью органов исполнительной власти различного уровня и органов местного самоуправления; 5) выработка рекомендаций органам государственной власти РФ; 6) информационная, методическая и иная поддержка общественных палат и объединений; 7) привлечение граждан, общественных объединений и представителей СМИ к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова в СМИ; 8) осуществление международного сотрудничества в соответствии с целями и задачами и участие в работе международных организаций.

Перечень задач Общественной палаты по сути не изменился по состоянию на сентябрь 2021 г. (наряду с общественными организациями в текст закона добавлено упоминание и «других некоммерческих организаций») за исключением сокращения первой задачи, из которой в 2013 г. исключили цель «привлечения граждан… для участия в реализации государственной политики». Сегодня она сформулирована как «привлечение граж-

[2] Интервью с респондентом А., членом Общественной палаты РФ 1-го созыва, председателем Общественного совета при губернаторе, декабрь 2018 г.

[3] Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» № 32-ФЗ от 4 апреля 2005 года.

дан, общественных объединений и других некоммерческих организаций», что звучит несколько странно с учетом смысла устоявшегося выражения «привлечение гражданина».

В этом же законе была обозначена и процедура формирования ОП РФ, в соответствии с которой первую треть ее состава назначал Президент РФ, вторая треть формировалась из представителей общероссийских общественных организаций и утверждалась членами «президентской трети», наконец, последняя треть – из представителей региональных и межрегиональных общественных организаций, ее членов утверждали решением первых двух третей состава палаты.

Практика формирования части палаты из кандидатов от региональных и межрегиональных общественных организаций предусматривала многоуровневую систему публичных выдвижений и обсуждений кандидатов, которые проходили при организационном и сущностном участии Полномочных представителей президента в федеральных округах и их сотрудников в субъектах РФ. Этот процесс респондент Б., член ОП РФ первых созывов именно по «региональной квоте», описывает следующим образом: «*Тогда по закону в Общественные палаты Российской Федерации были выделены так называемые квоты для федеральных округов. Каждый из субъектов федерации выдвигал свою кандидатуру. N-ская область выдвинула меня. Ну и, соответственно, затем был окружной форум, где все кандидаты, выдвинутые субъектами РФ, должны были представлять свои позиции, потом шло голосование и шесть первых получивших наибольшее количество голосов отправлялись в Общественную палату*»[4]. Таким образом, кандидаты по региональной квоте проходили действительно общественный отбор, хоть и состав участников этих конференций также контролировали их организаторы.

В первый состав палаты вошли такие яркие личности, как певица А. Пугачева, артист А.Калягин, шахматист А. Карпов, ректор ВШЭ Я. Кузьминов, политолог А. Миграян, адвокат Г. Резник, доктор Л. Рошаль и многие другие. Респондент В., активный участник нескольких созывов ОП РФ, считает, что такой состав был сформирован потому, что заместитель главы Администрации Президента РФ Владислав Сурков, который отвечал за внутреннюю политику, «*считал, что общественная палата – это институт легитимации действующей власти… Поэтому в первый состав палаты он набрал людей, которые были символами того, как гражданское общество поддерживает нынешнюю власть*[5]».

Знаковой фигурой был и руководитель (официально – секретарь Общественной палаты) – академик Е. Велихов, руководитель «Курчатовского института», вице-президент АН СССР (1978-1991) и РАН (1991-1996), который за тридцать лет до этого, в период расцвета административно-командной системы, стал председателем совета молодых ученых и специалистов ЦК ВЛКСМ. Он и возглавлял ОП РФ первых трех созывов, вплоть до 2014 г..

Его деятельность характеризуют сами члены ОП РФ первых созывов: «*Велихов был человеком умным, но он все-таки ученый. И в этом смысле он не совсем общественник… Он, конечно, советовался с администрацией, и не могу сказать, что он был чрезвычайно активен. Но тем не менее при нем палата как-то действовала – было сочетание активной части здравых людей и умного Велихова*[6]». *«Руководство имеет значение: секретарем был Е.П. Велихов, он был человеком, с одной стороны, очень авторитетным, но совершенно не авторитарным. Он очень был гибкий, никогда не давил, ничего, ни на кого, со всеми был в диалоге и не мешал, и было с ним комфортно очень»*[7].

---

[4] Интервью с респондентом Б., членом Общественной палаты РФ первых созывов, ректором университета, апрель 2021 г.

[5] Интервью с респондентом В., членом Общественной палаты РФ нескольких созывов, социолог, сентябрь 2020 г.

[6] Интервью с респондентом Г., членом Общественной палаты РФ первых созывов, руководителем НКО, октябрь 2020 г.

[7] Интервью с респондентом Д., членом ОП РФ пяти созывов, руководитель НКО, сентябрь 2020 г.

С начала работы Общественной палаты в организации ее деятельности самое активное участие принимал заместитель руководителя управления внутренней политики Администрации Президента РФ М. Островский, который вместе с Е. Велиховым был фактическим соруководителем рабочей группы по подготовке ее создания (интервью с респондентом Б.). О его роли отзывается респондент Г.: «*Я должна сказать, что он руководил работой палаты, исходя из довольно правильного для этого органа принципа. Он согласовывал интересы администрации с интересами отдельных членов палаты. Я должна сказать, что он довольно умело с этим справлялся».*

Остановимся теперь на деятельности ОП РФ первых созывов. В целом можно считать, что для инициативных людей, которые пришли в палату с определенной миссией и идеями по развитию гражданского общества, были все возможности для реализации таковых. Так, третьей в перечне задач, нормативно закрепленных за ОП РФ, было проведение общественной экспертизы проектов законов и нормативных правовых актов. Обратимся к примеру такой работы в ОП РФ первого созыва: *«Самым первым законом, который экспертировала Палата, был закон об обращениях граждан. Мы разослали проект этого закона в НКО и попросили сделать свои замечания к любому пункту этого закона. Потом мы проанализировали и отредактировали все предложения и этот результат представили в Думу. Я должна сказать, что около 70% наших поправок прошли»* (из интервью с респондентом В.).

Вторая задача ОП РФ – выдвижение и поддержка гражданских инициатив. Для ее выполнения было важно, чтобы среди членов палаты были люди, способные формулировать и продвигать подобные инициативы. В первых созывах палаты их было достаточно. Тогда в палату входили «*Вячеслав Глазычев, Владимир Захаров и много других деятельных людей, у которых были очень важные для человека и общества в целом направления, например, устройство городов, экологические проблемы и российская система построения государства в целом – от деревни к малому городу, от малого города к областному городу и так далее. Эти люди организовывали очень широкие обсуждения, привлекали общественников, в том числе из маленьких городов…В первом созыве я вошла в комиссию по региональному развитию, председатель В.Л. Глазычев. Мы массу территорий объехали, в итоге определенные позиции, которые там ставили, нам удалось поднимать в Общественной палате, например, по лесному и водному кодексам»* (интервью с респондентом Б.). Наряду с мероприятиями в регионах, важное значение для достижения основной цели ОП РФ (согласование интересов общества и власти) имели и пленарные заседания ОП РФ, на которых тогда присутствовали первые лица министерств и ведомств: «*В первых трех созывах за редким исключением министры правительства РФ у нас были участниками пленарного заседания*» (интервью с респондентом Б.).

В первые созывы ОП РФ секретарь палаты Е. Велихов был основой активной ее деятельности по реализации восьмой задачи – международного сотрудничества в соответствии с целями и задачами и участия в работе международных организаций. ОП РФ взаимодействовала с аналогичными общественно-консультативными структурами в странах Европы, Азии, Южной Америки и т.д. Респондент Б. описала тот период так: «*Он [Е.П. Велихов] действительно проводил огромную работу на эту тему. Палата тогда считала, что нужно обмениваться опытом, интересными проектами и идеями. По этой линии мы ездили в Испанию, где действует Совет, несколько похожий на нашу Палату. Я привезла оттуда множество документов, которые они с удовольствием предоставили*» (интервью с респондентом Б.). Респондент В. также упоминал о своей совместной с другим членом ОП РФ командировке в Аргентину и Бразилию. О зарубежной командировке в Китай рассказывал и другой член ОП РФ[8].

[8] Интервью с респондентом Е., членом ОП РФ 4 созыва, руководитель аналитического центра, октябрь 2020 г.

Подобные поездки позволили ОП РФ войти в международную организацию, которая объединяет общественно-консультативные советы на национальном уровне – Международную ассоциацию экономических и социальных советов и схожих институтов (МАЭССИ). [Общественные советы 2009; *Руденко* 2009].

На заседаниях профильной комиссии ОП РФ по вопросам развития гражданского общества обсуждались наиболее важные проблемы его развития в России, самые острые вопросы выносили на пленарные заседания. Также в регионах проводились круглые столы для лидеров НКО и семинары-тренинги по подготовке заявок на гранты. В третьем созыве палаты в название комиссии добавили формулировку «и взаимодействию с Общественными палатами в субъектах РФ». Измененное название отражало новую реальность, в которой Общественные палаты появились в большинстве субъектов РФ.

Содействие развитию системы Общественных палат было одним из важных направлений деятельности ОП РФ в первые годы. Сначала возник совет ОП РФ по взаимодействию с общественными палатами субъектов РФ, затем были созданы основы законодательства об Общественных палатах субъектов федерации, и эти структуры стали появляться повсеместно. С точки зрения автора, создание такой основы привело к двоякому результату. С одной стороны, подобные площадки для взаимодействия общественных организаций и власти появились там, где их не было ранее. С другой стороны, в местах, где они уже существовали и действовали по принципу самозаписи (как в ряде субъектов РФ), им следовало перестроить порядок формирования под предложенный, когда одну треть членов палаты назначает глава региона, а вторую треть – депутатская ассамблея субъекта РФ, то есть тиражировалась федеральная модель «назначенной общественности» [Общественные палаты 2020].

В реализацию задачи общественного контроля ОП РФ оказалась вовлеченной практически с первого созыва. Данная особенность была связана с проектом федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах ограничения свободы». Государственная Дума одобрила его во втором чтении еще в 2003 г., однако проект не был принят окончательно вплоть до 2008 г. Камнем преткновения был орган, который мог бы утверждать персональный состав Общественных наблюдательных комиссий (ОНК), – пока не появился вариант, в котором им стал Совет Общественной палаты. В измененном виде закон был успешно принят летом 2008 г.[9], а вскоре начали работать и Общественные наблюдательные комиссии, которые выполняли данный закон.

Одновременно получило развитие взаимодействие ОП РФ, Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ (СПЧ) и Уполномоченного по правам человека в РФ по продвижению гражданских инициатив:. *«Иногда это через палату делалось путем заключения палаты, поскольку Закон о заключении палаты должен обязательно рассматриваться Государственной Думой. Иногда удавалось аппаратными ходами через Председателей СПЧ Э.А. Панфилову, а затем М.А. Федотова, иногда через Уполномоченного по правам человека в РФ В.П. Лукина»*[10].

Еще одним примером эффективности сотрудничества ОП РФ и СПЧ в продвижении идей общественного контроля может служить подготовка федерального закона «Об общественном контроле», которая проходила уже в начале 2000-х гг. Исходная поддержка первого заместителя секретаря палаты М.А. Островского, который оперативно вынес подготовленную респондентом В. концепцию закона, на слушания в ОП РФ, натолкнулась на резко негативное отношение Главного правового управления (ГПУ) Администрации

[9] Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

[10] Интервью с респондентом Ж., руководитель правозащитной организации, эксперт ОП РФ, был членом СПЧ, октябрь 2012 г.

Президента РФ: «*Какой еще закон «Об общественном контроле»? Внесем поправки в закон «Об обращении граждан» и в закон «Об Общественной палате», все, больше ничего и не нужно!». И так все это продолжалось, пока в дело не включился М.А. Федотов, советник президента, председатель СПЧ, и все закрутилось. В этом смысле довольно быстро палата перестала быть центром борьбы*» (интервью с респондентом В.).

Далее респондент В. стал членом СПЧ, и рабочая группа по подготовке закона действовала уже на базе совета. Затем на заседании СПЧ президент РФ В.В. Путин поддержал внесение данной инициативы, после чего к работе над над ней присоединяется ГПУ. «*И уже после того, как В. Сурков завизировал последний вариант, из закона вытащили целый ряд важнейших положений, главным из которых была концепция об общественных интересах*» (интервью с респондентом В.). Стоит отметить, что из перечня субъектов общественного контроля на данном этапе выпали граждане и общественные организации и начинался он теперь с «общественных палат», а также то, что у закона были и другие инициаторы. Однако приведенный случай важен как пример реального использования возможностей разных площадок взаимодействия с властью при продвижении общественно значимых инициатив.

Развитие и эволюция ОП РФ

При переходе от первого созыва ОП РФ к последующим постепенно снижался уровень известности членов палаты, а также доля творческой интеллигенции в ее составе, для которых характерна более независимая позиция. Постепенно ослаблялось и желание власти привлекать к участию в ней знаковые фигуры общественности. Приведем мнения респондентов об этих изменениях: «*Общественная палата привлекала много людей, которые верили, что у палаты есть возможности: человеческие, административные, статусные и прочие. Первый состав палаты и даже второй состав, который был похож на первый, эту функцию выполняли, хоть и не полностью. Потом, к третьему составу, который был уже принципиально другой, творческая составляющая все уменьшалась и уменьшалась»* (интервью с респондентом Г.). *«Первый состав палаты символизировал стремление власти продемонстрировать свою легитимность. Но уже ко второму составу это начало исчезать: «Ну, мы откликнулись на ваш призыв один раз – ну и ладно»*» (интервью с респондентом В.).

Одновременно менялся общественно-политический контекст деятельности ОП РФ. Второй созыв ОП РФ совпал с началом работы на посту президента РФ Д.А. Медведева, который провозгласил курс на инновационное развитие страны. Менялась ситуация в руководстве ОП РФ и в его взаимоотношениях с Управлением внутренней политики Администрации Президента РФ. В феврале 2009 г. заместитель начальника управления М.В. Островский покинул свой пост и вскоре стал членом ОП РФ и заместителем его секретаря. В итоге тандем, который сложился ранее, при подготовке законопроекта об ОП РФ (Е.П. Велихов и М.В. Островский), стал уже тандемом руководства палаты – секретарь и его первый заместитель. В сложившихся условиях возник тренд к большей самостоятельности ОП РФ и, как результат, возник конфликт с Р.Ф. Хабировым, который пришел в Администрацию Президента РФ на место М.В. Островского.

Респондент В. вспоминает: «*При мне было, когда Островский сказал: «Радий [Р.Ф. Хабиров], ты что, полагаешь, что если вы скомандовали – мы должны обязательно исполнять?», - «Да, я именно так и считаю». Но при этом мы занимали позицию [автономности], все-таки председателем комиссии был Коля Сванидзе и была поддержка позиции*» (интервью с респондентом В.). Пока В.Ю. Сурков занимал позицию первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ (до декабря 2011 г.), он поддерживал определенную самостоятельность (или автономность) ОП РФ: «*Существовала тра-*

диция, при которой по крайне мере раз в квартал приглашенные члены Совета палаты встречались с Сурковым, и шел достаточно жесткий разговор. Он говорил: «Радик, не перебирай». Был целый ряд законов, по которым мы говорили: «Ребята, придите в себя». Удалось целый ряд законов приостановить и существенно подкорректировать» (интервью с респондентом В.).

ОП РФ не могла не реагировать на события 2011-2012 гг. в России. О критическом отношении руководства ОП РФ к некоторым политическим решениям того времени писали в 2013 г. и журналисты: «Напомним, что в последнее время ОП не раз высказывала мнение, не совпадавшее с официальным. Так, в декабре 2012 года члены ОП выступили с заявлением против «антимагнитского закона»; а летом 2012 года раскритиковали законопроект, обязывающий НКО, получающие деньги из-за границы, регистрироваться в качестве иностранных агентов. Господин Островский и сейчас считает, что надо пересмотреть понятие «иностранный агент», так как в России оно имеет «определенный негативный смысл» [*Городецкая* 2013].

Стоит остановиться на самой деятельности Общественной палаты в данный период, опираясь на мнения трех ее членов, которые представляли региональные общественные организации в составе ОП РФ 4-го созыва, сформированного в 2012 г. еще по прежним правилам: «*Для меня лично это было расширение связей. Нас как членов Общественной палаты, включали в какие-то федеральные общественные советы, и для меня это тоже было инновацией, новшеством – мне надо было понять, как это работает и что там можно сделать. Одним словом – от представительной демократии к демократии участия»* (интервью с респондентом Е.).

Другой респондент (эколог) также имел положительный опыт своей работы в ОП РФ: «*Общественная палата - это не субъект, это площадка. Поэтому как действует инструмент, как действует площадка, зависит от того, кто им пользуется… При этом те люди, которые хотят что-то полезное делать, имеют возможность это делать, если они не вступают в прямое противоречие с интересами первых лиц»*[11]. Позицию данного респондента о том, что в рамках ОП РФ существуют большие возможности для лидеров НКО, которые пытаются решать конкретные общественные вопросы (например, вопросы защиты прав жителей в сфере ЖКХ), подтвердили в своих интервью и другие респонденты, которые были членом ОП РФ нескольких созывов, включая и четвертый: «*Я начала собирать по регионам некоммерческие организации, которые как раз занимаются профильной деятельностью – защита прав граждан в сфере ЖКХ, жилищное просвещение. Мы создали реальную сеть общественного контроля. Кроме того, мы добились изменения законодательства*»[12]. «*Мы смогли убедить высших должностных лиц в Правительстве, что нужно принимать совершенно инновационные законы в социальном обслуживании. У нас была рабочая группа, все лучшие эксперты в соц. обслуживании с нами работали*» (интервью с респондентом Д.).

Пятый созыв ОП РФ формировался в 2014 г. в новых условиях, когда первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ по внутренней политике был уже В.В. Володин. В конце 2012 г. были предложены, а вскоре и приняты поправки в закон об Общественной палате, в соответствии с которыми срок ее деятельности увеличивался с двух до трех лет и изменялся порядок ее формирования: 42 члена по-прежнему назначались Указом Президента РФ, вторую часть формировали из представителей Общественных палат в субъектах РФ (сначала 83, а после 2014 г. 85 человек), а последняя часть – 42 человека от общественных организаций – избирали с помощью интернет-голосования.

[11] Интервью с респондентом З., членом ОП РФ 4-го созыва, эколог, проректор университета, апрель 2013 г.
[12] Интервью с респондентом И., членом ОП РФ нескольких созывов, руководитель НКО, октябрь 2020 г.

Прежде всего стоит отметить скандалы, связанные с интернет-голосованием, которое сопровождалось многочисленными «накрутками» голосов. Данная процедура не прижилась, и ее применили только один раз. Второй инновацией стало формирование половины состава палаты за счет представителей Общественных палат субъектов РФ. Она привела к тому, что половина палаты состояла из людей, которые прошли уже «двойной отбор» на предмет лояльности региональной власти – сначала при процедуре формирования состава региональных палат, а затем при определении представителя в ОП РФ.

Кроме того, в России уже около трех лет существовало такое общественное движение, как созданный в мае 2011 г. Общероссийский народный фронт. Он также претендовал на определенное представительство общественности, но теперь уже лояльных к конкретному лидеру – сначала председателю правительства, а с 2014 г. – снова президенту РФ В.В. Путину. С учетом данного факта логично, что в ОП РФ пятого созыва, сформированной в 2014 г., вместо академика Е.А. Велихова секретарем стал А.В. Бречалов, сопредседатель Центрального штаба Общероссийского народного фронта.

Респондент Д., имевший опыт работы как с Е.П. Велиховым, так и с А.В. Бречаловым, отмечала, что *«Велихов с Бречаловым – это вообще какие-то противоположности. Велихов, он ни во что особо не вникал. Он где-то царил там наверху и все, а Бречалов уже вникал».* С одной стороны А.В. Бречалов считал, что в стране есть «*вредоносные НКО, с которыми нужно бороться».* С другой, «*у него была такая «бизнесовая» хватка. У нас, например, палата проводит форумы и сообщества региональные. Он настолько их переделал по-новому, что они с таким драйвом проходили. Форумы организовывали без участия региональных администраций, поэтому они как побитые приходили, а их там начинали все критиковать и ругать*» (интервью с респондентом Д.). Работа во главе ОП РФ стала для А.В. Бречалова трамплином для политической карьеры – в 2017 г. он возглавил Удмуртскую республику.

Два месяца секретарем ОП РФ был заместитель секретаря – ветеран и Герой России В.А. Бочаров, а в июне 2017 г. ее возглавил журналист и телеведущий, директор Института общественного проектирования В.А. Фадеев, член ОП РФ всех предыдущих созывов за исключением пятого. Приведем три мнения работавших вместе с ним членов ОП РФ: «*Фадеев же одно время, первый год, работал на телевидении, вел какую-то передачу, а потом говорит: "я понял, что так невозможно". И он ушел, и полностью занимался палатой и я ему всегда легко могла, по любому поводу позвонить, он всегда выслушает»* (интервью с респондентом Д.). *«Он такой хороший барин, а-ля Михалков в кино, он откликается эмоционально на какие-то вещи, особенно на детей, семью. Он с широкой руки может что-то продвинуть, но в целом понятно, что процессы формирования гражданского общества и вопросы третьего сектора ему не интересны, они от него далеки»*[13]. *«Фадеев находит знамя, поднимает его и, не с шашкой наголо, но он одержим своими идеями и он их отстаивает. В этом смысле он не медиатор, хотя модератор»*[14].

На взгляд автора, приведенные мнения достаточно полно характеризуют третьего руководителя ОП РФ. В.А. Фадеев проработал на посту секретаря ОП РФ два с половиной года, а затем сменил М.А. Федотова на посту председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (советника Президента РФ). Новым секретарем ОП РФ стала одна из заместителей предыдущего секретаря, д.ю.н., руководитель Исследовательского центра частного права при Президенте РФ, член палаты с 2014 г. Л.Ю. Михеева. Ее характеризует респондент Л.: «*Л.Ю. Михеева – очень хороший*

[13] Интервью с респондентом К., член ОП РФ 4 созыва, руководитель НКО, октябрь 2020 г.
[14] Интервью с респондентом Л., член ОП РФ последних созывов, руководитель НКО, октябрь 2020 г.

профессионал. Она абсолютно корректна, она абсолютно аккуратна. Она юрист, прежде всего, который действует по правилам, знает, что можно, а что нельзя. Она стремится всегда к компромиссам» (интервью с респондентом Л.).

Для характеристики деятельности ОП РФ двух последних созывов (в 2017-2020 гг.) приведем мнения этих же респондентов. Так, респондент Л. в целом доволен своей деятельностью в данной структуре: «*Это довольство не может быть полное, но, когда я не был в палате, ожидал гораздо меньшей возможности влияния. Опять-таки, это зависит от того, насколько ты активную позицию занимаешь. То есть мне удалось несколько инициатив, которые были, реализовать. Их немного — три-пять, но этого достаточно, чтобы я был удовлетворен некоторым результатом*» (интервью с респондентом Л.).

Другой респондент недоволен своей работой в палате, но его недовольство связано с идейными разногласиями с другими членами комиссии, в котором он работал: «*У нас в комиссии были представители антиювенального сообщества и серьезно обсуждать какие-либо инициативы относительно защиты прав детей внутри комиссии было невозможно, так как они следили за тем, чтобы никто не протолкнул ничего ювенального»* (интервью с респондентом К.). Вероятно, невозможность конструктивного обсуждения важных для респондента проблем привела и к общей негативной оценке деятельности всей палаты: «*Изнутри вы можете инициировать все что угодно, но, во-первых, структура эта организована чудовищно хаотично, есть те управленческие органы, которые де-факто существуют: советы старейшин и совершенно безумные генеральские советы. Палата на 90% состоит из этих генеральских советов: это пенсии для разных чиновников, продвижение для молодых комсомольских лидеров, которые сейчас по-другому называются, и, откровенно говоря, в таком супе ничего хорошего не сваришь»* (интервью с респондентом К.). Третий респондент, давний член ОП РФ, считает, что одной из заслуг структуры можно назвать ее участие в создании Общественных советов при различных федеральных министерствах, что позволяет использовать различные пути для продвижения той или иной инициативы: «*Например, зачем я буду обсуждать какую-то тему труда и занятости в палате, когда у меня для этого есть и эта площадка и Общественный Совет. Мне это позволяет лавировать, если ты не можешь в палате какую-то важную для тебя историю провести – а я сейчас попробую ее через Общественный Совет провести. Если и там не получается, то я сейчас попробую через Совет при Правительстве»* (интервью с респондентом Д.).

В заключение следует сравнить персональный состав первого (2006 г.) и седьмого (2020 г.) созывов ОП РФ. На основе информации сайта ОП РФ о членах палат разных созывов, включая их биографии, автор выделил пять основных групп в соответствии с основным видом их занятий: лидеры НКО разного типа; представители науки, университетов и аналитических центров; «директора» (руководители учреждений социальной, медицинской, культурной и информационной сферы); деятели искусства (писатели, художники, артисты и журналисты); «прочие», в которую вошли служители религий, бизнесмены, адвокаты и казаки. Далее автор разделил их по трем квотам. Если для первого созыва второй квотой были представители общероссийских общественных организаций, то для седьмого созыва – уже представители Общественных палат субъектов РФ. Результаты представлены в таблице 1.

В ОП РФ седьмого созыва присутствовала практически одинаковая с ОП РФ первого созыва доля представителей академической и прикладной исследовательской сферы (20%), доля НКО снизилась на 6%, «деятели искусства» практически полностью «исчезли» (в первом составе их было 10%), в два с половиной раза – с 10 до 25% – возросла доля «директоров». «Исчезновение» категории «деятелей искусства» произошло за счет всех трех квот, в то время как доля «директоров» возросла за счет второй квоты – среди представителей Общественных палат субъектов РФ их доля составляет 35% по сравнению с 7%

от прежней квоты общероссийских общественных организаций. Становится очевидным наиболее значительное снижение доли представителей НКО – с 40 до 29%, то есть более чем в полтора раза. Одновременно важно учесть, что доля второй квоты теперь – половина от всего состава ОП РФ, а не треть, как было ранее.

Таблица 1

Представленность в ОП РФ 1 и 7 созывов различных социальных групп (с учетом трех вариантов включения в члены ОП РФ: 1 вариант – по президентской квоте; 2 вариант – от общероссийских общественных организаций (ОО), 1 созыв, и от Общественных палат субъектов РФ, 7 созыв; 3 вариант – от региональных ОО, 1 созыв, и от всех общественных организаций, 7 созыв)

Table 1

Representation of the various social groups in the Civic Chambers' of the Russian Federation 1st and 7th convocations (three options for inclusion in the CC RF members: 1 - presidential quota; 2 - from all-Russian NGOs, 1st convocation, and from the Civic Chambers of the federal subjects of the Russian Federation, 7th convocation; 3 - from regional NGOs, 1st convocation, and from all NGOs, 7th convocation)

	1 созыв (2006 г.)	7 созыв (2020 г.)	1 созыв (2006 г.)	7 созыв (2020 г.)	1 созыв (2006 г.)	7 созыв (2020 г.)	1 созыв (2006 г.)	7 созыв (2020 г.)
	Вариант 1		Вариант 2		Вариант 3			
	От Президента РФ		От Общероссийских ОО	От ОП субъектов РФ	От Регион. ОО	От Общест. Орган.	Всего	Всего
Лидеры НКО	21 (50%)	19 (47%)	17 (40%)	25 (29%)	20 (48%)	23 (54%)	58 (46%)	67 (40%)
Наука, вузы, анал. центры	9 (21%)	10 (25%)	7 (17%)	17 (20%)	9 (22%)	6 (14%)	25 (20%)	33 (20%)
Директора	3 (7%)	5 (12%)	3 (7%)	29 (35%)	7 (17%)	8 (19%)	13 (10%)	42 (25%)
Деятели искусства	3 (7%)	0	8 (19%)	0	3 (7%)	0	14 (11%)	0
Прочие	6 (14%)	6 (15%)	7 (17%)	14 (17%)	3 (7%)	5 (14%)	16 (13%)	26 (15%)
Итого	42	40	42	85	42	43	126	168

На взгляд автора, такое изменение никто не планировал, а произошло оно, как уже отмечалось выше, из-за двойного отбора на уровне субъектов РФ. В результате в ОП РФ делегировали преимущественно не малоуправляемых лидеров НКО, которые могли бы использовать возможности палаты для продвижения тех или иных общественных интересов, а руководителей бюджетных учреждений социальной или культурной сферы, которые полностью зависят от местной власти. Для последних, в свою очередь, важно «не создавать проблемы».

Подведем некоторые итоги. ОП РФ существенно эволюционировала за прошедшие пятнадцать лет. Во-первых, благодаря своей серьезной нормативной основе (специальный федеральный закон) она стала основой для законодательного закрепления системы общественного контроля в современной России (закон об Общественных наблюдательных комиссиях и закон об общественном контроле). Во-вторых, ОП РФ закрепила и ввела в практику для руководства министерств и иных структур исполнительной власти формат «пе-

реговорных площадок», который появился в 2001 г. в процессе Московского Гражданского форума. В результате количество таких «площадок» в формате общественно-консультативных советов различного типа существенно увеличилось. В-третьих, система Общественных палат «проросла вглубь», на уровень субъектов РФ и многих городов.

Развитие каждого из этих направлений связано с определенными проблемами – прежде всего они касаются самог***о*** порядка формирования ОП РФ. В российской Википедии ее определяют как «консультативный государственный совещательный орган, финансируемый из государственного бюджета»[15], в котором назначенные властью члены палаты определяют ее дальнейший состав. Таким образом, исходно был сделан выбор в сторону представительства в ней лояльной к власти части общества. Однако для достижения нормативно закрепленной цели ее деятельности – согласования общественно значимых интересов граждан и органов власти – необходимо присутствие в ее составе представителей таких интересов, то есть в палате должны одновременно присутствовать и лояльные, и активные члены.

В первые созывы ОП РФ, когда половину ее состава еще не делегировали региональные палаты, этот баланс в какой-то мере соблюдался, но, как показал автор, позднее он сдвинулся в сторону «лояльных и неактивных», которые не «создают проблем». Неслучайно один секретарь ОП РФ говорил, что «*половина членов палаты по разным причинам ничего не делает*», а второй с ним соглашался, добавляя: «часто региональные общественные палаты направляют в федеральную палату людей пожилых, но очень авторитетных и уважаемых, и давить на этих уважаемых людей было бы просто неправильно» [Валерий Фадеев… 2017] (можно добавить – и не пожилых, но полностью зависимых от местной власти). Проблемам развития общественных палат в субъектах РФ посвящен ряд недавних публикаций [*Брянцев Евстифеев* 2020; *Сунгуров Козлова Мамагулашвили* 2020].

В результате инициативные лидеры НКО, которые все же оказываются в составе ОП РФ, просто не могут найти там союзников: *«практически никого, кроме нескольких приличных людей, там нет. На самом деле людей, с которыми можно объединяться для решения задач, не было, а в одиночку решить никакие задачи невозможно»* (интервью с респондентом К.).

Динамика развития Общественной палаты РФ прослеживается и в смене личностей ее руководства – от академика РАН с опытом руководства совещательной структурой при ЦК ВЛКСМ еще в 1970-х гг. в СССР – к со-председателю Общероссийского народного фронта и будущему губернатору региона – к журналисту и со-руководителю либеральной платформы партии «Единая Россия» и, наконец, к доктору юридических наук, юристу-технократу. Общественная палата отражала и изменения общественно-политической ситуации в стране, в период 2011-2013 гг. позволяя себе даже определенную «фронду» по отношению к Управлению внутренней политики Администрации Президента РФ.

Можно сказать, что существовавшие поначалу опасения о монополизации взаимодействия общественных организаций и исполнительной власти Общественной палатой РФ не реализовались. Это связано как с эволюцией самой палаты, ее состава и руководства, так и с возникновением других практик и форм такого взаимодействия, которые развились в том числе благодаря и самой ОП РФ. Продолжалось и сотрудничество палаты с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, председателем которой стал в 2019 г. бывший секретарь ОП РФ В.А. Фадеев. В целом, при всех отмеченных выше проблемах, нормативная закрепленность ОП РФ в рамках трех федеральных законов делает ее важным звеном в развитии патерналистской модели взаимодействия власти и общества в России.

[15] Общественная палата Российской Федерации. Википедия. (https://ru.wikipedia.org/wiki/Общественная_палата_Российской_Федерации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брянцев И.И., Евстифеев Р.В. (2020) Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере Общественных палат Владимирской и Саратовской областей) // Вопросы государственного и муниципального управления. №1. С. 115–136.

Волков В. (1997) Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro at Contra. Т.2. N. 4, С.77–91.

Наталья Городецкая. (2013) Общественная палата может лишиться руководства. Евгению Велихову и Михаилу Островскому прочат отставку // Газета «Коммерсант». № 112 от 01.07.2013. С. 3. (https://www.kommersant.ru/daily/73842).

Гриб В. В. (2010) Общественная палата Российской Федерации как элемент политико-правовой институциализации гражданского общества. М.: Юрист. 59 С.

Курмаев Р.М. (2006) Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Коломна.

Лукьянова Е. А. (2020) Имитационные политические режимы как новая политико-правовая реальность. Политико-правовой анализ // Общественные науки и современность. № 1. С. 61–76. DOI: 10.31857/S086904990008511-4.

Назаров А.В. (2011). Правозащитная деятельность Общественной палаты Российской Федерации. Автореф. дис. канд. юрид. н. Москва.

Нездюров А.Л., Сунгуров А.Ю. (2008) Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. Под ред. Л.И.Якобсона. М.: Вершина. С. 209–236.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. (2017) Качество публичной политики и продвижение общественных интересов: российская специфика // Публичная политика. № 1. С. 29–53.

Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией. Коллективная монография (2020). Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб: Алетейя.

Общественные советы и их роль в формировании государственной политики (2009) // Государство и гражданское общество: практика эффективного взаимодействия. Международный опыт: сб. ст. и док. Сост. Е. Б. Тонкачева, Г. Б. Черепок. Минск: ФУАинформ. С. 183–188.

Руденко В. (2009) Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности. // Государство и гражданское общество: практика эффективного взаимодействия. Международный опыт : сб. ст. и док. Минск : ФУАинформ. С. 162–173.

Сулимов К. А. (2018) Системы консультативно-совещательных органов в современной России как институциональные условия со-управления: между унификацией и разнообразием // Вестник Пермского университета. Серия Политология. № 1. С. 5–23. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-5-23.

Сунгуров А.Ю. (1999) Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России. // ПОЛИС. № 6. с. 34–48.

Сунгуров А. Ю. (2015) Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия.

Сунгуров А.Ю. (2020) Президентский совет по развитию гражданского общества и правам человека: эволюция за четверть века // Общественные науки и современность. № 4. С. 90–106.

Сунгуров А.Ю., Козлова Н.Н., Мамагулашвили Д.И. (2020) Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга. // ПОЛИС. № 3. С. 93–109. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.07 (https://www.politstudies.ru/article/5662).

Тарасенко А.В. (2010) Деятельность общественных палат в регионах России: эффективность vs фиктивность // Полития. №1(56). С. 80–88.

Урюпин А.Н. (2008) Конституционно-правовой статус Общественной палаты Российской Федерации. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва.

Валерий Фадеев: от власти надо требовать адекватности к проблемам людей (2017) // РИА Новости. 28.06.2017. (https://ria.ru/amp/20170628/1497424755.html).

Owen C., Bindman E. (2017) Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking

and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. Vol. (54)1. P. 98–120. (https://doi/10.1017/gov.2017.13).

Rhodes, R. (2007). Understanding Governance: Ten Years On // Organization Studies. Vol. 28(8). Pp. 1243–1264.

REFERENCES

Bryantsev, I.I. & Evstifeev, R.V. (2020). Problemy otsenki effektivnosti institutov gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya (na primere obshchestvennykh palat Vladimirskoi i Saratovskoi oblastei) [Problems of Evaluating the Effectiveness of the Institutions of State and Society Interaction (The Cases of Regional Public Chambers of the Vladimir and Saratov Regions)]. *Public Administration Issue*. no. 1, pp. 115–136.

Natalya Gorodetskaya (2013) Obschestvennaya palata mozhet kbibnmcya rukovodstva. Evgeniyu Velikhovu i Michailu Ostrovskomu prochat otsyavku [Public Chamber can lose leadership. Evgeniy Velikhov and Michail Ostrovskiy can received resignation] *Kommersant*. no. 112, 01.07.2013, p. 3. (https://www.kommersant.ru/daily/73842).

Grib V.V. (2010) *Obschestvennaya palata Rossiyskoy Federatcii kak element politico-pravovoy institualizatsii grazhdanskogo obschestva* [Public Chamber of Russian Federation as element of politic-juridical institutionalization of civil society] Moscow: Yurist. 59 P.

Kurmaev R.M. (2006) *Obschestvennaya palata Rossiyskoy Federatcii kak institut grazhdanskogo obschestva* [Public Chamber of Russian Federation as institute of civil society]. Dissertation Avtoreferat… Candidate of Sciences (Law). Kolomna.

Lukyanova E.A. (2020) Immitatcionnye politicheskiye rezhimy kak novaya poliyiko-pravovaya realnost. Poliyiko-pravovoy analys [Imitation Political Regime as New Political-Juridical Reality]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 61–76. DOI: 10.31857/S086904990008511-4.

Nazarov A.V. (2011). *Pravozaschitnaya deyatelnost' Obschestvennoy palaty Rossiyskoy Federatcii* [Human Right activities of Public Chamber of Russian Federation]. Dissertation Avtoreferat…Candidate of Sciences (Law). Moscow.

Nezdyurov A.L., Sungurov A.Yu. (2008) Vzaimodeystvie organov vlasti i struktur grazhdanskogo obschestva: vozmozhnye modeli i ih realizatciya v obschestvenno-politicheskoy zhizni sovremennoy Rossii [Interaction of Governmental Agencies and Civil Society Structures: Possible Models and Their Realization in Social-Political Life of Contemporary Russia]. *Factori razvitiya grazhdanskogo obschestva i mechanizmy ego vzaimodeystviya s gosudarstvom*. Moscow: Vershina. pp. 209–236.

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. (2017) Kachestvo publichnoy politiki i prodvizhenie obschestvennykh interesov: rissiyskaya spetcifika [Quality of Public Policy and Advance of Public Interests: Russian Specifics]. *Publichnaya Politika*. no. 1, p. 29–53.

Obschestvennye palaty v sub'ektah Rossiyskoy Federatcii: vezhdu mediatciey i immitatciey [Public Chambers in Subjects of Russian Federation: Between Mediation and Imitation] (2020). Saint-Petersburg: Aleteya.

Obschestvennye sovety i ih rol' v formirovanii gosudarstvennoy politiki (2009) [Public Councils and Their Role in Creation of Governmental Policy] *Gosudarstvo i grazhdanskoye obschestvo: praktica effectivnogo vzaimodeystviya. Mezhdunarodniy opyt: sb. st. i dok*. Minsk: FUAinform, pp. 183–188.

Owen C., Bindman E. (2017) Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. *Government and Opposition*. vol. (54)1, pp. 98–120. (https://doi/10.1017/gov.2017.13).

Rhodes, R. (2007). Understanding Governance: Ten Years On. *Organization Studies*. vol. 28(8), pp. 1243–1264.

Rudenko V. (2009) Konsultativnye obschestvennye sovety: osobennosti organozatcii i deyatelnosti. [Consultative Public Councils: Features of Structures and Activities] *Gosudarstvo i grazhdanskoye obschestvo: praktica effectivnogo vzaimodeystviya. Mezhdunarodniy opyt: sb. st. i dok*. Minsk: FUAinform, pp. 162–173.

Sulimov K.A. (2018) Sistemy konsultativno-soveschatelnykh organov v socremennoy Rossii kak institutcialnye uslobiya co-upravleniya: mezhdu unifikatciey i raznoobraziem. [Systems of Consultative and Advisory Bodies in Contemporary Russia as Institutional Conditions for Co-Governance: Between

Unification and Diversity]. *Vestnik Permskogo unversiteta. Seriya Politologiya.* no. 1, pp. 5–23. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-5-23.

Sungurov A.Yu. (1999) Organizatcii-posredniki v struktire grazhdanskogo obschestva. Nekotorye problem politicheskoy modernizatsii Rossii [Organization-Mediators in Structure of Civil Society. Some Problems of Political Modernization of Russia]. *Polis. Journal of political studies*, no. 6, pp. 34-48.

Sungurov A.Yu. (2015) *Kak vosnikayut politicheskie innovatsii: fabriki mysly i drugiye instituty-mediatory*. [How Political Innovations are Aroused: Think Tanks and other Mediator Institutes]. Moscow: Political Encyclopedia.

Sungurov A. Yu. (2020) Prezidentskiy sovet po razvitiyu grazhdanskogo obschestva i pravam cheloveka: evolutciya za chetvert' veka. [Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights: Evolution for the Quarter of Century] *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 90–106.

Sungurov A.Yu., Kozlova N.N., Mamagulashvili D.I. (2020) Obschestvennye palaty kak instituty realizatcii paternalistskoy modeli vzaimodeystbiya vlasti i obschestva: opyt Tverskoy oblasti i Sankt-Peterburga. [Public Chambers as Institutions for Implementing the Paternalistic Model of Interaction between Authority and Society: Experience of the Tver Region and St. Petersburg]. *POLIS.* no. 3, pp. 93–109.(https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.07).

Tarasenko A.V. (2010) Deyatel'nost' obschestvennyh palat v regionah Rossii: effectivnost' vs fictivnost' [Activities of Public Chambers in Regions of Russia: Affectivity vs Fictive Activity] *Politiya.* no. 1(56), p. 80–88.

Uryupin A.N. (2008) *Konstitutcionno-pravovoy status Obschestvennoy palaty Rossiyskoy Federatcii* [Constitutional Status of Public Chamber of Russian Federation]. Dissertation Avtoreferat…Candidate of Sciences (Law).. Moscow.

Valeriy Fadeev: ot vlasti nado trebovat' adekvatnosti k problemam ludey [Valeriy Fadeev: We must demand adequacy for human's problems from government] (2017) RIA Novosti. 28.06.2017. https://ria.ru/amp/20170628/1497424755.html

Volkov V. (1997) Obschestvennost': Zabytaya praktika grazhdanskogo obschestva. ['Obschestvennost': Forgotten Practice of Civil Society]. *Pro at Contra*. vol. 2, no. 4, pp. 77–91.

Информация об авторе

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики". Адрес: 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123. E-mail: asungurov@hse.ru

About the author

Alexander Y. Sungurov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics. Address: 190068, Russia, St.Petersburg, emb. of Griboedov channel, 123. E-mail: asungurov@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.09.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 31.10.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 08.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 119–134
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 119–134

DOI: 10.31857/S086904990014931-6

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
PROBLEMS OF METHODOLOGY

Оригинальная статья / Original Article

«Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления

© С.Г. ИЛЬИНСКАЯ

Ильинская Светлана Геннадьевна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), svetlana_ilinska@mail.ru

В представленной статье автор рассматривает начальный этап теоретического осмысления понятия «цивилизация» в его локальном (или «контекстно-связанном») смысле. Такой подход сегодня защищает право незападных цивилизационных сообществ самостоятельно определять, как им строить свою жизнь. Если понимать цивилизацию как универсальный феномен, они обречены на догоняющее развитие в его различных интерпретациях, так как в данном случае все алгоритмы развития уже определены развитым Западом, и остальным макрорегионам только следует идти по пути «прогрессивного человечества». Если же рассматривать незападные регионы (и Россию в том числе) как самобытные цивилизационные образования, у них появляется возможность устанавливать свое идеальное общественное и государственное устройство и путь дальнейшего развития по собственным представлениям. Этап классического осмысления был обусловлен предчувствием грядущего кризиса (Н. Данилевский) и состоявшимся (О. Шпенглер) кризисом имперской формы существования больших геополитических пространств, попыткой сформулировать новые основания их идентичности, а также ограниченностью формационного подхода (А. Тойнби). В анализ включены взгляды П. Сорокина как основного критика первого этапа. Оценен эвристический потенциал использованных теоретиками фундаментальной волны методологических подходов к рассматриваемой категории.

Ключевые слова: культурно-исторический тип, локальная цивилизация, российская, европейская, западная, Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин

Цитирование: Ильинская С.Г. (2021) «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления // Общественные науки и современность. № 6. С. 119–134. DOI: 10.31857/S086904990014931-6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021, № 6. С. 119–134
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, № 6, pp. 119–134

"Civilization" As a Local Phenomenon: The First Stage of Theoretical Study

© SVETLANA G. ILINSKAYA

Svetlana G. Ilinskaya, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), svetlana_ilinska@mail.ru

Abstract. The author examines the first stage of theoretical research of the concept of "local civilizations". Nowadays this approach protects the right of non-Western communities to independently and authentically define their way of development. If non-Western macro-regions accept the understanding of civilization as a universal phenomenon, their development will be determined by Western experience.

In case those non-Western regions (and Russia as well) are seen as distinctive civilizational formations, their right to determine the ideal social/state structures and future development for themselves is recognized.

The stage of classical comprehension was overshadowed by the crisis of the imperial form of existence of large geopolitical spaces and was an attempt to formulate new foundations of their identities. The article reviews the ideas of N. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee and P. Sorokin. The author also evaluates the heuristic potential of the methodological approaches by the scholars of the fundamental wave.

Keywords: cultural-historical type, local civilization, Russian, European, Western, N. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, P. Sorokin

Citation: Ilinskaya S. (2021) "Civilization" as a Local Phenomenon: the First Stage of Theoretical Study. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 119–134. DOI: 10.31857/S086904990014931-6 (In Russ.)

Любые исследования локальных цивилизаций, по сути, представляют собой полемику со «стадиальным» ее пониманием по линии «цивилизация-варварство-дикость», которое господствовало весь XIX в., но продолжает жить и сейчас. Оно обнаруживается не только в примитивной риторике постсоветских демократов, которые причисляют себя и свои «реформы» к «цивилизованному миру» (противопоставляемому «тоталитаризму» и «авторитаризму», содержательно синонимичным «варварству»), но и в любой теории модернизации, постиндустриального общества и тому подобных интеллектуальных построениях, которые были очень популярны еще совсем недавно.

Данная сугубо историко-философская тема обрела необычайную актуальность в связи с завершением «однополярного момента»[1]. Китай, Индия, Россия, которые еще недавно пытались осмыслять свое существование в рамках модели государства-нации, все чаще стали заявлять о себе как о государствах-цивилизациях [*Спиридонова, Соколова, Шевченко* 2016]. В. Спиридонова и ее соавторы в данном утверждении солидаризируются с зарубежными исследователями, в числе которых американец Л. Пай, индиец Р. Кумар, китаец Ч. Венвэй и др.

Понятие цивилизации изобрели буржуазные мыслители в XVIII в. для того, чтобы легитимизировать претензии на господство как внутри своих обществ, бывших тогда еще «старым порядком», так и в глобальном масштабе. В таком отношении «цивилизация» как знамя экспансии приходит на место гораздо менее убедительной и эффективной «христианизации». Понятие «цивилизация» затем было переработано из стадиально-прогрессистского в локально-дискретное понятие в виде романтического сопротивления этой буржуазной экспансии. Неудивительно, что пионерами данного переосмысления были немцы, которые стремились к объединению своих земель, а также русские. «Славянская

[1] Krauthammer C. (1990) The Unipolar Moment // Foreign Affairs. America and the World 1990. Vol. 70. No. 1. P. 23–33 (https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment).

цивилизация» – понятие, которое во многом перекликается с «особым путем Германии» (Deutscher Sonderweg), порожденным периодом романтического воспевания немецкой культуры и противопоставления ее бездуховности общечеловеческой цивилизации.

Считается, что первую серьезную попытку представить критику стадиально-прогрессистской идеологии Просвещения предпринял И.Г. Гердер в «Идеях к философии истории человечества». Его работам присущ культурный плюрализм и релятивизм, восприятие народа как живого организма, обращение к истории древних и малоизученных обществ. Однако у И.Г. Гердера (и в раннем романтизме в целом) «локальность» и «особость» еще не противопоставляются универсальности и прогрессу. Универсальное выступает у него скорее как некий общий вызов, на который могут поступать разные (локальные) реакции. Однако в случае успеха у них появляется некое общее измерение, которое Гердер пытается передать понятием гуманности. Тем не менее, у автора скорее просматривается культурно-национальная, а не цивилизационная парадигма. Говоря словами Р. Нисбета, «Гердер объединил идею национализма с идеей прогресса столь нерасторжимым образом, что этим подготовил интеллектуальную сцену для немецких политических идеалистов XIX в.» [*Нисбет* 2007, 411]. Уже в XX в. Ш. Эйзенштадт своим понятием «множественные модернизации» продолжает линию Гердера и говорит о том же унифицирующем проекте, но с национальной спецификой.

Автор обращается к цивилизационной теории не случайно. С распада СССР идут дискуссии о том, в каких терминах следует осмыслять Россию. Спустя 30 лет очевидно, что модель государства-нации для нее слишком «тесна». Как следует из официальных документов, Россия мыслится то как многонациональный народ, то как многонародная нация («многонациональный союз равноправных народов» согласно поправкам к Конституции РФ). Отождествлять полиэтничную и мультиконфессиональную страну с нацией (хоть европейского, хоть американского образца, изначально бывшего «плавильным котлом») представляется непродуктивным подходом из-за отечественной специфики этнокультурного понимания данного термина. Попытки осмысления в данном ключе спровоцировали смещение дискуссии в иную плоскость (о российской цивилизации) и продвижение концепта «Русского Мира».

Зарождение цивилизационной теории

Первая теоретическая попытка сформулировать стройную теорию локальных цивилизаций была связана с предчувствием грядущего кризиса имперских образований (как политического воплощения цивилизации), попыткой нащупать новые основания для их сохранения. Н. Данилевский начинает свою книгу «Россия и Европа» (1869) с констатации крайне актуального тренда: он фиксирует наличие непримиримых мировоззренческих противоречий, неких «двойных стандартов» в оценке «цивилизованным человечеством» отдельных аналогичных событий международной политики. Когда агрессором становятся страны Западной Европы, даже самые несправедливые их притязания не вызывают негодования широкой европейской общественности. В тоже время любые – в том числе вполне законные с точки зрения существующих на тот момент норм международного права – попытки России защитить свои интересы на международной арене вызывают яростное неприятие не только европейских дипломатических кругов, но и всей читающей европейской (и части «просвещенной» российской) публики.

Для доказательства данного постулата Данилевский подробно разбирает два случая: 1) нападение Пруссии и Австрии в 1864 г. на Данию с последующим изъятием Голштейна и Шлезвига, которое произошло при полном равнодушии всей просвещенной Европы, в 1852 г. гарантировавшей неприкосновенность Датской монархии; 2) требование России за 11 лет до данного события от Турции подтвердить обязательства не нарушать религи-

озных интересов ее подданных (балканских славян – российских единоверцев), повлекло за собой в 1854 г. вмешательство в конфликт Англии и Франции, которые не хотели усиления позиций России на Балканах, на стороне Турции против России. Затем, привлекая обширный историко-политический материал, мыслитель делает окончательный вывод о том, что «меряние разными мерами» и «вешание разными весами» – обычная практика, «когда дело идет о России и о других европейских государствах» [*Данилевский* 2018, 23].

С такого же вывода начинается и книга академика А.В. Смирнова. Спустя 150 лет ситуация повторяется зеркально. Исследователь задается вопросом, почему между Россией и Западом наступило отчуждение даже большее, нежели во время холодной войны – при полном, казалось бы, отсутствии для этого идеологических оснований [*Смирнов* 2019, 9].

Логика рассуждений Н. Данилевского при попытке ответить на вопрос «Почему Европа враждебна России?» не утратила своей актуальности. Отнюдь «не в антилиберальном вмешательстве России в чужие дела лежит начало и главная причина неприязненных чувств Европы», отмечает он, поскольку это «явление продолжается и по устранению этой причины» [*Данилевский* 2018, 54-55]. Во всей ее полноте до настоящего времени: «Вешатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России. Защитники национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности, донельзя угнетаемой в западных губерниях» [*Данилевский* 2018, 55-56].

«Европа не признает нас своими» и видит «в Руси и славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» [*Данилевский* 2018, 57]. Не допустить усиления России – «общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации», – обобщает он [*Данилевский* 2018, 58].

Далее Н. Я. Данилевский пытается ответить на вопрос: «Тождественна ли европейская цивилизация общечеловеческой?» – и приходит к выводу, что «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [*Данилевский* 2018, 94]. В итоге мыслитель выделяет несколько культурно-исторических типов или самобытных цивилизаций, существовавших в истории человечества, располагая их в хронологическом порядке: «1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или аравийский, и 10) романо-германский, или европейский». Мексиканский и перуанский же, заключает он, погибли насильственной смертью, не успев полноценно развиться [*Данилевский* 2018, 95]. Причину успехов европейской цивилизации он видит в том, что ей посчастливилось появиться в результате развития нескольких преемственных цивилизаций, в отличие от уединенных китайской или индийской.

Задолго до О. Шпенглера Данилевский пришел к следующему выводу: «Как скоро же мы выйдем из границ культурного типа, будет ли то в древние или в новые времена, то общая история разных типов становится в обоих случаях одинаково невозможной без самых странных натяжек, состоящих в делении на периоды, при которых события одного типа совершенно произвольным образом разрываются сообразно с ходом происшествий в другом» [*Данилевский* 2018, 113].

Ни одна цивилизация, по мнению Данилевского, не может считаться наивысшей точкой развития человечества: так, в отношении идеи красоты до крайнего предела совершенства дошел греческий мир; европейская цивилизация, пойдя по пути аналитического изучения природы, создала положительную науку; высшие религиозные идеи прозревали только в семитических племенах; система гражданского права, выработанная римскою жизнью, до сих пор представляет собой недосягаемый образец и т.д. [*Данилевский*

2018, 117-118]. В итоге Данилевский вводит понятие всечеловеческого взамен общечеловеческого приблизительно в том смысле, в каком сегодня данным термином оперирует А.В. Смирнов [Смирнов 2019, 116-150], и определяет славянство как культурно-исторический тип – «нарождающуюся цивилизацию», опираясь на выводы, уже сделанные к этому времени славянофилами А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, И.С. и К.С. Аксаковыми – но с собственными дополнениями.

Рассуждения о «печати национальности», которая накладывается на науку [*Данилевский* 2018, 149], могут показаться современному читателю сомнительными в приложении к естественным наукам, однако они вполне имеют место при обсуждении социогуманитарного знания. Данилевский обращает отдельное внимание на «науки общественные», законы в которых действуют «особым образом», и так как «начала для разных обществ различны, то и возможно только не теоретическое, а лишь сравнительное обществословие и части его: политика, политическая экономия и т.д.» [*Данилевский* 2018, 168]. «Все явления общественного мира», будучи явлениями национальными, с точки зрения Данилевского, можно изучать и рассматривать только в таком качестве, а также сравнивать между собой. Однако «никогда политическое или экономическое явление, замечаемое у одного народа и там уместное и благодетельное, не может считаться уже по одному этому уместным и благодетельным у другого», как не могут быть правила немецкой грамматики обязательными для русского языка [*Данилевский* 2018, 170].

Данилевский не был ретроградом или обскурантом. Конечно, как глубоко религиозный человек и естествоиспытатель одновременно, он использовал определенную специфику в исследовательских подходах. Однако его критика теории естественного отбора Ч. Дарвина носит крайне аргументированный характер [*Поздняков* 2016, 33-46]. Также значим вклад Н. Данилевского в разработку социокультурных аспектов научных исследований, а его указания на влияние английского типа мышления, который характеризуется доминированием либерализма и идеи конкурентной борьбы, на политэкономию А. Смита или теорию формирования государства Т. Гоббса и сегодня признаются обоснованными [*Кожурин* 2015].

Рассуждая о «различиях психического строя» культурно-исторических типов, Данилевский выделяет черту, общую «всем народам романо-германского типа» – «насильственность». Она появилась из-за чрезмерно развитого индивидуализма, в соответствии с которым «свой образ мыслей» и «свой интерес» ставятся столь высоко, что «всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему» [*Данилевский* 2018, 187]. Сравнивая период колониальных завоеваний Западной Европы с периодом расселения русского народа, мыслитель обращает внимание на то, что в российском случае в результате данного процесса «слабые, полудикие и совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности» [*Данилевский* 2018, 199].

Ключевое отличие «православной цивилизации»

С точки зрения автора, религиозный фактор играл важнейшую роль в отношении к коренному населению колонизуемых земель в период их освоения. Католики, протестанты и православные в своих контактах с аборигенами демонстрировали принципиально различные стратегии взаимодействия. При всех жестокостях португальских и испанских конквистадоров, они «пренебрегали дистанцией в социальных отношениях, допуская смешанные браки при условии добровольного принятия римского католицизма» [*Тойнби* 2021, 733]. Активно развернувшаяся после колонизации миссионерская деятельность католических священников привела к тому, что в Центральной и Южной Америке истребили существенно меньше коренного населения, нежели в Северной. В итоге

(в отличие от США и даже Канады) здесь сформировался весьма пестрый этно-расовый состав населения.

Ответ на вопрос о том, почему католическая традиция в принципе признавала за туземцами право на то, чтобы считаться людьми, и активно вела миссионерскую деятельность, а протестантская планомерно их уничтожала, заключается в том, как в эсхатологии каждой из традиций видится спасение (коллективно или индивидуально). Реформация привела к революционным сдвигам в сознании, к процессу «индивидуализации веры» [*Глинчикова* 2008], что в целом было весьма прогрессивно для развития капиталистических отношений, однако определенным образом сказалось на восприятии «другого». Так, например, в «коммунитаристской» теории Д. Юма справедливость не существует как «универсальное» абстрактное понятие, а определяется как «наша» традиция, которая не распространяется на «других» [*Юм* 1965, 232], из-за чего англосаксонские протестанты и относились к туземцам как к животным и отказывали аборигенам в коллективном праве на владение землями их расселения.

Русско-православная традиция (в отличие и от англо-шотландско-протестантской, и от католической) всегда признавала за туземцами право на «их» земли, поскольку имела иное мировосприятие. Для православия все люди – потенциальные братья во Христе не только при обращении (как в католицизме), а в принципе – потому что когда-нибудь они могут прозреть (принять православную веру) [*Ильинская* 2018]. Западноевропейская же культура воспринимает иных – даже из самых высокоразвитых цивилизаций планеты – как объекты приложения своих сил, которые не обладают собственной безусловной ценностью. Данная особенность присуща и «среднему» человеку Запада, и крупнейшим его мыслителям. С одной стороны, данное свойство помогло западноевропейской культуре сыграть грандиозную роль в истории человечества, с другой – отказ признавать всемирно-историческую ценность «другого» особенно ярко проявлялся и проявляется в отношении Византийской империи и ее наследницы – России. По мнению В. Кожинова, такое отношение объясняется тем, что «Византия была единственной прямой соперницей Запада», «развертывала свое самостоятельное, своеобразное культурное творчество», в котором не было ничего подобного средневековой инквизиции или гонениям на иудеев [*Кожинов* 2011, 49].

Что касается взглядов Н. Данилевского на «вероисповедные различия», для него католицизм и протестантство – ереси, которые неминуемо приведут к полной утрате религиозного чувства, а с ним и «подпилят под самый корень» основания нравственности. Католичество, по его мнению, первоначально подорвало первоосновы религиозной доктрины внедрением догмата о непогрешимости пап, а протестантство перенесло право толкования Откровения на каждого члена церкви, встав «в одну категорию со всяким философским учением» [*Данилевский* 2018, 211]. Не случайно О. Шпенглер позднее назвал М. Лютера «Брутом церкви» [*Шпенглер* 2008а, 217]. Данилевский видел общность убеждений протестантской и католической Европы в том, что вся она в конечном итоге «тщится заменить» христианство «рационализмом, более или менее радикальным» [*Данилевский* 2018, 228]. Как только моральную норму становится позволительно критически переосмыслить, она теряет свою общеобязательность, что известно этикам как парадокс (или гильотина) Юма.

То, что Н. Данилевский 150 лет назад называл «европейничанием», подчеркивая недопустимость попыток рассматривать российскую историю через призму европейского взгляда, сегодня А. Дугин обозначает термином «эпистемологический колониализм». Какие выводы получаются при использовании такой оптики, можно увидеть на примере интерпретации российской истории С.А. Никольского – в особенности той ее части, которая посвящена оценке влияния татаро-монгольского ига на дальнейшее развитие российских государственных институтов [*Никольский* 2021].

Если Н.Я. Данилевский анализировал и описывал эту же самую ситуацию в объективном и ценностно-нейтральном ключе [*Данилевский* 2018, 270-271], объясняя высокую степень лояльности к «своей» власти у русских тем, что все недовольство неизбежными поборами переключалось на ордынцев, то у С. А. Никольского при анализе «феномена покорности» присутствует оценочная компонента. Довольно объемную часть текста доклада он посвятил доказательствам того, что монгольское общество было более демократичным, справедливым, веротерпимым и совершенным в военном отношении. Никольский отнес к прогрессивным видам практики даже захват заложников, смертную казнь за раздоры между кланами и групповую ответственность. Монгольское иго он трактует как неиспользованную русскими возможность выйти на более высокий уровень цивилизованности через заимствование ряда его демократических практик. Подобные утверждения особенно интересны в связи с тем, что в том же тексте учет современного положительного опыта коммунистического Китая называют «дурным синтезом цивилизаций».

Доклад С.А. Никольского представляет собой пример крайне непоследовательного мышления западников – когда в «союзники» не зазорно взять древнего монгола и даже вручить ему знамя демократии. Все, что «русская власть» «переняла» от кочевников, ставят ей в вину, все, что «не переняла» – тоже. Если же мыслить последовательно в русле единого цивилизационного подхода, невозможно некоторые качества родоплеменного общества, которые в данной оптике находятся на более «низкой» ступени развития, интерпретировать как прогрессивные демократические элементы и не замечать различного рода «варварских» черт такого «демократизма». Вместе с тем «воспринятые» от монголов «методы», которые обеспечивали «эффективность» их системы управления, впоследствии неоднократно ставили Ивану Грозному в вину как западные историки, так и их российские единомышленники. Византийское наследство по мнению С.А. Никольского тоже «ушло» в Европу и для России остается только «ярким брендом», способом заявить о своих претензиях.

Романтика панславянского проекта

Вернемся к Н. Данилевскому и его книге «Россия и Европа». Он обращает внимание также и на опасность того, что в отсутствие собственного цивилизационного проекта для ряда российских меньшинств растет соблазн войти в иную цивилизацию, минуя российскую [*Данилевский* 2018, 291]. По его мнению, техническое заимствование вполне допустимо, чтобы в условиях агрессивности романо-германской цивилизации не стать ее жертвой, однако важно и сохранять культурную самобытность. В работе Данилевского есть величие политического проектирования, грандиозный размах мысли, от которого мы уже отвыкли – как и от попыток самостоятельно взглянуть на отечественную историю. Феномен самоцензуры никогда не позволит отечественным геополитикам и историософам мыслить в категориях настолько же смелого проектирования. Единственный, кто позволяет себе на сегодня такие масштабные проекты – пария научного мира А. Дугин. Нельзя сказать, что подобную методологию осуждают в принципе. Когда речь идет о западном цивилизационном проекте, любые размышления позволительны и уместны. Так, скажем, работы З. Бжезинского, в том числе «Великая шахматная доска», стали классикой современной геополитики.

В предчувствии неотвратимости близящегося падения империй, которое явственно проступает в рассуждениях о «национальных телах», о грядущей судьбе Австрии и Турции и предсказанного им Drang nach Osten со стороны объединенной Европы, Н. Данилевский сформулировал идею панславизма как альтернативу существующему порядку вещей, возможность сформировать вариант многополярного мира через создание всеславянского союза. Данная идея на других идеологических основаниях воплотилась в СССР после

Второй мировой войны в форме СЭВ и ОВД, что на долгие годы обеспечило устойчивость двухполюсного мира.

Одновременно «политическое могущество славян» для Данилевского – не самоцель, а лишь необходимое средство для того, чтобы «противопоставить достаточную преграду мировому владычеству» [*Данилевский* 2018, 431]. На момент написания труда оно принадлежало Европе, а сегодня – США. Н. Данилевский фактически сформулировал в своей работе метафору «конца истории» ранее Ф. Фукуямы: «всемирное господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории… Настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации. Это было бы равнозначительно прекращению самой возможности всякого дальнейшего преуспеяния или прогресса в истории внесением нового миросозерцания, новых целей, новых стремлений, всегда коренящихся в особом психическом строе выступающих на деятельное поприще новых этнографических элементов» [*Данилевский* 2018, 443-444]. В то же время Данилевский вполне допускал короткий век всеславянского союза, поскольку его единственной целью было преодоление европейского экспансионизма [*Данилевский* 2018, 447].

Катастрофа Первой мировой войны добавила убедительности аргументам отца-основателя локально-цивилизационной теории и распространила их на англо-саксонский мир, где, впрочем, старо-обновленный стадиальный прогрессизм продолжал господствовать и в академической среде, и в общественном сознании, позднее породив различного рода «теории модернизации».

Стоит также остановиться на слабых местах панславянского проекта. Так, Т. Масарик, который видел Россию Европой другой эпохи (он относил ее к Европейскому Средневековью, игнорируя великую литературу и военные успехи), отрицал спасительную миссию России в отношении славянских народов по ряду причин – в том числе и из-за тех черт, которые так импонировали идеологам панславизма (особенности российского самодержавия и православия). По мнению Масарика, «понятие культурно-исторического типа цивилизации разъяснено Данилевским недостаточно хорошо» из-за смешения биологических и исторических постулатов. В результате к славянскому типу отнесли не только православных румын и греков, но и протестантско-католических венгров. Однако «не желая быть несправедливым к Данилевскому», чешский социолог был «должен признать, что в его эпоху и вся европейская наука мало что могла сказать на эту тему» [*Масарик* 2000, 284-285].

История продемонстрировала несостоятельность романтических мечтаний панславизма, которые были окончательно разрушены после роспуска СЭВ и ОВД, ибо славяне в лице поляков и чехов были самыми упорными противниками – а позднее разрушителями – данных институтов. Неславяне – в лице восточных немцев и венгров – их защищали. Справедливости ради нужно заметить, что Н. Данилевский всегда сомневался в том, что католические народы (особенно поляки) смогут органично войти в панславянский союз. На сегодняшний день славянские и неславянские опоры СЭВ оказались безнадежно поглощены НАТО и ЕС. Для стран Восточной Европы важнее славянской особости оказалась принадлежность к европейской цивилизации, «прогрессивному человечеству», однако у России такого выбора нет. Как показывает практика, «западная» мировоззренческая самоидентификация восточных европейцев нередко носит иррациональный характер и формируется вопреки экономическим и другим прагматическим интересам, соображениям безопасности и т.д.

Новая «морфология истории»

Перейдем к О. Шпенглеру и его книге «Закат Европы» (Т. 1. – 1918, Т. 2. – 1922), в которой он с некоторыми отличиями продолжил, развил и углубил линию рассуждений, начатую Данилевским. Так, у Шпенглера сохраняется (и даже более ярко выражен) взгляд на культурные типы как на живые существа («индивидуумы высшего порядка») со своими стадиями развития (детство, юность, зрелость, угасание). Стадия цивилизации для него – завершающая в развитии культуры (ее «логическое следствие, завершение и исход»). В ней, по его мнению, и находится Запад. Шпенглер отверг периодизацию истории по схеме Древний мир – Средние века – Новое время, но он проделал впечатляющую работу по изучению и сопоставлению истории различных культурно-исторических типов с историей Запада, а также выделил в развитии индийской, античной, арабской и западной культур аналогичные («одновременные») «периоды духовной жизни», или сезоны по аналогии с живой природой (весна, лето, осень, зима). Данную периодизацию в дальнейшем неоднократно критиковали за недостаточную репрезентативность и из-за других частных деталей. Например, отмечали, что она разрывает христианство между арабской и западной культурой (а также между «пробуждающейся» русско-сибирской и теми культурами, которые остались за пределами таблиц). Критика, впрочем, не сумела умалить грандиозность замысла и гигантский объем проделанной работы.

Вряд ли возможно выделить аналогичные периоды «духовной жизни», искусства и политики у того, что имеет принципиально различные логики и смыслы существования. Несмотря на сохраняющийся западоцентризм в мышлении (проявившийся в подгоне истории развития незападных культур под западный эталон), Шпенглер вплотную подошел к данной мысли. Реконструируя типы мировоззрения, он обращал внимание на «внеисторичность» индийской культуры в противовес «историчности» египетской, мифологичность и статичность мышления древнего грека в противовес функциональности и динамичности «фаустовской культуры» современного ему западного европейца [*Шпенглер* 2008а, 11-19]. Таким образом, множественность логик культуры, о которой сегодня говорит А. В. Смирнов, еще столетие назад осознал Шпенглер: «Для настоящего мыслителя нет абсолютно верных или неверных точек зрения… Явления других культур говорят на другом языке. Для других людей есть другие истины. Для мыслителя они должны иметь значение все или ни одна» [*Шпенглер* 2008а, 33]. У каждого типа есть свой «праобраз, который отличает одну культуру от другой» [*Шпенглер* 2008б, 33]. Шпенглер доходит в данном вопросе до крайности: если Н. Данилевский не отрицал того, что самобытные культурно-исторические типы могут найти взаимопонимание и не осуждал технические заимствования, то Шпенглер считал локальную культуру автономным самодостаточным замкнутым миром.

Устоявшуюся периодизацию мировой истории Шпенглер считал «птоломеевой системой истории». В качестве «Коперника» обществознания он предложил новую систему, «…согласно которой не только античность и Западная Европа, но также Индия, Вавилон, Китай, Египет, арабская культура и культура майя… имеют одинаковое значение в общей картине истории» [*Шпенглер* 2008а, 23]. Вместо «монотонной картины» линейной истории он увидел «феномен множества мощных культур», каждая из которых «налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [*Шпенглер* 2008а, 28].

Ключевыми предвестниками последней он считает возникновение «мирового города» («каменного колосса», «столицы мира», во власти которого оказываются люди) и населяющего его «нового кочевника», который есть человек «абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству» [*Шпенглер* 2008а, 44-45].

На алармистских настроениях О. Шпенглера хотелось бы заострить внимание тех аналитиков, которые, рассуждая о недостаточной технологической оснащенности и комфортной обустроенности России, полагают данные факторы достаточным доказательством ее цивилизационной отсталости. Развитие материально-технической стороны цивилизации по Шпенглеру сопровождается унификацией и упадком духовной культуры, которая неразрывно связана с традицией и традиционным образом жизни. Он может выглядеть несовременным и даже отсталым, однако непосредственно связан с образом выживания в определенных географических и климатических условиях. Сегодня данные соображения становятся актуальнее по мере того, как один за другим регионы мира в одночасье лишаются материально-технических достижений и прочих атрибутов «цивилизованного образа жизни» (даже возможности получать элементарную медицинскую помощь) из-за локальных военных конфликтов и техногенных катастроф. Когда в результате бомбежек, землетрясений, взрывов или цунами нарушены все системы коммуникаций и жизнеобеспечения (электрические сети, водо- и газопроводы и другие достижения технического прогресса), важным условием для выживания становятся колодцы, выгребные ямы, печи и т.п. средства удовлетворения насущных человеческих потребностей. В случае отсутствия электроэнергии, обрушения информационных платформ или отключения сети Интернет ключевым фактором для сохранения общества станет объем знаний, которым фактически обладают люди, и навыков, которые они имеют. Шпенглер считал, что именно гедонизм и техническая оснащенность последних стадий развития культурно-исторических типов (цивилизаций) обрекают их на исчезновение.

Современная урбанистическая среда – самый уязвимый способ человеческого общежития. Разработано немало гипотетических катастрофических сценариев, в которых весь налет цивилизованности исчезает у абсолютного большинства населения больших городов даже в случае относительно долговременного отключения электричества. Люди, которые живут выше пятого этажа, немедленно лишаются возможности выйти из дома, на улицах начинают хозяйничать банды, действующие по принципу «умри ты сегодня, а я – завтра», дикость и варварство растут по экспоненте в самые короткие временные отрезки. Индивид, который расстался с традиционной культурой и религией, уже утратил устойчивые представления о грехе, понятиях добра и зла. Его убеждения обусловлены свободой выбора и текущими прагматическими соображениями[2]. Техническая недооснащенность и «цивилизационное убожество» России заключается в том, что часть населения не утратила традиционные навыки выживания. Данная особенность – конкурентное преимущество нашего государства[3].

Вернемся к Шпенглеру. Он сформировал список локальных культур, не в полной мере аналогичный перечню Данилевского, хотя и во многом пересекающийся. Его список также не во всем совпадает с теми локальными цивилизациями, которые принято выделять сейчас. Так, например, Шпенглер отказывает в отдельном культурно-историческом типе Японии и относит ее к Китайскому типу, а в современное ему время – к западноевропейской цивилизации [*Шпенглер* 2008б, 62], предвосхитив таким образом позднейшие тенденции действительного включения Японии в Западный мир. «Цивилизация, охватившая ныне всю поверхность Земли, является» для него «всего лишь необходимой стадией исключительно западноевропейской культуры, отличающейся от всех остальных только широтой распространения» [*Шпенглер* 2008б, 45].

[2] Подробный анализ подобного случая см., например, в коллективной монографии «Общественная мораль» [Сычев 2009].

[3] Данный факт не означает, что можно самоуспокоиться, не развивать самообеспечение и импортозамещение в важнейших, особенно стратегических, отраслях, не думать о продовольственной безопасности, не развивать автономные телекоммуникационные системы, в том числе автономный Рунет, и т.д.

Историческая обусловленность цивилизационных различий

Британский историк А. Тойнби в своей работе «Постижение истории» (1934–1961) продолжил линию теоретического осмысления феномена «цивилизация». Шпенглер ставил перед собой грандиозную задачу создания «новой философии» на основе идеи «мира как истории», «которая охватит все образы и движения мира в их глубочайшем и последнем значении и в совершенно ином порядке построит из них не общую картину всего познанного, но картину жизни, не ставшего, но становления» [*Шпенглер* 2008а, 6]. Однако Тойнби, с одной стороны, осознавал относительность и ограниченность человеческого мышления (постижение истории для него – это попытка осознания «божественного Закона и высшего предназначения»), с другой – все же пытался сформулировать универсальные законы развития локальных культурных типов, которые он стал называть цивилизациями, чтобы отличить их от «примитивных обществ» (обладающих сравнительно короткой жизнью, ограниченных территориально и малочисленных) [*Тойнби* 2021, 118]. Цивилизации по Тойнби – это «умопостигаемые поля исторического исследования», «общества с более широкой протяженностью как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы» [*Тойнби* 2021, 53], «число людей, охватываемых цивилизациями, как правило, велико» [*Тойнби* 2021, 118]. Относительно замкнутые общества в своем развитии проходят стадии «генезиса, роста, надлома и разложения; возникновения и падения универсальных государств, вселенских церквей, героических эпох» [*Тойнби* 2021, 117]. Их жизнеспособность определяется возможностью последовательного освоения жизненной среды, развитием духовного начала, а также обретением адекватных ответов на те вызовы, которые возникают вовне или внутри общества.

Поскольку Тойнби работал над темой на протяжении почти 30 лет, шкала критериев выделения цивилизаций, равно как и их список, постепенно менялись. Большое значение в работе придавалось религиозному фактору. В рамках данной особенности возникали определенные сложности с «африканской цивилизацией», которую нельзя вычленить и структурировать по религиозному признаку, или с китайской из-за того, что конфуцианство – никоим образом не религия (если под религией иметь в виду монотеизм). Что касается православного христианского общества и западной цивилизации, то по Тойнби они имеют общую отеческую эллинскую цивилизацию, преемственность от которой он устанавливает через вселенскую церковь. Из «одной куколки» (христианства) в данном случае «образовалось два самостоятельных организма: римско-католическая церковь и православная церковь» [*Тойнби* 2021, 59].

Благодаря большому масштабу проделанной работы Тойнби удалось придать понятию цивилизации категориальный статус. В данной особенности, видимо, и заключается самая большая его заслуга перед цивилизационной теорией, поскольку в гуманитарных науках иногда именно основательность созданных текстов придает весомость направлению исследований. Система цивилизаций Тойнби обширна и сложна, в процессе написания работы она несколько раз трансформировалась и разрослась почти вдвое (с 21 до 37). Затем он отнес ряд цивилизаций в дочерние или вторичные классы, а в конечном итоге выделил десять цивилизаций, которые сохранились к XX в. Восемь из них, считал Тойнби, могут быть поглощены западной цивилизацией.

Опровергая догму «единства цивилизации» и отождествления ее с западным обществом, историк определяет причины данного заблуждения: «современная западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру», а за ней «последовала и политическая унификация, …зашедшая почти столь же далеко». Однако «подобный взгляд на современный мир», по его мнению, никак не получится распространить «на культуру, которая не только глубже первых двух слоев, но и фундаментальнее»

[*Тойнби* 2021, 119]. С целью развенчать ложную концепцию «единства истории» на базе западного общества, Тойнби подвергает сомнению ее основной тезис – «представление о прямолинейности развития» [*Тойнби* 2021, 123]. В то же время его не устраивает и детерминизм Шпенглера, который отводил цивилизациям определенный жизненный цикл – около 1000 лет. Для Тойнби «общество не является видом или родом», более того, «оно не является организмом» [*Тойнби* 2021, 385].

Несмотря на то, что Тойнби много критиковали за произвольность выделения цивилизаций, подгонку исторических фактов под нужды своей концепции, приписывание различным обществам единой логики развития и т.д., его труд имел гигантскую популярность. Данное обстоятельство во многом объясняется тем, что теория Тойнби была серьезной альтернативой формационному подходу, выводы которого прямо предрекали грядущую гибель капиталистического мира. Ф. Фукуяма переработал формационную теорию, сделав завершающим этапом универсальной для каждого общества линии развития (от первобытной общинности через рабовладельческий, феодальный и буржуазный строй) не коммунизм, а либеральную демократию, гораздо позднее – в 1989–1992 гг. Ранее из-за остроты идеологического противостояния двух систем появлялся спрос на альтернативные концепты, в том числе со стороны поборников «Третьего пути», лидеров «Движения неприсоединения» и, в особенности, «наследников» великих цивилизаций прошлого. Особенно стоит подчеркнуть, что все три «титана» фундаментальной волны (каждый на основании своих собственных критериев) выделяли Россию как отдельное цивилизационное образование.

Итоги первой (фундаментальной) волны

Черту под первой волной дискуссии подвел П. Сорокин в работе «Современные философии истории и социальные философии» (1963). Он считал, что у работы в данном направлении нет серьезных перспектив из-за того, что невозможно выделить объективные критерии цивилизации и достоверно определить их количество. Больше всего не устраивало Сорокина в цивилизационной теории присвоение цивилизационного статуса самым различным социальным образованиям (языково-этническим, религиозно-государственно-языковым, территориально-государственным и др. общностям) и скоплениям социальных феноменов (конгломератам), которые не обладают системными признаками и не имеют органического единства.

Тем не менее, как отмечает Н. Зюзев со ссылками на самого П. Сорокина, в воззрениях социолога и взглядах теоретиков понятия «цивилизация» на самом деле было немало общего. Прежде всего, все они в принципе признали существование в истории человечества ограниченного количества неких крупных культурно-исторических единиц, которые: основаны на причинно-функциональной и логико-смысловой связях; не идентичны государству, нации или любой иной социальной группе; играют роль главных субъектов общественных процессов; базируются «на некой “главной предпосылке”, или “философском предположении”, или “первичном символе”, или “конечной ценности”» [*Зюзев* 2004, 149].

По мнению автора, в действительности Сорокин не столько оспаривал цивилизационную теорию целиком, сколько подвергал сомнению некоторые ее частные детали. Так, он считал самостоятельными цивилизациями далеко не все культурно-исторические типы, описанные другими авторами. Социолог сомневался, что возможно выделить периодические идентичные долговременные циклы в истории цивилизаций, хоть и не подвергал сомнению наличие долговременных флуктуаций [*Сорокин* 1992, 313]. Он критиковал применение биологических аналогий по отношению к культурным типам [*Сорокин* 1992, 432] и толкование Шпенглером кризиса западного общества как приближение конца его существования [*Сорокин* 1992, 428-429]. Тем не менее, он сам же прибегал к био-

логическим сравнениям, утверждая, что «мнимая смертная агония» Запада является «острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил» [*Сорокин* 1992, 433]. Социолог даже причислял самого себя к теоретикам понятия «цивилизация», упоминая в лекциях, что «ряд ученых – А. Тойнби, О. Шпенглер, …, П.А. Сорокин и другие – попытались дать систематическую интегрированную теорию жизненных циклов или повторяющихся фаз в жизни большинства инклузивных культурных суперсистем» [*Сорокин* 1992, 187].

Нельзя не признать тот факт, что в период первой (фундаментальной) волны интуитивное «нащупывание» в цивилизационной теории, когда локальные цивилизации больше описывали, чем определяли, временами перемежалось с теоретическим осмыслением – у разных авторов в разных пропорциях. Тем не менее, если конкретная цивилизация как грандиозное явление исторического и культурного характера плохо поддается исчерпывающему определению (поскольку различные цивилизационные образования имеют настолько различные логики смыслополагания, что для них сложно выработать единые критерии описания и оценки) или не всегда вписывается в системные критерии П. Сорокина, это не означает, что сам феномен «локальной цивилизации» не существует. Такая ситуация лишь свидетельствует об ограниченности логики человеческого мышления, бедности рационального научного аппарата и других препятствиях на пути научного осмысления.

Что касается методологических посылок, в работах теоретиков «первой волны» заметно превалируют эссенциализм, а также исторический и географический детерминизм. Их исследования преимущественно были посвящены цивилизациям прошлого, которые действительно базировались на принципиально разных логиках смысла. В результате взгляды теоретиков становились легко уязвимы с позиций универсального системного или социально-конструктивистского подхода, которые сформировались на более позднем социологическом материале. Такая критика не означает, что в рассуждениях теоретиков первой волны была принципиальная ошибка, и не умаляет роли проделанной ими работы. Влияние же географического фактора или исторических вызовов (которым теоретики первой волны придавали большое значение) на формирование ценностного каркаса той или иной цивилизации и сегодня нельзя сбрасывать со счетов[4].

Также можно заметить, что методология исследований развивается по мере трансформации социальной реальности, что совершенно естественно. Цивилизация рассматривается как инклюзивная социальная и культурная суперсистема с определенными масштабами и логикой развития. Ее единство обеспечивают механизмы и принципы иного порядка, нежели единство прочих социальных общностей (этническая или др. социальная группа, нация-государство и т.д.). Системная или социально-конструктивистская оптика в том виде, в котором ее обычно применяют для других объектов исследования, просто непригодна для изучения данного феномена, который претерпел в XX в. драматический перелом и перерождение. Тем не менее, и системная методология, и социальный конструктивизм будут вполне применимы для изучения принципов функционирования цивилизационного феномена при определенной корректировке – в том числе и в настоящее время. На этом автору придется остановиться в другой работе. В целом же методы первого этапа цивилизационных исследований можно квалифицировать как вызово-ответный рационализм, органический редукционизм и социально-культурный релятивизм

[4] В середине февраля 2021 г. в штате Техас, США установилась на неделю температура воздуха, обычная для зимы в средней полосе России и выпал снежный покров привычного для россиян уровня, что вызвало чрезвычайную ситуацию и коллапс в энергетике штата. Российская же экономика и в целом жизнедеятельность общества не замирают каждую зиму, а продолжают функционировать, в том числе и в Заполярье. На фоне подобных обстоятельств становится очевидной идеологическая односторонность и недоучет географического и климатического фактора во многих рассуждениях об открытом рынке, конкурентной экономике и т.п.

(от умеренного у Данилевского до абсолютного у Шпенглера). Количество выделенных цивилизаций (если отбросить множественные исторические сыновне-родственные отсылки у Тойнби, замершие цивилизации или цивилизации-спутники) колеблется в пределах десятка (у Шпенглера – восемь).

Согласно вызово-ответному рационализму, в современном российском проекте цивилизационного развития проблему политического истолкования прошлого необходимо решать с помощью определенной максимы. Любые события отечественной истории неразумно подвергать перманентному критическому переосмыслению: если «так было» – значит, так «было необходимо» в силу сложившейся исторической ситуации. Возможно, в произошедшем был некий высокий смысл, пока недоступный нашему пониманию. Нужно просто принять, что на тот или иной вызов исторически был дан тот или иной ответ. Подобная установка переключает исследователя с бесконечных переоценок прошлого в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, обличения сделанного на «исторических развилках» неверного выбора – или изымает из них солидную долю драматизма. Ее устремленность в будущее вместо терзания «старых ран» могла бы послужить реальным консолидирующим фактором развития российской цивилизации.

Критикам органического редукционизма[5] можно возразить, что методологический номинализм взгляда на человечество как на совокупность атомизированных индивидов, критика реификации и гипостазирования цивилизаций (и др. «коллективных политических тел», скажем, наций) – такое же искажение реальной действительности, как и видение в них некоего подобия целостных организмов. Органицистские метафоры Данилевского, Шпенглера и Тойнби, которые часто критикуют, были обусловлены тем, что эти авторы распространяли методы естественных наук на гуманитарные. Вместе с тем вся современная социальная наука и прежде всего ее позитивистское направление во многом аналогично распространяет (часто некорректно) методы естественных и точных наук на гуманитарное знание. Критики субстанционального видения цивилизаций забывают о том, что без наличия «изначальных» или «грубых» фактов, без признания некоторой предзаданной (относительно наличной ситуации) сущности (осознавая при этом ее социальную природу) нет возможности с чем-то соотноситься, отождествлять себя. Следовательно, процессы самоидентификации становятся в принципе невозможными.

Что касается социально-культурного плюрализма, то данная теоретическая установка единственная из всех позволяет формулировать самостоятельный вектор дальнейшего развития локальных цивилизационных проектов так, чтобы рано или поздно можно было утверждать, что пророчество Тойнби сбылось и «незападные общества пошли путем выборочного усвоения элементов западной культуры» после тщательного отбора «положительных ценностей западной цивилизации» для того, чтобы постепенно «стать хозяином своей судьбы» [*Тойнби* 2021, 723].

«Локальная цивилизация» существует как идея и понятие, но она не менее реальна, чем фактически окружающие нас предметы. Может быть, она даже более реальна, поскольку организует и подчиняет своей логике поведение как политических элит, так и простых людей – вопреки множеству фактических феноменов. Однажды возникнув, данная идея полностью изменила привычную картину мира.

[5] См., например, статью Летнякова Д. Э. «Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории», в которой автор приводит возражения против мультипарадигмального полицивилизационного исследовательского направления, исходя из основных положений социально-конструктивистского методологического подхода [Летняков 2021].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глинчикова А. Г. (2008) Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция. 384 с.

Данилевский Н. Я. (2018) Россия и Европа. М.: Алгоритм. 560 с.

Зюзев Н. Ф. (2004) Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций: возможности синтеза // Философия и общество. № 3 (36). (https://cyberleninka.ru/article/n/integralizm-pitirima-sorokina-i-teoriya-tsivilizatsiy-vozmozhnosti-sinteza).

Ильинская С. Г. (2018) «Море Россия» (российская идентичность и идея толерантности) // Вестник РУДН. Т. 20. № 4. С. 496–505. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-496-505.

Кожинов В. В. (2011) От Византии до Орды: история Руси и русского слова. М.: Эксмо, Алгоритм. 560 с.

Кожурин А. Я. (2015) Концепция науки Н. Я. Данилевского // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. №S. С. 14–18 (https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-nauki-n-ya-danilevskogo).

Летняков Д. Э. (2021) Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. Т. 23. Вып. 3 (№ 111). С. 57–69.

Масарик Т. Г. (2000) Россия и Европа. Т. 1. СПб.: РХГИ. 448 с.

Никольский С. А. (2021) О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Историософский анализ. Доклад на заседании семинара «Российский проект цивилизационного развития» в ИФ РАН (https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2021/28_01_nikolskiy.pdf).

Нисбет Р. (2007) Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН. 556 с.

Поздняков А. А. (2016) Теоретико-биологические представления Н. Я. Данилевского // Lethaea rossica. Т. 12. С. 33–46.

Смирнов А. В. (2019) Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский дом ЯСК. 216 с.

Сорокин П. А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 543 с.

Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. (2016) Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН. 122 с.

Сычев А. А. (2009) Этика экстремальных ситуаций: Новый Орлеан после урагана «Катрина» // Общественная мораль: философские, морально-этические и прикладные проблемы. Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М. С. 424–442.

Тойнби А. Дж. (2021) Постижение истории. М.: Академический проект. 800 с.

Шпенглер О. (2019) Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск: Попурри. 656 с.

Шпенглер О. (2019) Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск: Попурри. 704 с.

Юм Д. (1965) Исследование о принципах морали // Юм Д. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль. 928 с.

Krauthammer Ch. (1990) The Unipolar Moment // Foreign Affairs. America and the World 1990. Vol. 70. No. 1. P. 23–33 (https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment).

REFERENCES

Danilevsky N. (2018) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Algoritm. 560 p.

Glinchikova A. (2008) *Raskol ili sryv «russkoj Reformacii»?* [The Split or Breakdown of the "Russian Reformation"?] Moscow: Kul'turnaya revolyuciya. 384 p.

Hume D. (1965) Issledovanie o principah morali [Research on the Principles of Morals]. In: *Hume D. Sochinenya v 2-h tomah.* vol. 2. Moscow: Mysl', 1965. 928 p.

Ilinskaya S. (2018) «More Rossiya» (rossijskaya identichnost' i ideya tolerantnosti) [The Sea of the Russian Culture (The Russian Identity and the Concept of Tolerance)]. *Vestnik of People's Friendship University of Russia*. *Series: Political Sciences.* no. 20(4), pp. 496–505. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-496-505.

Kozhinov V. (2011) *Ot Vizantii do Ordy: istoriya Rusi i russkogo slova* [From Byzantium to the Horde: The History of Russian and the Russian Word]. Moscow: Eksmo; Algoritm. 560 p.

Kozhurin A. (2015) Koncepciya nauki N. Danilevskogo [The Concept of the Science by N. Danilevsky]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. no. S, pp. 14–18 (https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-nauki-n-ya-danilevskogo).

Krauthammer Ch. (1990) The Unipolar Moment. *Foreign Affairs. America and the World* 1990. vol. 70, no. 1, pp. 23–33 (https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment).

Letnyakov D. E. (2021) Tsivilizatsii kak «voobrazhayemyye soobshchestva». K konstruktivistskoy kritike tsivilizatsionnoy teorii [Civilizations as "Imaginary Communities". Towards a Constructivist Critique of Civilizational Theory]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* vol. 23, no. 3 (111), pp. 57–69.

Masarik T. (2000) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. St-Petersburg; RHGI. 448 p.

Nikolsky S. (2021) *O probleme civilizacii i civilizacionnom razvitii Rossii* [About the Problem of Civilization and Russia's Civilizational Development]. Report at the "Russian Project for Civilizational Development' seminar. January, 28. (https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2021/28_01_nikolskiy.pdf).

Nisbet R. (2007) *Progress: istoriya idei.* [Progress: A History of an Idea]. Moscow: IRISEN. 556 p.

Pozdnyakov A. (2016) Teoretiko-biologicheskie predstavleniya N. Danilevskogo [Biological theory of N. Danilevsky]. *Lethaea rossica*. vol. 12, pp. 33–46.

Smirnov A. (2019) *Vsechelovecheskoe vs. Obshchechelovecheskoe* [All-human vs. Universal]. Moscow: OOO «Sadra», Izdatel'skij dom YASK. 216 p.

Sorokin P. (1992) *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat. 543 p.

Spengler O. (2019) *Zakat Evropy*: Ocherki morfologii mirovoj istorii. [The Decline of the West]. vol. 1. Obraz i dejstvitel'nost'. Minsk: Popurri. 656 p.

Spengler O. (2019) *Zakat Evropy*: Ocherki morfologii mirovoj istorii. [The Decline of the West]. vol. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. Minsk: Popurri. 704 p.

Spiridonova V. I., Sokolova R. I., Shevchenko V. N. (2016) *Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya*: filosofsko-politicheskiy analiz [Russia as a State-Civilization: a Philosophical and Political Analysis]. Moscow: IF RAN. 122 p.

Sychov A. A. (2009) Etika ekstremal'nykh situatsiy: Novyy Orlean posle uragana «Katrina» [Ethics of extreme situations: New Orleans after hurricane Katrina]. In: *Obshchestvennaya moral'*: *filosofskiye, moral'no-eticheskiye i prikladnyye problemy.* Ed. R. G. Apresyan. Moscow: Alpha-M. pp. 424–442.

Toynbee A. (2021) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow: Akademicheskij proekt. 800 p.

Zyuzev N. (2004) Integralizm Pitirima Sorokina i teoriya tsivilizatsiy: vozmozhnosti sinteza [Integralism of Pitirim Sorokin and the Theory of Civilizations: the Possibilities of Synthesis]. *Philosophy and society.* no. 3 (36), pp.143–155 (https://cyberleninka.ru/article/n/integralizm-pitirima-sorokina-i-teoriya-tsivilizatsiy-vozmozhnosti-sinteza).

Информация об авторе

Ильинская Светлана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: Гончарная ул., д. 12, стр. 1, Москва, 109240. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

About the author

Svetlana G. Ilinskaya, Candidate of Sciences (Political Sciences), Fellow Researcher, Department of Philosophy Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 127005, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 07.05.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 24.11.1021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 135–149
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 135–149

DOI: 10.31857/S086904990017874-3

Оригинальная статья / Original Article

Методология количественной оценки морского потенциала различных стран[1]

© А.П. ПОЛИВАЧ

Поливач Александр Петрович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), apolivach@imemo.ru

В статье рассматриваются методологические проблемы, возникающие при проведении количественной оценки морского потенциала (мощи) различных государств. Для расчета данного показателя автор предлагает свою систему индексов – морских ресурсов, морских сил и средств, ВМФ, морской деятельности – которые в совокупности формируют индекс морской мощи страны. Также в статье приводится пример применения авторской методологии для расчета показателя морского потенциала различных государств и определения места России среди них.

Ключевые слова: морская мощь, морской потенциал, морские силы, морская деятельность

Цитирование: Поливач А.П. (2021) Методология количественной оценки морского потенциала различных стран // Общественные науки и современность. № 6. С. 135–149. DOI: 10.31857/S086904990017874-3

Methodology of the National Maritime Potential Quantitative Assessment

© A. POLIVACH

Alexander P. Polivach, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) (Moscow, Russia), apolivach@imemo.ru

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783). The article was prepared within the framework of the project "Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation" under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to conduct large research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

Abstract. This article analyses methodological issues which emerge when someone attempts to make a comparative quantitative analysis of the overall maritime potential possessed by various countries. The author suggests possible solutions for those problems and also proposes a system, which can help to make an assessment of countries' capabilities to have control of the sea, to exercise jurisdiction over the sea zones and to use the sea for a variety of their purposes. This system forms the index of maritime power of a nation, which is an overall quantitative expression of these capabilities. The overall index is based on four sub-indexes: maritime resources, maritime instruments, navy, maritime activities.

Keywords: maritime power, maritime potential, maritime power, sea power

Citation: Polivach A. (2021). Methodology of the National Maritime Potential Quantitative Assessment. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 135–149. DOI: 10.31857/S086904990017874-3 (In Russ.)

Мировой океан общепризнанно играет большую роль в жизни человечества. Существует множество работ, в которых анализируют различные виды деятельности стран в Мировом океане по отдельности, однако немногие из них оценивают морской потенциал (морскую мощь) страны, рассматривая положения в данной области в совокупности. Одновременно сложилась парадоксальная ситуация: трудно найти исследование, в котором была бы сделана попытка рассчитать количественный показатель такого потенциала – как, например, это делается в отношении валового внутреннего продукта (ВВП) различных государств. Автору не удалось обнаружить работы с подобными расчетами.

Второй парадокс заключается в том, что оценку морского потенциала, которая предполагает его исследование во всей совокупности, обычно сводят лишь к анализу потенциала военно-морских флотов. В самой известной концептуальной работе по данной теме ее автор указывает, что понятие морской мощи гораздо шире военно-морских сил и оно должно включать в себя оценку других видов морехозяйственной деятельности [*Горшков* 1979, 4]. Однако и в ней вопросам, которые не относятся к ВМС, посвящено лишь около 17% объема.

Если оценки совокупного военно-морского потенциала некоторых стран проводят относительно регулярно, то невоенную (экономическую) составляющую морской мощи анализируют лишь в рамках отдельных ее компонентов, хотя по невоенным компонентам доступна значительно более обширная статистика. Например, на портале UNCTAD в разделе Maritime Transport [UNCTADStat 2021] содержится много сводной информации по всем странам мира и отдельным сегментам морской индустрии. Также UNCTAD ежегодно выпускает доклад о морской отрасли [UNCTAD 2020], который анализирует текущее состояние и перспективы важнейших сегментов данной сферы в мире (морской транспорт, судостроение, деятельность морских портов, владение и регистрация торговых флотов, динамика фрахта). Однако и в данных документах не оценивают совокупный потенциал стран хотя бы по сумме рассматриваемых сегментов.

Также стоит отметить крупную базу данных по «океанской экономике», которую ведет ОЭСР [OECD 2021], и проведенное в 2016 г. ею же масштабное исследование The Ocean Economy in 2030 (Экономика океана в 2030 г.) [OECD 2016]. В нем исследователи оценивают связанный с океаном размер мировой экономики и прогнозируют ее развитие на следующие 15 лет. Тем не менее и в этом докладе не приводят совокупные оценки по странам – лишь объемы некоторых ее сегментов по основным регионам мира и отсылки на отдельные оценки ее вклада в ВВП некоторых стран.

Главная сложность заключается в том, что отдельные составляющие морской мощи изучаются различными науками – географическими, юридическими, инженерными, военно-морского дела, экономическими и др., а для совокупной оценки требуется междисциплинарный подход.

Указанные проблемы побудили автора предложить свою систему сравнительной оценки морской мощи (морского потенциала) различных стран, которая выражается в количественных показателях (индексах). Для достижения данной цели необходимо решить ряд методологических проблем, изложенных ниже.

Понятие морской мощи (морского потенциала)

Прежде всего необходимо определить, что будет измерено в рамках оценки. Для применения математики необходимо выделить показатели, которые возможно формализовать в цифровом выражении, отбросив то, что пока находится в сфере общих рассуждений. Автору наиболее продуктивным видится подход С.Г. Горшкова, который описывает морскую мощь государства как «совокупность материальных средств, обеспечивающих научное и экономическое освоение Мирового океана и защиту государственных интересов…, которая определяет способность той или иной страны использовать военно-экономические возможности океана в своих целях», уточняя, что это представляет собой «систему, для которой характерно не только наличие связей между ее компонентами (военный, транспортный, промысловый, научно-исследовательский флоты и т.д.), но и неразрывное единство со средой – океаном, во взаимоотношениях с которым система функционирует и проявляет свою целостность» [*Горшков* 1979, 4]. Также он характеризует сущность морской мощи как «возможность наиболее эффективно использовать Мировой океан … в интересах государства в целом» [*Горшков* 1979, 12].

С.Г. Горшков выделяет следующие основные компоненты морской мощи: возможности государства в изучении (исследовании) океана и его богатств, транспортный и промысловые флоты и их способность обеспечить потребности государства, судостроительная промышленность, военно-морской флот, добыча и переработка даров океана, ученые, конструкторы, моряки [*Горшков* 1979, 12-13]. Данные компоненты принадлежат одной из двух условных групп: экономическая и военная [*Горшков* 1979, 14].

Вместе с тем С.Г. Горшков не прорабатывает детально собственно структуру морской мощи и не объясняет, как можно охарактеризовать упомянутое им единство со средой-океаном, а также не предлагает метод количественной оценки совокупного показателя морской мощи. Тем не менее подход, который сформулировал он, можно использовать как отправной пункт для работы, так как он четко отделяет элементы морской мощи от факторов, которые влияют на ее развитие, таких как политика, исторические условия и т.д. – хотя рассмотрению собственно факторов влияния С.Г. Горшков посвятил б*о*льшую часть своей книги.

Ясное выделение элементов морского потенциала заметно отличает его работу от других известных трудов на тему морской мощи и делает ее единственно полезной для решения поставленной задачи. Так, например, классик данной темы А.Т Мэхэн в своей работе посвятил целую главу «рассуждению об элементах морской мощи», но в ней он постоянно рассматривает «условия, влияющие на состояние морской мощи страны» [*Mahan* 1894, 25–89]. Исследователь смешал элементы с факторами, которые на них влияют. Можно привести аналогию с экономической наукой. Экономическая политика, безусловно, влияет на размер ВВП, структуру и темпы его роста, однако к задаче расчета размера ВВП или темпов его роста экономическая политика не имеет никакого отношения.

Автор ни в коей мере не умаляет значения работ А.Т. Мэхэна или других авторов по теме морской мощи. В данной статье поставлена сугубо статистическая задача – рассчитать количественный показатель совокупного морского потенциала (мощи) различных стран. Поскольку попыток других исследователей сделать то же самое выявить не удалось, для решения специфической математической задачи подходящие идеи обнаружились только у С.Г. Горшкова.

Развивая его идеи, автор предлагает определение морской мощи (морского потенциала): способность страны владеть морскими пространствами и ресурсами, осваивать и использовать их в своих целях, которая характеризуется наличием у нее соответствующих морских ресурсов, инструментов морской мощи и масштабов использования ею Мирового океана для различных целей.

Соответственно, морской потенциал – это количественный показатель сегодняшнего значения страны в морской сфере, индикатор реального положения дел в данной области на основе анализа статистических данных. Показатель позволяет увидеть, какие страны обладают большей совокупной морской мощью по сравнению с другими, насколько большей – и за счет каких компонентов такая мощь была достигнута.

Автор сознательно использует термины морская мощь и морской потенциал как синонимы, поскольку в дискуссиях о Мировом океане оба понятия нередко используют в одинаковом значении. По аналогии с экономикой, если мы слышим термины экономический потенциал или экономическая мощь, речь, как правило, идет об одном и том же[2].

Исходя из вышеуказанного определения, компоненты морского потенциала можно условно свести в три группы:

1. Морские ресурсы, которые включают в себя полностью контролируемые страной воды (т.е. морские зоны суверенитета) – внутренние и архипелажные воды, а также территориальное море; исключительную экономическую зону (т.е. зону суверенных прав и юрисдикции); запасы морских биоресурсов, которые находятся в данных зонах, и полезных ископаемых на континентальном шельфе.

2. Инструменты морской мощи, необходимые для овладения морскими ресурсами, их защиты и исследования. Важнейший из них – ВМФ. Другие инструменты обеспечивают правопорядок в морских зонах (береговая охрана), исследуют Мировой океан (научно-исследовательский флот) и действуют в его труднопроходимых районах, таких как Арктика и Антарктика (флот ледовитых морей).

3. Масштаб морской деятельности, который характеризует использование Мирового океана во всевозможных невоенных целях (экономических, досуговых, спортивных). К основным видам деятельности относятся: морской транспорт, гражданское судостроение, портовая деятельность, добыча и разведение морских биоресурсов, занятость в морской сфере, добыча полезных ископаемых на шельфе, использование моря для производства электроэнергии, отдых в море, а также морской спорт.

Каждый из компонентов можно охарактеризовать соответствующими статистическими данными. Проблема заключается в том, что упомянутые данные находятся в сфере разных наук, функционируют по их законам со своими методологиями и своими единицами измерений, которые часто не совпадают.

Выбор единицы измерения морского потенциала

Для расчета потенциала страны в какой-либо области нередко используют показатель, выраженный в денежных единицах – как, например, при расчете ВВП. Денежные отношения пронизывают практически все сферы, поэтому любой предмет или деятельность можно охарактеризовать через его стоимость или расходы на него. Статистику по не сопоставимым друг с другом областям, выраженную в денежной форме, вполне закономерно можно суммировать в единый показатель.

Однако в случае с морской сферой денежное выражение может ввести в заблуждение. Так, стоимость выловленной в океане рыбы заведомо меньше стоимости добытой

[2] Кроме того, уравниванием терминов морская мощь и морской потенциал автор хотел понизить сугубо военно-политический оттенок, который пытаются придать слову мощь некоторые авторы, и подчеркнуть упомянутую выше идею С.Г. Горшкова о том, что морская мощь не ограничивается военно-морским флотом.

на морском шельфе нефти, что делает рыболовство малозначительным по сравнению с нефтедобычей компонентом морского потенциала. Однако рыба считается важным (хотя и не единственным) продуктом питания, а от продовольствия напрямую зависит безопасность страны. Чем больше рыбы экспортирует страна, тем сильнее она влияет на продовольственную безопасность стран-импортеров. К тому же, цены на нефть нередко сильно колеблются, что приводит к соответствующим резким изменениям важности нефтедобычи в совокупном показателе. Еще менее информативно применять денежные показатели при оценке военных компонентов. Предположим, страна А за 2 млрд евро приобрела 5 подводных лодок, а страна Б за ту же сумму купила 3 фрегата. В денежном эквиваленте военно-морская мощь обеих стран возросла одинаково. Тем не менее очевидно, что сравнивать военно-морскую мощь таким путем крайне необъективно.

Таким образом, суммирование денежных показателей всех компонентов потенциала может ввести в заблуждение, а перевод натуральных показателей различных компонентов в одну единицу измерения трудно реализовать. Необходима система, которая бы использовала одновременно и натуральные, и денежные показатели.

В рамках решения данной проблемы можно обратиться к методике оценки успеваемости студентов: их знания в каждой дисциплине оценивают по принятым в соответствующей науке критериям, затем все оценки суммируют, а полученные цифры позволяют ранжировать всех студентов по успеваемости.

В образовательном процессе оценки ставят, сравнивая знания студентов с эталоном, но для компонентов морской мощи таких эталонов не существует. Тогда критерием оценки страны в каждом компоненте могла бы быть ее доля в показателях всего мира, выраженная в процентах. Суммируя доли страны во всех компонентах, можно рассчитать ее совокупную морскую мощь относительно других стран. Чтобы избежать ошибочной интерпретации результата при суммировании процентов, более практичным будет начислять за них баллы. Например, если страна производит 5% мирового улова рыбы, то ей начисляется 5 баллов и т.д. Тогда сумма баллов будет отражать относительную важность и влияние каждой страны в морской сфере – как в целом, так и в отдельных ее компонентах.

Такой подход – не единственно возможный, но он обладает преимуществом из-за простоты и прозрачности расчета финального показателя. В каждом компоненте морской мощи используются наиболее подходящие единицы измерения (в денежной или натуральной форме). Существенный недостаток подхода заключается в невозможности рассчитать показатель для отдельной страны, если нет статистики по остальным государствам.

Определение структуры компонентов морской мощи и их веса

Логично предположить, что вес компонентов морской мощи определяется их значением, но при отсутствии единой единицы измерения значение конкретных компонентов по отношению друг к другу будет зависеть от субъективного представления об их важности. Как указывал С.Г. Горшков, «значение отдельных компонентов, составляющих морскую мощь, не является постоянным. Оно определяется конкретными историческими условиями» [*Горшков* 1979, 5].

Действительно, в условиях войны резко возрастает значение ВМФ, которое сильно уменьшается в мирное время. Очевидно, что в условиях войны практически вся гражданская деятельность в море возможна лишь под охраной ВМФ, в то время как в мирное время за помощью к флоту обращаются редко и во много меньшем масштабе. Данную закономерность подтверждает и статистика военного кораблестроения, которое резко сокращалось во всех странах после обеих мировых войн. Такая же динамика наблюдалась и после окончания холодной войны. Разумеется, когда возникает новая угроза морской деятельности государства, потребность в ВМФ возрастает. Однако вероятность возник-

новения угрозы тем выше, чем меньше военно-морская мощь этой страны. Одновременно возможность государства поддерживать необходимый уровень ВМФ во многом зависит от уровня развития судостроения, наличия большой численности занятых в морской сфере и т.д.

Исходя из сказанного, автор не видит иного выхода, кроме как субъективно определить вес каждой из трех групп компонентов морского потенциала следующим образом: на долю морских ресурсов должно приходиться примерно 10%, а две другие группы должны быть примерно равны – по 45% каждая. Небольшой вес первой группы в общем показателе объясняется тем, что природные ресурсы сами по себе приносят мало пользы. Необходимо прилагать значительные усилия, чтобы ими овладеть и защищать (группа инструменты морской мощи), а затем разработать (морская деятельность). Примерное равенство двух других групп компонентов представляется автору наиболее разумным решением, поскольку их относительное значение постоянно меняется, как уже отмечалось выше.

Следующая проблема – вес ***a*** отдельных компонентов, которые объединены в три указанные группы. Если использовать предложенный автором балльно-долевой метод, можно обойтись без установления веса каждого компонента, поскольку важность страны в каждом компоненте уже определяется объективно – на основе ее доли в мировых показателях. Чем больше компонентов будет использовано в модели, тем более объективной будет оценка совокупной морской мощи.

Проблема понятия «страна»

Особенность морской статистики заключается в том, что данные связаны со странами не совсем так, как в «сухопутной» статистике. Морская деятельность в основном происходит за пределами территории конкретных государств, в связи с чем эта статистика нередко учитывается дважды (в нескольких странах сразу) или, наоборот, не учитывается ни в какой стране.

При этом данные по зависимым регионам – таким как остров Мэн или Гренландия – часто публикуют отдельно от статистики их метрополий. Также существует ряд формально независимых территорий, которые официально ассоциированы с более крупными странами, например, Пуэрто-Рико или Маршалловы острова. Статистику данных территорий всегда отделяют от страны-патрона (США), хотя в их юрисдикции зарегистрированы многие морские производственные активы данного государства. Проблему может частично решить «укрупнение» стран-патронов за счет добавления к ним статистики разного рода связанных территорий.

Более трудная задача обусловлена глобализацией морской деятельности или прямой экономической интеграцией ряда стран: например, как рассчитывать морской потенциал стран еврозоны – для каждой страны в отдельности или для всех вместе? В данном случае любой вариант не идеален.

Статистика также не дает точного представления о позициях в морской сфере и для стран за пределами еврозоны. Например, показатель экспорта услуг морского транспорта страны (выражается в долларах США), должен бы отражать значение этой страны в мировой индустрии морского транспорта. Однако он лишь показывает объем платежей с назначением «за услуги морского транспорта», который поступил резидентам данной страны от нерезидентов и учтенных в ее статистике по методологии платежного баланса. В действительности услуги морского транспорта предоставляют через многоступенчатые структуры, зарегистрированные в различных юрисдикциях. Зачастую сами судовладельцы не оказывают данные услуги, а, например, сдают свои суда в повременную аренду (тайм-чартер). К этому необходимо добавить, что большая часть торговых судов в мире зарегистрированы под флагами иных стран, нежели стра-

ны резидентства их владельцев, а сами суда часто находятся в оперативном управлении у третьих компаний. Фирмы, которые берут суда в тайм-чартер, нередко далее сдают их в субчартер другим организациям.

В данном случае, чтобы оценить позиции страны только в одной отрасли – морского транспорта, необходимо учитывать целый ряд показателей как в денежном (экспорт услуг морского транспорта), так и в натуральном выражении (размер торгового флота как в собственности у резидентов данной страны, так и зарегистрированного под ее флагом). Даже при таком расчете определенный риск не совсем точного соотнесения статистических данных со странами сохраняется.

Также сложно определять страновую принадлежность морских ресурсов. Так, между рядом стран существуют споры в отношении конкретных акваторий – особенно в вопросах делимитации исключительных экономических зон и континентального шельфа. Соответственно, общий показатель морских ресурсов во владении у конкретных стран зависит от того, кому будет засчитана спорная площадь такой акватории. Проблему можно решить, просто учитывая спорные площади сразу всем сторонам в размере претензий каждой, то есть путем двойного счета. Даже если страна не контролирует какой-то участок акватории, но претендует на него, она создает проблемы для другой стороны при его использовании, а значит влияет на спорный участок.

Биоресурсы постоянно мигрируют между различными зонами суверенитета, также в данной сфере отсутствует регулярная и точная статистика. В связи с данными особенностями могут возникнуть сложности при определении, какие биоресурсы могут содержаться в морских зонах определенных государств. В то же время статистика запасов нефти и газа на шельфе достаточно развита и хорошо соотносится с конкретными странами, несмотря на наличие спорных акваторий.

Даже в военном компоненте существует подобная проблема: не все страны сами строят корабли для своего ВМФ. Соответственно, их военно-морская мощь в определенной мере зависит от государств – поставщиков вооружений. Как учитывать корабли иностранной постройки и нужно ли их вообще выделять? Для решения данной проблемы, можно, например, оценивать всю имеющуюся материальную базу ВМФ для каждой страны независимо от происхождения, но при этом добавить категорию объемов военного кораблестроения.

Проблема временных статистических рядов

Данные, которые характеризуют рассмотренные выше категории, измеряют по-разному. Например, вылов рыбы или судостроение измеряют за период (год, квартал, месяц), а запасы газа на шельфе или количественный состав ВМФ страны фиксируют только на конкретную дату. Данная особенность принципиально отличает расчет показателя морского потенциала от других популярных показателей, таких как ВВП, в котором используют все данные только одного вида – информацию за период. Использование в одной модели данных за период и на конкретную дату может стать поводом для критики, поскольку практически невозможно найти идеальное сочетание между такими данными.

Автор в своей модели для вычисления «индекса морской мощи 2021» использовал данные за 2020 год для тех показателей, которые измеряются за период, а для остальных – по состоянию на 1 января 2021 года. Однако при практических расчетах выявилось, что наибольшую трудность вызывает запаздывание статистических данных на различные сроки – полгода, год, полтора года и более. В результате при расчетах будет получаться или показатель со сниженной актуальностью – полутора-двухлетней давности – или, если использовать самые новые из доступных данных – «размазанный» во времени показатель.

Проблема оценки военно-морской мощи страны

По данному вопросу существует много литературы, однако мало что из нее подходит для использования в наших расчетах. Существуют две ключевые проблемы.

Во-первых, оценка военно-морского потенциала обычно подразумевает анализ боевой эффективности ВМФ, то есть его способность победить противника на море. Однако два важнейших фактора победы – управленческие таланты руководства и качество личного состава – крайне сложно формализовать в виде цифровых значений. На практике можно лишь оценить видимую материальную базу сил, способных вести войну на море. Однако без двух данных факторов любая оценка эффективности ВМФ будет неполной и вводящей в заблуждение. Так, в истории войны на море было немало случаев, когда более мощный и технически оснащенный флот во время боевых действий быстро терпел поражение именно из-за низкого качества указанных двух факторов.

Другая проблема заключается в отсутствии открытой информации по ряду важных показателей, которые характеризуют материальную базу ВМФ. Так, открытая информация о радиусе поражения корабельными системами ПВО типовых (расчетных) воздушных целей по дальности и высоте мало полезна для оценки способности ВМФ страны отражать нападение с воздуха, поскольку в реальном бою друг другу противостоят конкретные образцы военной техники, а не типовые. Понятие типовой цели также различается среди государств.

Таким образом, доступная информация позволяет оценить только некую «демонстративную» боевую мощь ВМФ – психологический эффект, который производит на экспертов или политиков набор сведений о конкретном ВМФ. Как представляется, это тоже не мало, поскольку в мирное время именно видимая боевая мощь во многом определяет способность страны проводить свою политику в Мировом океане. Чем мощнее выглядит ВМФ государства со стороны, тем более «убедительны» аргументы его дипломатов и более осторожны в своих претензиях другие страны.

Что касается способа определить состав компонентов военно-морского потенциала и какие единицы применить, чтобы выразить видимую совокупную мощь, то на практике используют несколько вариантов.

Наиболее простой вариант – сравнивать суммарное количество кораблей в составе различных ВМФ. Данный метод весьма популярен: например, можно вспомнить о цели в 600 кораблей для ВМС США, установленной в 1980-х гг., или поставленную предыдущим президентом США задачу создать флот в 355 кораблей [*Larter* 2020]. Такой подход удобен для продвижения законодательных инициатив: например, недавно в США выяснили, что китайские ВМС уже превзошли американские по количеству кораблей (360 против 297), что само по себе подразумевает необходимость для США принять ответные меры [*Lendon* 2021].

В рамках данной методики суммируются все корабли, однако боевая ценность кораблей различна. В некоторых странах много малых кораблей (ракетных катеров и т.д.), но мало крупных. В рамках метода такие ВМФ будут признаны сильнейшими, хотя и без детального анализа очевидно, что такая оценка будет ошибочной.

В аналитике такой подход использует, например, индекс военной мощи (*PowerIndex*), который ежегодно публикует Global Firepower для 140 стран. Пятерка крупнейших ВМФ в 2021 г. в данном исследовании выглядит так: Китай (777 кораблей), Россия (603), КНДР (492), США (490) и Колумбия (453).

Указанный метод дает понятный цифровой ориентир, вокруг которого можно формировать общественное мнение, но он не отвечает даже минимальному уровню объективности при анализе совокупной военно-морской мощи. Экспертное сообщество использует другой, существенно модифицированный метод – анализ ВМФ проводят не только

по общему количеству кораблей, но и по отдельным классам, а иногда с включением и других компонентов (личный состав, авиация, судостроение). Такой подход более объективен, но и он имеет серьезные недостатки.

Так, в нем обычно отсутствует видимая математическая модель оценки, а общий вывод делают на основе субъективного восприятия определенных классов кораблей. Оценка обычно ограничивается небольшим количеством анализируемых флотов – или касается только одного флота (например, см. аналитические обзоры ВМС США от исследовательского центра CSIS [CSIS 2020]).

Ежегодный индекс военной мощи США (The Index of U.S. Military Strength) от The Heritage Foundation – единственное находящееся в открытом доступе исследование, которое на основе некоей математической модели дает совокупную оценку военной мощи какой-либо страны. Индекс также включает в себя и оценку потенциала ВМС США, в котором их сравнивают с некими идеальными силами (а иногда и с другими ВМС). Оценки выставляют по пятибалльной шкале в 3-х категориях – количественный состав, боевые возможности и боевая готовность, кроме того, оценивают укрупненные классы кораблей [Heritage 2020, 394].

В данном случае оценки получаются обоснованными, достаточно прозрачными, в определенной степени они учитывают качественные характеристики кораблей. Однако возможность применения данной методики для сравнительной оценки ВМФ разных стран вызывает сомнения. Например, военную мощь ВМС США оценивают в три балла по пятибалльной шкале и, исходя из этого, неясно: обладает ли американский флот силой среднего уровня или же у ВМФ других стран оценки будут еще ниже.

Указанный метод не решает и ряд других проблем, например, каким образом распределять флоты по классам для их сравнения. Каждое государство понимает классы кораблей по-своему: например, во Франции нет класса эсминец, а в США он существует, хотя у обеих стран есть схожие по своим боевым возможностям корабли. Неясно, как объективно сравнивать ВМФ разных стран, если, например, у одной страны больше подводных лодок, а у другой – фрегатов. Также при анализе необходимо как-то учитывать и другие компоненты, например, авиацию или разницу в технологиях.

Для решения данных проблем автор предлагает использовать смешанный подход: общая оценка военно-морского потенциала состоит из суммы оценок в категориях, каждая из которых определяет способность ВМФ страны к ведению определенного вида боевых действий, например подводной войны, эскортных операций или обеспечения противоракетной обороны. В свою очередь, каждая категория представляет собой сочетание количества кораблей определенных автором классов (боевые силы) и систем вооружения, установленных на всех кораблях флота (боевые возможности). Указанным способом автор выделил 14 категорий для расчета военно-морского потенциала.

Например, категория «способность к ведению противоминных операций» определяется количеством специальных противоминных кораблей (тральщиков), а также количеством комплектов съемного противоминного оборудования, которое можно установить на корабли других классов. Дополнительно учитывается и количество вертолетов-тральщиков. Поскольку суммировать показатели в данных подкатегориях напрямую недопустимо, автор использовал процентно-долевой метод, описанный выше: рассчитывалось среднее арифметическое долей страны по всем подкатегориям в общемировых показателях в процентах. Полученное значение отражает способность данного ВМФ к ведению противоминных операций по сравнению с флотами других стран.

Таким образом, получилась система сравнительной оценки военно-морской мощи различных стран, основанная только на статических данных, которые помимо корабельного состава включают также системы вооружений, авиацию, личный состав и военное судостроение.

Индекс морской мощи 2021

В июне 2021 г. были опубликованы авторские расчеты морского потенциала 100 стран [*Поливач, Гудев* 2021]. Доклад находится в свободном доступе, поэтому ниже приводится краткое описание модели и основной результат.

Для количественного выражения совокупного морского потенциала предлагается индекс морской мощи страны, который состоит из 3-х индексов уровнем ниже. Последние характеризуют основные группы компонентов, рассмотренные в начале данной статьи: морские ресурсы (индекс морских ресурсов), инструменты морской мощи (индекс морских сил и средств) и масштаб морской деятельности (индекс морской деятельности).

Индекс морской мощи страны (ИММ) рассчитан следующим образом:

$$ИММ = ИМР + ИМС + ИМД \quad (1)$$

где ИМР – индекс морских ресурсов страны, ИМС – индекс морских сил и средств страны, ИМД – индекс морской деятельности страны.

Каждый индекс представляет собой сумму оценок страны в нескольких статистических категориях *К*, которые количественно характеризуют позиции страны в отдельных областях морской сферы. Модель (1) можно также представить как:

$$ИММ = К_1 + К_2 + \ldots + К_{40} \quad (2)$$

ИМР состоит из 4 категорий, а ИМС и ИМД из 18 категорий каждый. Всего в расчет ИММ вошло 40 категорий морской статистики.

ВМФ – важнейший, но не единственный инструмент морской мощи, поэтому был выделен дополнительный индекс ВМФ (ИВФ) в составе более общего индекса морских сил и средств. В состав ИВФ вошли 14 категорий из 18, отнесенных к ИМС.

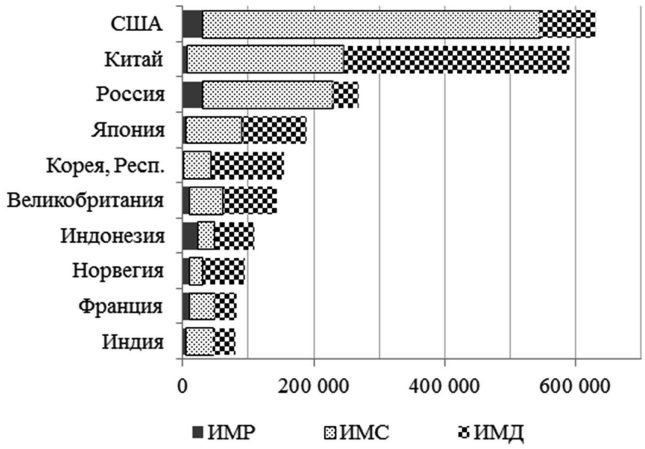
Для выставления оценки стране в каждой категории сначала определяются 100 ведущих стран согласно статистическим показателям, затем рассчитывается доля каждой в процентах в суммарном показателе сотни. За каждый 1% доли стране начисляется 1000 баллов, что становится оценкой этой страны в категории $К_n$.

После этого, как видно из формулы (2), баллы за все категории суммируются. Чем больше баллов набрала страна, тем выше ее морской потенциал, тем более она значима как морская держава, тем большее влияние она оказывает на положение дел в мире. В каждой категории сумма баллов всех стран равна 100 000, а всего в 40 категориях – 4 млн баллов.

Каждая категория состоит из одного или более рядов статистических данных. В категориях, где использовалось более одного ряда данных, доля страны определялась как среднее арифметическое долей страны во всех рядах. Всего во всех категориях было использовано 100 рядов статистических данных.

Страны, которые по состоянию на 1.01.2021 обладали крупнейшим морским потенциалом, показаны на рис. 1. Как можно заметить, морские силы и морская деятельность вносят разный вклад в совокупный показатель морской мощи у разных стран. Так, США (морская держава номер один) обладают крупнейшим в мире ВМФ, составляющим основу индекса морских сил – главного компонента американского морского потенциала, как и у находящейся на 3-м месте России.

Однако основной вклад в морской потенциал Китая, который обладает 2-м в мире военным флотом, вносит морская деятельность, в которой КНР лидирует с большим отрывом. Япония, Республика Корея и Великобритания также располагают крупными ВМФ, но и у них главный вклад вносит морская деятельность. Индонезия и Норвегия, занимающие 7-е и 8-е места, также достигли высоких мест в списке за счет масштаба своей морской деятельности, но размеры их ВМФ заметно уступают следующим за ними Франции и Индии.



ИМР – индекс морских ресурсов
ИМС – индекс морских сил и средств
ИМД – индекс морской деятельности

Рисунок 1. Ведущие морские державы в 2021 г., индекс морской мощи, структура, в баллах
Figure 1. The Rankings of the Great Sea Powers 2021. Components of the Index of Maritime Potential, points

Пока у автора в наличии только два индекса – за 2021 и 2020 гг., поэтому сравнение их динамики будет иметь ограниченную пользу для выявления общих тенденций морского развития различных стран. Кроме того, коронавирусные ограничения 2020 г. сильно и неравномерно исказили многие показатели морской деятельности.

Основные выводы для России

По показателю индекса морской мощи на 1.01.2021 (268 882 балла) Россия входила в тройку стран-лидеров (рис. 1). Однако опережающие ее США (1-е место, 632 144 балла) и особенно КНР (2-е, 592 087) заметно больше РФ вовлечены в освоение, использование и эксплуатацию пространств и ресурсов Мирового океана.

Среди основных преимуществ России – огромные морские ресурсы, по индексу которых РФ поднялась с 4-го места в 2020 г. на 2-е в текущем году за счет опережающего по сравнению с другими странами прироста запасов нефти и газа, открытых на шельфе. Данная особенность также вывела Россию на 2-е место в мире по запасам газа и на 7-е по запасам нефти. По площади морских зон суверенитета РФ превосходят только Индонезия (архипелажные воды) и Канада (внутренние воды канадского арктического архипелага), а по исключительной экономической зоне – США и Франция за счет своих заморских территорий.

В тоже время Россия слабо вовлечена в освоение данных пространств и их ресурсов. Например, по добыче нефти на шельфе РФ (15-е место) значительно уступает Саудовской Аравии (в 6 раз), Бразилии (в 5 раз), Норвегии (в 3,5 раза), США (в 3,5 раза). По добыче газа на шельфе мы (18-е место) уступаем Ирану (в 10 раз), Катару (в 9,5 раз), Норвегии (в 7 раз), Австралии (6,5 раз) и ряду других стран. Среди причин отставания – не только более сложные условия разработки на российском шельфе, но и регуляторный режим, который исключает частные компании из его освоения, и, конечно, недостаток российских технологий и оборудования, которые нельзя заменить иностранными из-за антироссийских санкций.

В индексе морской деятельности Россия не входила в десятку крупнейших, хотя по итогам 2020 г. она поднялась с 12-го на 11-е место. Россия отстает от безусловного лидера КНР в 8,6 раз. Однако на момент расчета данного индекса в июне 2021 г. были опубликованы не все необходимые данные за 2020 г. С их учетом Россия, вероятно, все же выйдет на 10-е место.

РФ имеет неплохие позиции в категории вылова в море водных биоресурсов (5-е место) и их экспорта (4-е). Одновременно очень негативная ситуация сложилась в отрасли разведения аквакультуры в море: Россия (24-е место) отстает от лидера (КНР) в 566 раз. Индонезия, Южная Корея, Филиппины, Норвегия, Япония и Вьетнам также значительно обгоняют РФ в данной области. Впрочем, у такого положения дел есть и объективная причина – климатические условия в морях, которые окружают указанные страны, больше подходят для разведения аквакультур, чем в российских.

Роль российских моряков в мировом торговом флоте весьма заметна. Учитывая недавно опубликованные данные, РФ занимает 2-е место по их количеству как в категории командный состав, так и рядовой состав. Однако по размеру торгового флота во владении наша страна находится лишь на 18-й позиции, отставая от лидера (Греции) в 16 раз, а по размеру зарегистрированного под российским флагом торгового флота стоит лишь на 23-ей позиции. По темпам пополнения своего торгового флота новопостроенными судами РФ также занимает невысокое 15-е место, в связи с чем не стоит ожидать заметного роста роли России в мировой отрасли морского транспорта в ближайшие годы.

По объемам гражданского судостроения РФ отстает от лидера (КНР) в 88 раз, значительно уступая следующим за ней Южной Корее и Японии, последней – в 48 раз. Стоит отметить, что идущие на 4-м месте Филиппины уступают Японии в 21 раз. Одновременно Россия поднялась в данной категории. с 18-го места на 9-е по итогам 2020 г. благодаря запуску производства на крупной дальневосточной верфи «Звезда». Портфель заказов верфи может позволить РФ выйти на 4-е место в гражданском судостроении в ближайшие годы. Чтобы побороться за 3-е место, России предстоит приложить на два порядка более интенсивные усилия.

По размеру инструментов морской мощи РФ уверенно занимает 3-е место, опережая идущую следом Японию в 2,3 раза, хотя и уступает КНР в 1,2 раза и США в 2,6 раза. В данном индексе Россия – безусловный лидер в категории флота ледовитых морей, который владеет более чем 46% всего мирового тоннажа таких судов. СССР обладал крупнейшим в мире научно-исследовательским флотом, и советское наследие позволяет России сохранять 2-е место в этой категории. Однако слабые темпы строительства новых судов данного класса вероятно приведут к тому, что в ближайшие годы РФ окажется позади идущей сейчас на 3-м месте Норвегии. Также 6-е место России в категории сил, которые обеспечивают поддержание национального правового порядка на море (морская пограничная служба, береговая охрана и рыбоохрана), явно не соответствует 2-му месту страны в индексе морских ресурсов.

По индексу военно-морского флота Россия входит в тройку лидеров, что также обусловлено советским наследием. Особенно это заметно в категории боевых кораблей ближней зоны, где РФ занимает 1-е место, а также в категориях подводных сил и противоминных операций (2-е место). Однако по совокупному индексу ВМФ Россия уже уступает КНР (2-е место) в 1,84 раза, а лидеру (США) – в 4,2 раза. По итогам 2020 г. в категории военного судостроения Россия поднялась с 6-го на 3-е место, но в основном данная динамика обусловлена переносом ввода в строй некоторых крупных кораблей с 2019 на 2020 г. Небольшой отрыв от идущей на 4-м месте Японии и продолжающее списание советского военно-морского наследия не позволяет надеяться, что 3-е место России в совокупном индексе ВМФ устойчиво. Заметим также, что она отсутствует в такой наукоемкой ка-

тегории индекса ВМФ, как противоракетная оборона корабельного базирования, тогда как Япония имеет подобные системы (производства США). Китай также пока не заявлял о наличии у него аналогичных систем. России трудно будет сохранить статус полноценной ядерной сверхдержавы в обозримом будущем, если у нее не будет системы ПРО корабельного базирования.

Таким образом, Россия занимает достаточно высокое место в общем индексе в значительной степени благодаря своему ВМФ, ледокольному и научно-исследовательскому флоту и морским ресурсам. В то же время ее вовлеченность в освоение и использование пространств и ресурсов Мирового океана, а также роль и место в международной морской экономике остается скромной по сравнению с не столь крупными странами или государствами с ограниченными морскими ресурсами – такими как Южная Корея, Япония, Норвегия, Греция или Сингапур.

Фактически Россия пребывает в статусе региональной морской державы, а ее присутствие в Мировом океане ограничено. Можно предположить, что в тех отраслях, где отставание РФ от лидеров достигает значений в 10 раз и более, России вряд ли удастся их догнать даже в среднесрочной перспективе – особенно при том, что в морской сфере суммарная доля тройки лидеров в каждой категории обычно равна или превышает суммарную долю всех остальных стран. В то же время в некоторых областях (гражданское судостроение, экспорт рыбы и морепродуктов) принимаемые меры могут дать положительный результат в ближайшее время. Тем не менее, роль России в Мировом океане в среднесрочном периоде вряд ли возрастет. Одновременно важно не упустить своих позиций в тех сферах, где РФ лидирует (ледокольный флот) или входит в число передовых государств (атомный и научно-исследовательский флоты).

* * *

Подводя итог, стоит отметить, что рассмотренные в статье методологические проблемы – наиболее принципиальные из тех, которые возникают при попытке количественно оценить и сравнить морской потенциал различных стран. Разумеется, существуют и другие сложности. Однако в целом они могут быть в приемлемой степени разрешены, хотя в ряде аспектов решения, скорее всего, продолжат носить субъективный характер.

Предложенная авторская модель количественной оценки морского потенциала стран на основе интегрального показателя (индекса морской мощи) может вполне объективно отражать положение дел во всех сферах использования Мирового океана. Она наглядно показывает, какое место те или иные страны – в том числе Россия – занимают в сфере использования и эксплуатации пространств и ресурсов Мирового океана, своих прибрежных акваторий, и какой морской потенциал в военной и в гражданской сферах они могут проецировать на существующую систему международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горшков С.Г. (1979). Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1979. 416 с.

Поливач А.П., Гудев П.А. (2021). Морские державы 2021: индекс ИМЭМО РАН. М.: ИМЭМО РАН. 178 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0592-5.

CSIS (2020). U.S. Military Forces in FY 2021: Navy. November 9, 2020. (https://www.csis.org/analysis/us-military-forces-fy-2021-navy).

Heritage (2020). The 2021 Index of U.S. Military Strength. The Heritage Foundation. November 17, 2020. (https://www.heritage.org/military-strength/download-the-index).

Larter D.B. (2020). In a Quest for 355 Ships, US Navy Leaders are Unwilling to Accept a Hollow Force // DefenseNews. January 13, 2020. (https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/surface-navy-association/2020/01/13/in-a-quest-for-355-ships-us-navy-leaders-are-unwilling-to-accept-a-hollow-force).

Lendon B. (2021). China Has Built the World's Largest Navy. Now What's Beijing Going to Do With It? CNN. March 6, 2021. (https://edition.cnn.com/2021/03/05/china/china-world-biggest-navy-intl-hnk-ml-dst/index.html).

Mahan A.T. (1894). The Influence of Sea Power upon History 1660-1783. N.Y.: Dover Publications (Reprint) (1987). 656 P.

OECD (2021). Sustainable Ocean Economy Database. (https://stats.oecd.org/index.aspx?datasetcode=OCEAN).

OECD (2016). The Ocean Economy in 2030. April 27, 2016. (https://www.oecd.org/sti/inno/the-ocean-economy-in-2030-9789264251724-en.htm).

UNCTAD (2020). Review of Maritime Transport 2020. (https://unctad.org/topic/transport-and-trade-logistics/review-of-maritime-transport).

UNCTADStat (2021). Maritime Transport. (https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx).

REFERENCES

CSIS (2020). U.S. Military Forces in FY 2021: Navy. November 9, 2020. (https://www.csis.org/analysis/us-military-forces-fy-2021-navy).

Global Firepower (2021). 2021 Military Strength Ranking. (https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php).

Gorshkov (1979). *The Sea Power of the State.* Annapolis: Naval Institute Press. 290 p.

Heritage (2020). The 2021 Index of U.S. Military Strength. The Heritage Foundation. November 17, 2020. (https://www.heritage.org/military-strength/download-the-index).

Larter D.B. (2020). In a Quest for 355 Ships, US Navy Leaders are Unwilling to Accept a Hollow Force. *DefenseNews*. January 13, 2020. (https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/surface-navy-association/2020/01/13/in-a-quest-for-355-ships-us-navy-leaders-are-unwilling-to-accept-a-hollow-force).

Lendon B. (2021). China Has Built the World's Largest Navy. Now What's Beijing Going to Do With It? *CNN*. March 6, 2021. (https://edition.cnn.com/2021/03/05/china/china-world-biggest-navy-intl-hnk-ml-dst/index.html).

Mahan A.T. (1894). *The Influence of Sea Power upon History 1660-1783.* New York: Dover Publications (Reprint) (1987). 656 p.

OECD (2021). Sustainable Ocean Economy Database. (https://stats.oecd.org/index.aspx?datasetcode=OCEAN).

OECD (2016). The Ocean Economy in 2030. April 27, 2016. (https://www.oecd.org/sti/inno/the-ocean-economy-in-2030-9789264251724-en.htm).

Polivach A.P., Gudev P.A. (2021). *The IMEMO Sea Powers' Rankings 2021*. Moscow: IMEMO. DOI: 10.20542/978-5-9535-0592-5.

UNCTAD (2020). Review of Maritime Transport 2020. (https://unctad.org/topic/transport-and-trade-logistics/review-of-maritime-transport).

UNCTADStat (2021). Maritime Transport. (https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx).

Информация об авторе

Поливач Александр Петрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., 23. Москва, 117997 Москва, E-mail: apolivach@imemo.ru

About the author

Alexander P. Polivach, Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Department of Global Economic Problems and Economic Policy, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: apolivach@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.09.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 14.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 22.11.2021

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2021. № 6. С. 150–164
SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD, 2021, no. 6, pp. 150–164

DOI: 10.31857/S086904990017878-7

Оригинальная статья / Original Article

Интеллектуальный анализ данных в общественно-географических исследованиях[1]

© В.И. БЛАНУЦА

Блануца Виктор Иванович, Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия), blanutsa@list.ru

Общественная география нацелена на познание территориальной организации общества. В ней используют разные методы, в том числе интеллектуальный анализ данных, однако в мировой науке отсутствует обобщение опыта применения таких методов. Цель исследования – анализ мирового массива научных статей по данной проблематике для выявления приоритетов, алгоритмов и тематических направлений с их возможностями и ограничениями. С помощью авторского способа семантического поиска, который опирается на машинное обучение, в восьми библиографических базах данных выявлено около двух сотен статей, опубликованных в последние два десятилетия. Их обобщение позволило выявить хронологический и хорологический приоритеты, а также установить, что для интеллектуального анализа геоданных применялось ограниченное количество алгоритмов, которые могут быть объединены в группы нейросетевых, эволюционных, решающих деревьев, роевого интеллекта и опорных векторов методы. Эти алгоритмы использовали в пяти тематических направлениях: пространственно-урбанистическом, регионально-типологическом, районологическом, геоиндикационном и территориально-коннекционном. Приведены основные возможности и ограничения по каждому направлению.

Ключевые слова: искусственная нейронная сеть, генетический алгоритм, роевой интеллект, случайный лес, машина опорных векторов, территориальная экспансия городов, типология регионов, социально-экономическое районирование, геоиндикация, пространственное взаимодействие

Цитирование: Блануца В.И. (2021) Интеллектуальный анализ данных в общественно-географических исследованиях // Общественные науки и современность. № 6. С. 150–164. DOI: 10.31857/S086904990017878-7

[1] Работа выполнена в Институте географии им. В. Б. Сочавы СО РАН за счет средств Государственного задания (№ регистрации темы АААА-А17-117041910166-3). The work was carried out at the V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences funded by the State assignment (registration number of the topic: AAAA-A17-117041910166-3).

Intellectual Data Mining in Socio-Geographic Research

© V. BLANUTSA

Viktor I. Blanutsa, V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia), blanutsa@list.ru

Abstract. In social geography, aimed at understanding the territorial organization of society, various methods are used, including data mining. However, there is no generalization of the experience of using such methods in world science. Therefore, the purpose of this article is to analyze the global array of scientific articles on this issue to identify priorities, algorithms and thematic areas with their capabilities and limitations. Using the author's method of semantic search based on machine learning, about two hundred articles published in the last two decades have been identified in eight bibliographic databases. Their generalization made it possible to identify chronological and chorological priorities, as well as to establish that a limited number of algorithms had been used for the geospatial data mining, which can be combined into groups of neural network, evolutionary, decision trees, swarm intelligence and support vector methods. These algorithms were used in five thematic areas (spatial-urban, regional-typological, area-based, geo-indicative and territorial-connective). The main features and limitations in each direction are given.

Keyords: artificial neural network, genetic algorithm, swarm intelligence, random forest, support vector machine, urban spatial expansion, regional typology, socio-economic regionalization, geo-indication, spatial interaction

Citation: Blanutsa V. (2021) Intellectual Data Mining in Socio-Geographic Research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost',* no. 6, pp. 150–164. DOI: 10.31857/S086904990017878-7 (In Russ.)

Введение

Под интеллектуальным анализом данных понимается применение алгоритмов искусственного интеллекта для того, чтобы извлечь скрытые закономерности (структуры) из исходных данных. Следует учитывать, что не все алгоритмы искусственного интеллекта позволяют обнаруживать новое знание. Более того, оперирование геопространственными данными, для которых характерны территориальная локализация, пространственная автокорреляция, иерархическая организация, географическая маршрутизация и пространственно-временная трансформация, дополнительно ограничивает возможности интеллектуального анализа [*Atluri et al.* 2017; *Li et al.* 2016; *Wang, Eick* 2018; *Wylie et al.* 2019]. В связи с данной особенностью в географических науках еще не сформировалось полное представление о том, какие именно алгоритмы искусственного интеллекта, в какой мере и по каким конкретным тематическим направлениям можно использовать для извлечения скрытых пространственно-временных структур из геоданных. Первым шагом на пути решения проблемы может стать обобщение мирового опыта интеллектуального анализа данных. До настоящего времени в общественной географии, нацеленной на познание территориальной организации общества, такое обобщение не проводили. Для сравнения можно отметить, что в смежных научных дисциплинах начали появляться подобные обобщения – например, в региональной экономике [*Блануца* 2020].

Данное исследование предпринято с целью обобщить мировой опыт применения интеллектуального анализа данных в общественно-географических исследованиях для того, чтобы выявить приоритеты, алгоритмы и тематические направления с их возможностями и ограничениями. Для достижения цели потребовалось решить сле-

дующие задачи: выявить массив (корпус) публикаций, в которых приведены эмпирические результаты изучения территориальной организации общества посредством интеллектуального анализа данных; определить хронологические и хорологические (по странам) приоритеты в выявленных исследованиях; сформировать список применяемых алгоритмов и отметить их сильные и слабые стороны; сгруппировать публикации в несколько тематических направлений и констатировать их возможности и ограничения.

Понимание сущности интеллектуального анализа и в целом искусственного интеллекта постоянно менялось с середины прошлого века [*Haenlein, Kaplan* 2019]. В настоящее время к алгоритмам искусственного интеллекта относят методы, которые опираются на машинное обучение [*Cristianini* 2014]. Впервые машинное обучение в общественно-географических исследованиях применили при построении искусственной нейронной сети (Artificial Neural Network, ANN), которая моделировала межрегиональные телекоммуникационные потоки в Австрии [*Fischer, Gopal* 1994]. На смену единичным экспериментам пришло значительное увеличение количества географических исследований в XXI в. (например, по геоурбанистике до 2001 г. было опубликовано 2 статьи, посвященные применению ANN, а в 2001–2016 гг. – 138 [*Grekousis* 2019]). Теоретическое осмысление возможностей машинного обучения происходило от нейросетевой парадигмы пространственного анализа [*Fischer* 1998] до концепции географического искусственного интеллекта [*Janowicz et al.* 2020].

Материалы и методы

При решении первой задачи рассматривались только журнальные статьи, так как по ним можно получить все тексты с иллюстрациями и приложениями, в то время как по другим видам научных публикаций (монографии, сборники статей и материалы конференций) не всегда доступны все материалы. Автор отбирал статьи с эмпирическими результатами исследования конкретной территории, что позволило идентифицировать возможности и ограничения применяемых алгоритмов, тогда как в постановочных и теоретических работах из-за отсутствия примеров сложно провести такую идентификацию. Приведенные далее выводы относятся только к массиву статей с эмпирическими данными, которые были опубликованы в научных журналах во всем мире. В качестве хронологического ограничения выбраны последние двадцать лет (2001–2020 гг.), поскольку ранее статей по заданной проблематике почти не было. Для поиска статей использовались одна отечественная и семь международных библиографических баз данных (www.elibrary.ru, www.link.springer.com, www.onlinelibrary.wiley.com, www.sciencedirect.com, www.login.webofknowledge.com, www.scopus.com, www.journals.sagepub.com, www.ideas.repec.org).

Массив статей формировался с помощью авторского алгоритма семантического поиска публикаций в библиографической базе данных [*Блануца* 2020]. У алгоритма существует лимитирующий фактор в связи с тем, что он отбирает публикации только на кириллице и латинице. Научные статьи с использованием другого алфавита (китайского, арабского и т.д.) остались вне анализа. Другим сдерживающим фактором стало использование только восьми баз данных, которые охватывают большинство, но не все статьи в мире.

Приоритеты

Семантический поиск, проведенный 25 июня 2021 г., позволил выявить 192 общественно-географические статьи (2001–2020 гг.) по рассматриваемой проблематике. Статьи опубликованы в 99 журналах (в том числе в 22 географических изданиях). Больше всего исследований пред-

ставлено в журналах «Computers, Environment and Urban Systems» (19 статей), «International Journal of Geographical Information Science» (16) и «Environment and Planning B: Planning and Design» (7). Если каждую статью отнести к году ее публикации (рис. 1), можно зафиксировать хронологический приоритет: увеличение интереса (восходящий тренд) к применению интеллектуального анализа в общественно-географических исследованиях.

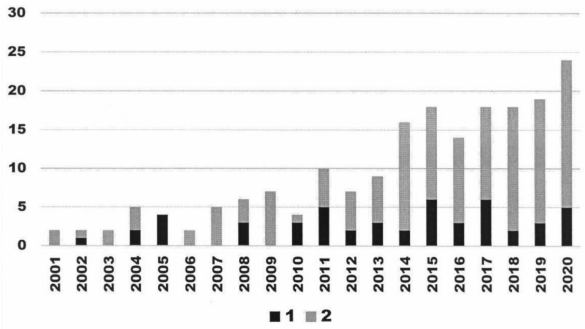


Рисунок 1. Изменение ежегодного количества статей по использованию интеллектуального анализа данных в общественно-географических исследованиях, результаты которых опубликованы в географических (1) и других (2) научных журналах во всем мире в 2001–2020 гг.

Figure 1. Change in the annual number of articles on the use of data mining in socio-geographical research, the results of which were published in geographical (1) and other (2) scientific journals around the world in 2001–2020

Источник: *составлено автором.*
Source: *compiled by the author.*

Для определения хорологического приоритета можно использовать аффилиацию авторов выявленных статей. При наличии у статьи соавторов из разных стран публикация как единица счета делилась на количество соавторов; например, при четырех авторах из разных стран на каждое государство приходилось по 0,25 статьи. Интерес к рассматриваемым исследованиям проявили в 34 странах, из них в 11 странах подготовлено по четыре и более статей (рис. 2). Основным хорологическим трендом стало доминирование публикаций из Китайской Народной Республики.

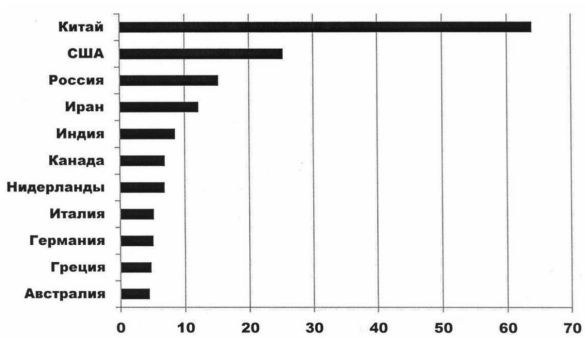


Рисунок 2. Ранжирование стран по количеству опубликованных статей (не менее четырех в 2001–2020 гг.; отнесение к стране по аффилиации автора) с результатами применения интеллектуального анализа данных в общественно-географических исследованиях

Figure 2. Ranking of countries by the number of published articles (at least four in 2001–2020; attributed to the country by affiliation of the author) with the results of the use of data mining in socio-geographical research

Источник: *составлено автором.*
Source: *compiled by the author.*

Алгоритмы

В мировом массиве статей представлены результаты изучения территориальной организации общества с помощью 13 алгоритмов интеллектуального анализа. Наиболее часто авторы применяли искусственную нейронную сеть в виде многослойного персептрона (Multi-Layer Perceptron, MLP; 69 статей и еще 14 публикаций по сочетанию MLP с другими методами) и самоорганизующихся карт (Self-Organizing Maps, SOM; 44 и 1 статья). Менее распространены генетический алгоритм (Genetic Algorithm, GA; 18 и 6 статей), случайный лес (Random Forest, RF; 9 и 10), машина опорных векторов (Support Vector Machine, SVM; 8 и 9), оптимизация муравьиной колонии (Ant Colony Optimization, ACO; 8 и 2), оптимизация роя частиц (Particle Swarm Optimization, PSO; 5 и 2), сверточная нейронная сеть (Convolutional Neural Network, CNN; 3 и 3), искусственная иммунная система (Artificial Immune System, AIS; 3 и 1), дерево решений (Decision Tree, DT; 1 и 2), имитация отжига (Simulated Annealing, SA; 0 и 4), алгоритм летучих мышей (Bat Algorithm, BA; 1 и 1) и искусственная пчелиная колония (Artificial Bee Colony, ABC; 0 и 1). В большинстве исследований использовался один алгоритм (169 статей), но в некоторых работах применялось два (15), три (6) и четыре (2) метода. Перечисленные алгоритмы отличаются друг от друга, но для краткой характеристики их можно объединить в пять групп.

Нейросетевые алгоритмы (MLP, SOM, CNN). При разработке данной группы алгоритмов за основу взяли нейронную сеть человека. Персептрон состоит из нескольких слоев элементов (узлов, «нейронов») – входного, скрытого и выходного – и взвешенных линий связи («синапсов») между элементами соседних слоев. Основная задача заключается в поиске закономерностей во входных данных, для чего с помощью обучения корректируется вес синапсов. Обучение может быть контролируемым (используются помеченные данные), частично контролируемым (маркируется только часть учебного набора данных), неконтролируемым (данные никак не маркируются) и с подкреплением (сеть получает поощрения за правильные решения) [*Grekousis* 2019]. С некоторой условностью можно различать поверхностное (один скрытый слой) и глубокое (несколько скрытых слоев) обучение. В анализируемом массиве публикаций преобладало поверхностное обучение (76 из 83 статей). Основными преимуществами MLP можно назвать работу с разными видами данных (включая космические снимки и картографические изображения) и выявление нелинейных зависимостей между входом и выходом. К главным недостаткам следует отнести вычисления по принципу «черного ящика», что затрудняет интерпретацию и визуализацию полученных результатов. Для решения проблемы визуализации Т. Кохонен [*Kohonen* 2001] разработал самоорганизующиеся карты, которые позволяют проецировать входные многомерные данные на двумерное пространство с сохранением входных топологических отношений. В итоге получается «карта» (сетка) нейронов в виде шестиугольников или прямоугольников. Еще один вид ANN – сверточная нейронная сеть – представляет собой многослойную уплотняющую фильтрацию входных данных для генерации на выходе абстрактных понятий [*LeCun et al.* 1989]. При изучении территориальной организации общества CNN используют редко – например, для оценки бедности по снимкам дистанционного зондирования [*Wu, Tan* 2019] и дезагрегирования социально-экономических данных по землепользованию [*Yao et al.* 2020].

Эволюционные алгоритмы (GA, AIS, SA). Данная группа основана на искусственной имитации процессов естественного отбора. Вне ANN в анализируемых публикациях наиболее часто используют генетический алгоритм [*Mitchell* 1996], который опирается на выживание наиболее приспособленных индивидов (решений) в ходе генерирования новой популяции за счет операторов размножения, скрещивания и мутации. Известен ряд ге-

ографических разновидностей GA, например, «пространственный генетический алгоритм» [*Qiu et al.* 2018] и «самоадаптивный генетический алгоритм роста городов» [*Liu, Feng, Pontius* 2014]. К недостаткам метода можно отнести неопределенность с остановкой алгоритма и тенденцию сходимости к локальному, а не глобальному оптимуму. Второй алгоритм данной группы копирует работу иммунной системы млекопитающих по выработке антител (решателей, классификаторов) для распознавания антигенов (географических ситуаций). Метод опирается на клонирование, мутацию и селекцию антител [*De Castro, Timmis* 2002]. В ходе мутации происходит обучение системы для выработки «зрелых антител», с помощью которых распознают неизвестные антигены. В анализируемых исследованиях представляют интерес «новый иммунный клональный алгоритм» [*Ma, Zhao* 2015] и «искусственная иммунная система обнаружения динамических правил перехода к урбанизированной территории» [*He et al.* 2015]. Алгоритм имитации отжига используют редко – в рассматриваемых работах его применяют только для верификации основных алгоритмов. Он не опирается на эволюционные процессы, а имитирует физический механизм кристаллизации вещества при отжиге (нагрев и контролируемое охлаждение) металлов, что позволяет обходить локальные и достигать глобальных оптимумов по аналогии с естественным отбором.

Алгоритмы роевого интеллекта (ACO, PSO, BA, ABC). Методы роевого интеллекта имитируют коллективное децентрализованное (самоорганизующееся) перемещение живых организмов (агентов) для достижения определенной цели при косвенном обмене информацией. В общественно-географических исследованиях чаще других применяют алгоритм оптимизации муравьиной колонии [*Dorigo et al.* 1999], который воспроизводил поиск муравьями оптимального маршрута от колонии к пище посредством маркировки предпочтительных дорог большим количеством феромона (продукты внешней секреции, обеспечивающие косвенный обмен информацией). Данный метод позволил, к примеру, оптимизировать территориальное распределение землепользования при различных сценариях развития [*Liu, Tang et al.* 2014] и прогнозировать пространственные пределы разрастания города [*Wang et al*. 2020]. Также в данную группу алгоритмов входит оптимизация роя частиц – имитация движения в стае птиц или косяке рыб, которое позволяет отдельным особям или частицам занимать более выгодное положение и менять направление перемещения роя с целью поиска наилучших решений. С его помощью можно моделировать политические последствия трансформации сельскохозяйственных территорий [*Liu et al.* 2017] и другие изменения в землепользовании [*Liu et al.* 2013]. Аналогичные оптимизационные задачи решаются с применением алгоритмов летучих мышей и пчелиной колонии [*Cao et al. 2016; Naghibi et al.* 2016].

Алгоритмы решающих деревьев (RF, DT). Основной метод – «дерево обучения принятия решений» («дерево решений») – в анализируемом массиве встречается редко [*Basse et al.* 2016], а его разновидность «случайный лес» относительно часто. Данный распространенный метод представляет собой алгоритм машинного обучения, который создает множество («лес») не коррелируемых деревьев распределения объектов по классам с выбором оптимального результата путем голосования по большинству [*Breiman* 2001]. В общественно-географических исследованиях алгоритм случайного леса применяли, например, для прогнозирования изменения землепользования при различных сценариях социально-экономического развития [*Gounaridis et al.* 2019] и оценки численности населения [*Brabyn, Jackson* 2019]. Алгоритм обладает такими преимуществами, как интерпретируемость, масштабируемость и возможность оперировать измеренными в разных шкалах показателями, а главный недостаток связан с большим размером получаемой модели.

Машина опорных векторов (SVM). Алгоритм нацелен на построение гиперплоскости, которая оптимально разделяет объекты (векторы) на классы за счет максимизации (в ходе обучения) расстояния (зазора) между гиперплоскостью и ближайшими векторами, которые

названы опорными [*Vapnik* 1998]. Метод позволяет минимизировать среднюю ошибку классификации за счет максимизации зазора, однако он зависит от информационного шума (ошибочных векторов), что приводит к созданию неправильной гиперплоскости. В анализируемом массиве SVM использовали, к примеру, для прогнозирования городской экспансии [*Karimi et al.* 2019] и верификации результатов других алгоритмов [*Su et al.* 2017].

Направления

Все общественно-географические задачи, которые решались с помощью алгоритмов интеллектуального анализа, можно объединить в четыре общенаучные группы: имитация, классификация, оптимизация и прогнозирование. Районирование территории отнесено к классификации, а моделирование существующей ситуации – к имитации. В 143 статьях решалась только одна задача, в 7 – две и в 1 – три задачи. Среди исследований, направленных на решение двух задач, чаще всего сочетались имитация и прогнозирование (41 статья). Наибольшее внимание уделялось имитации, а наименьшее – оптимизации (таб. 1).

Таблица 1

Количество журнальных статей (2001–2020 гг.), в которых представлены результаты применения алгоритмов интеллектуального анализа для решения задач общественно-географического исследования[2]

Table 1

The number of journal articles (2001–2020) presenting the results of the use of data mining algorithms to solve tasks of socio-geographical research

Алгоритмы	Задачи			
	Имитация	Классификация	Оптимизация	Прогнозирование
Нейросетевые	80	51	0	31
Эволюционные	22	0	7	8
Решающих деревьев	22	0	0	6
Роевого интеллекта	15	0	8	3
Опорных векторов	16	0	0	4

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by author.*

По общественно-географическому содержанию все анализируемые исследования можно разделить на пять непересекающихся тематических направлений: пространственно-урбанистическое, регионально-типологическое, районологическое, геоиндикационное и территориально-коннекционное. В первом направлении применялись пять алгоритмов, в двух последних – по два, а во втором и третьем – по одному алгоритму (таб. 2), что на перспективу ставит проблему оценки возможности использования более широкого спектра алгоритмов искусственного интеллекта во втором и последующих направлениях. Кроме этого, интеллектуальный анализ данных не ограничивается 13 алгоритмами, примененными в общественно-географических исследованиях. Поэтому предстоит изучить возможность использовать остальные методы (рекуррентной нейронной сети, обучения

[2] В одной статье могут быть представлены несколько алгоритмов для решения одной и более задач или один алгоритм для решения нескольких задач. Поэтому общее количество статей в таблице превышает количество выявленных статей.

ассоциативным правилам и др. [*Полетаева* 2020]), а также все методы – в других тематических направлениях общественной географии [*Шарыгин, Столбов* 2020].

Таблица 2

Количество журнальных статей (2001–2020 гг.), посвященных применению алгоритмов интеллектуального анализа в пяти направлениях общественно-географических исследований[3]

Table 2

The number of journal articles (2001–2020) on the application of data mining algorithms in five areas of socio-geographical research

Алгоритмы	Направления				
	Первое	Второе	Третье	Четвертое	Пятое
Нейросетевые	77	21	14	9	7
Эволюционные	28	0	0	0	0
Решающих деревьев	19	0	0	3	1
Роевого интеллекта	17	0	0	0	0
Опорных векторов	17	0	0	0	0

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by author.*

Пространственно-урбанистическое направление (139 статей). В географических науках уделяют повышенное внимание изучению территориальной экспансии городов [*Triantakonstantis, Mountrakis* 2012], а для пространственно-временн***о***го моделирования их роста весьма перспективно применение алгоритмов интеллектуального анализа данных [*Grekousis* 2019]. Лишь в данном направлении были использованы все 13 алгоритмов. Наиболее часто применялись следующие методы: MLP (69 статей), GA (23), SVM (17), RF (16) и ACO (10). Во многих исследованиях (66 статей) рассматриваемые алгоритмы встраивали в клеточные автоматы (Cellular Automata, CA). Ранее такие автоматы относились к искусственному интеллекту (см. игру «Жизнь» [*Adamatzky* 2010]), но в данном анализе это не сделано из-за отсутствия машинного обучения. Искусственная жизнь развивается благодаря тому, что последующее состояние клетки (прямоугольной ячейки) зависит от существующего состояния самой клетки и ее соседей. Зависимость определяют «правила перехода», которые могут генерироваться разными способами (включая рассматриваемые алгоритмы), и размером «окрестности» (количеством соседей). В данное направление включены исследования с правилами перехода на основе машинного обучения, состоянием клеток в виде дихотомии «урбанизированная – не урбанизированная территория» или трех и более типов землепользования, а также использованием социально-экономических переменных для построения правил. Задача состоит в том, чтобы для каждой не урбанизированной клетки определить, станет ли она урбанизированной и когда это произойдет.

В анализируемом массиве территориальный рост городов фиксировался по космическим снимкам Земли (преимущественно со спутников Landsat), на которых каждый пиксель (в основном 30х30 м) был ячейкой, а степень трансформации ячеек ставили в зависимость от расстояния до различных социально-экономических объектов (центра города, железнодорожной станции, автомагистрали и др.). С помощью рассматриваемых алго-

[3] Каждая анализируемая статья относилась только к одному направлению, но в одной статье могли рассматриваться несколько алгоритмов. Направления: первое – пространственно-урбанистическое, второе – регионально-типологическое, третье – районологическое, четвертое – геоиндикационное, пятое – территориально-коннекционное.

ритмов строили модель перехода ячеек из одного состояния (класса землепользования) в другое за несколько лет («обучение»), а затем предлагали прогноз на последующие годы, по которым имелись спутниковые снимки. Сравнение прогноза с действительностью позволило оценить точность моделирования и внести в модель необходимые корректировки. Основным преимуществом клеточных автоматов и других способов (определение правил перехода каждой ячейки без учета ее соседей – 73 статьи) можно назвать повышенную точность моделирования разрастания городов по сравнению с традиционными методами (логистическая регрессия, цепь Маркова и др.), которая достигает 96,64% (город Ипсуич, Австралия; модель MLP-CA) [*Lu et al.* 2020]. Другое преимущество связано с возможностью обрабатывать разнокачественные данные (официальная статистика, расстояния на картах, космические снимки, а также пропуски данных). К недостаткам можно отнести (а) выявление корреляционных, а не причинно-следственных связей [*Grekousis 2019*], (б) отсутствие инвариантных правил перехода (имитация конкретной географической ситуации, а не построение общей модели для всех ситуаций) и (в) игнорирование структуры землепользования внутри ячейки [*Qian et al.* 2020].

Регионально-типологическое направление (21 статья). Объединение административно-территориальных единиц в однородные группы (кластеры) по заданному набору признаков часто применяют для познания территориальной организации общества [*Бланца* 2018]. В анализируемом массиве с данной целью были использованы в основном самоорганизующиеся карты (20 статей). С помощью SOM идентифицировали, например, группы итальянских регионов по особенностям внедрения «умных» технологий [*Colantonio, Cialfi* 2016] и типы региональных инновационных систем Европы [*Hajek et al.* 2014]. Эвристические возможности данного направления связаны с визуализацией и интерпретацией кластеров, а ограничивает ее невозможность (г) автоматически («без учителя») генерировать образ депрессивного или другого проблемного региона, (д) получать обоснованную иерархическую структуру (тип, подтип и т.д.) и (е) создавать новые (в том числе размытые) границы, не связанные с исходными границами регионов. Возможно, со временем снять некоторые ограничения позволит развитие идеи, заложенной в проекте GeoSOM [*Henriques et al.* 2012].

Районологическое направление (14 статей). В его основе лежит выявление специфических и целостных территориальных образований (районов) [*Бланца* 2018]. Для идентификации районов использовались SOM (11 статей), MLP (2) и CNN (1). Интересные решения были получены при выделении промышленных районов вертикальной и горизонтальной специализации в Италии [*Carlei, Nuccio* 2014], а также районов социального взаимодействия из контекста, генерируемого пользователями Twitter в городах Амстердам, Бостон и Джакарта [*Psyllidis et al.* 2018]. Главное достоинство данного направления – интеграционный потенциал, который позволяет объединить результаты всех остальных направлений, а среди ограничений целесообразно отметить отсутствие: (ж) концептуальной модели интегрального социально-экономического района на платформе искусственного интеллекта, (з) методологии эволюционного районирования [*Бланца* 2018], способствующей делимитации районов со сходной траекторией развития с помощью рассматриваемых алгоритмов, (и) центр-периферийных отношений внутри районов, без которых невозможно вычленить одно или несколько территориальных ядер посредством интеллектуального анализа.

Геоиндикационное направление (10 статей). В него выделены различные попытки использовать интеллектуальный анализ для получения новых параметров (индикаторов) территориальной организации общества. Для этого применялись SOM (4 статьи), MLP (2), CNN (2), RF (1,5) и DT (0,5). Среди таких работ имеет смысл отметить заблаговременную индикацию общественной коррупции в испанских провинциях [*López-Iturriaga, Sanz* 2018] и оценку бедности в китайской провинции Гуйчжоу [*Wu, Tan* 2019]. Основное

преимущество направления – возможность получать географические данные оперативнее, чем при использовании методов вне интеллектуального анализа. Ограничениями служат (к) узкий спектр генерируемых параметров (преимущественно социальные индикаторы), (л) относительно высокая зависимость от информационного шума и (м) отсутствие алгоритмов распознавания интегральной территориальной структуры.

Территориально-коннекционное направление (8 статей). Определение направленности и интенсивности различных потоков (товаров, информации и др.) между территориями оценивали с помощью MLP (6 статей), SOM (1), GA (0,5) и RF (0,5). Здесь можно отметить исследования, в рамках которых оценивали объем транспортных потоков между европейскими регионами [*Nijkamp et al.* 2004] и выявляли территориальную структуру внутреннего рынка авиаперевозок в США [*Yan, Thill* 2009]. Сравнение с гравитационными моделями, которые традиционно используют для моделирования пространственных взаимодействий, позволяет обозначить основное преимущество рассматриваемых алгоритмов [*Fischer* 1998] – учет нелинейных межрегиональных потоков. Развитие данного направления сдерживает отсутствие (н) детальной картографической маршрутизации потоков (обычно между двумя городами фиксируется общий трафик без его территориальных вариаций), (о) кластеризации потоков и (п) идентификации полимагистралей (каналов сосредоточения разных видов транспорта).

Заключение

Семантический поиск в библиографических базах данных позволил выявить около двух сотен статей, в которых были приведены эмпирические результаты применения алгоритмов интеллектуального анализа данных для познания территориальной организации общества. Междисциплинарный характер таких исследований (на пересечении географии, экономики, социологии, политологии и data science), их фронтирность и фрагментарность указывают на начальный этап познания. Не исключено, что дальнейшее развитие подобных работ приведет к оформлению нового интеграционного направления в рамках общественной географии или частных направлений в других науках (в пространственной экономике, социологии пространства и т.д.). Так или иначе, впервые в мировой науке по рассматриваемой проблематике зафиксировано применение ограниченного количества алгоритмов (13 при потенциале в несколько десятков методов [*Блануца* 2020; *Полетаева* 2020; *Cristianini* 2014; *Grekousis* 2019; *Haenlein, Kaplan* 2019; *Janowicz et al.* 2020]), доминирующее положение нейросетевых алгоритмов, незначительное совместное использование нескольких методов, преобладание имитационного моделирования над прогнозированием и решением оптимизационных задач, а также фокус на изучении пространственного роста городов при значительно меньшем внимании к остальным предметам исследования общественной географии. Рассматриваемые алгоритмы не применяли для изучения, например, территориально-производственных комплексов и кластеров, энергопроизводственных циклов, пространственной диффузии инноваций и экономико-географического положения. Что касается тематических направлений, то можно предположить их конвергенцию в единую методологию выявления, прогнозирования и оптимизации системы общественно-географических районов, которая необходима для целостного понимания и управления территориальной организацией общества в ходе пространственной урбанизации, территориального перераспределения и концентрации потоков вещества, энергии и информации, специализации регионов и появления новых индикаторов этих и иных – диффузионных, дисперсионных и др. – процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блануца В.И. (2018) Социально-экономическое районирование в эпоху больших данных. М.: ИНФРА-М. 194 с.

Блануца В.И. (2020) Региональные экономические исследования с использованием алгоритмов искусственного интеллекта: состояние и перспективы // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 26. № 8. С. 100–111.

Полетаева Н.Г. (2020) Классификация систем машинного обучения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Физико-математические и технические науки. № 1. С. 5–22.

Шарыгин М.Д., Столбов В.А. (2020) Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. № 1. С. 22–32.

Adamatzky A. (Ed.) (2010) Game of Life Cellular Automata. London: Springer-Verlag. 315 p.

Atluri G., Karpatne A., Kumar V. (2017) Spatio-Temporal Data Mining: A Survey of Problems and Methods // ACM Computing Surveys. Vol. 1. № 1. P. 1–37.

Basse R.M., Charif O., Bódis K. (2016) Spatial and Temporal Dimensions of Land Use Change in Cross-Border Region of Luxemburg. Development of a Hybrid Approach Integrating GIS, Cellular Automata and Decision-Learning Tree Models // Applied Geography. Vol. 67. P. 94–108.

Brabyn L., Jackson N.O. (2019) A New Look at Population Change and Regional Development in Aotearoa New Zealand // New Zealand Geographer. Vol. 75. P. 116–129.

Breiman L. (2001) Random Forests // Machine Learning. Vol. 45. № 1. P. 5–32.

Cao M., Bennett S.J., Shen Q., Xu R. (2016) A Bat-Inspired Approach to Define Transition Rules for a Cellular Automaton Model Used to Simulate Urban Expansion // International Journal of Geographical Information Science. Vol. 30. № 10. P. 1961–1979.

Carlei V., Nuccio M. (2014) Mapping Industrial Patterns in Spatial Agglomeration: A SOM Approach to Italian Industrial Districts // Pattern Recognition Letters. Vol. 40. P. 1–10.

Colantonio E., Cialfi D. (2016) Smart Regions in Italy: A Comparative Study Through Self-Organizing Maps // European Journal of Business and Social Science. Vol. 5. № 9. P. 84–99.

Cristianini N. (2014) On the Current Paradigm in Artificial Intelligence // AI Communication. Vol. 27. № 1. P. 37–43.

De Castro L.N., Timmis J. (2002) Artificial Immune Systems: A New Computational Approach. London: Springer-Verlag. 380 p.

Dorigo M., Di Caro G., Gambardella L.M. (1999) Ant Algorithms for Discrete Optimization // Artificial Life. Vol. 5. № 2. P. 137–172.

Fischer M.M., Gopal S. (1994) Artificial Neural Networks: A New Approach to Modeling Interregional Telecommunication Flows // Journal of Regional Science. Vol. 34. № 4. P. 503–527.

Fischer M.M. (1998) Computational Neural Networks: A New Paradigm for Spatial Analysis // Environment and Planning A: Economy and Space. Vol. 30. № 10. P. 1873–1891.

Gounaridis D., Chorianopoulos I., Symeonakis E., Koukoulas S. (2019) A Random Forest – Cellular Automata Modelling Approach to Explore Future Land Use/Cover Change in Attica (Greece), Under Different Socio-Economic Realities and Scales // Science of the Total Environment. Vol. 646. P. 320–335.

Grekousis G. (2019) Artificial Neural Networks and Deep Learning in Urban Geography: A Systematic Review and Meta-Analysis // Computers, Environment and Urban Systems. Vol. 74. P. 244–256.

Haenlein M., Kaplan A.A. (2019) A Brief History of Artificial Intelligence: On the Past, Present, and Future of Artificial Intelligence // California Management Review. Vol. 61. № 4. P. 5–14.

Hajek P., Henriques R., Hajkova V. (2014) Visualizing Components of Regional Innovation Systems Using Self-Organizing Maps – Evidence from European Regions // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 84. P. 197–214.

He Y., Ai B., Yao Y., Zhong F. (2015) Deriving Urban Dynamics Evolution Rules from Self-Adaptive Cellular Automata with Multi-Temporal Remote Sensing Images // International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation. Vol. 38. P. 164–174.

Henriques R., Bacao F., Lobo V. (2012) Exploratory Geospatial Data Analysis Using the GeoSOM Suite // Computers, Environment and Urban Systems. Vol. 36. № 3. P. 218–232.

Janowicz K., Gao S., McKenzie G., Hu Y., Bhaduri B. (2020) GeoAI: Spatially Explicit Artificial Intelligence Techniques for Geographic Knowledge Discovery and Beyond // International Journal of Geographical Information Science. Vol. 34. № 4. P. 625–636.

Karimi F., Sultana S., Bakakan A. S., Suthaharan S. (2019) An Enhanced Support Vector Machine Model for Urban Expansion Prediction // Computers, Environment and Urban Systems. Vol. 75. P. 61–75.

Kohonen T. (2001) Self-Organizing Maps. 3rd ed. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. 501 p.

LeCun Y., Boser B., Denker J. S., Henderson D., Howard R. E., Hubbard W., Jackel L. D. (1989) Backpropagation Applied to Handwritten Zip Code Recognition // Neural Computation. Vol. 1. № 4. P. 541–551.

Li D., Wang S., Yuan H., Li D. (2016) Software and Applications of Spatial Data Mining // WIREs: Data Mining and Knowledge Discovery. Vol. 6. № 3. P. 84–114.

Liu D., Tang W., Liu Y., Zhao X., He J. (2017) Optimal Rural Land Use Allocation in Central China: Linking the Effect of Spatiotemporal Patterns and Policy Interventions // Applied Geography. Vol. 86. P. 165–182.

Liu X., Ou J., Li X., Ai B. (2013) Combining System Dynamics and Hybrid Particle Swarm Optimization for Land Use Allocation // Ecological Modelling. Vol. 257. № 5. P. 11–24.

Liu Y., Feng Y., Pontius R. G. (2014) Spatially-Explicit Simulation of Urban Growth through Self-Adaptive Genetic Algorithm and Cellular Automata Modelling // Land. Vol. 3. № 3. P. 719–738.

Liu Y.L., Tang D.W., Kong X., Liu Y.F., Ai T. (2014) A Land-Use Spatial Allocation Model Based on Modified Ant Colony Optimization // International Journal of Environmental Research. Vol. 8. № 4. P. 1115–1126.

López-Iturriaga F.J., Sanz I.P. (2018) Predicting Public Corruption with Neural Networks: An Analysis of Spanish Provinces // Social Indicators Research. Vol. 140. P. 975–998.

Lu Y., Laffan S., Pettit C., Cao M. (2020) Land Use Change Simulation and Analysis Using a Vector Cellular Automata (CA) Model: A Case Study of Ipswich City, Queensland, Australia // Environment and Planning B: Urban Analysis and City Science. Vol. 47. № 9. P. 1605–1621.

Ma X., Zhao X. (2015) Land Use Allocation Based on a Multi-Objective Artificial Immune Optimization Model: An Application in Anlu County, China // Sustainability. Vol. 7. № 11. P. 15632–15651.

Mitchell M. (1996) An Introduction to Genetic Algorithms. Cambridge, MA: MIT Press. 158 p.

Naghibi F., Delavar M.R., Pijanowski B. (2016) Urban Growth Modeling Using Cellular Automata with Multi-Temporal Remote Sensing Images Calibrated by The Artificial Bee Colony Optimization Algorithm // Sensors. Vol. 16. № 12. e2122.

Nijkamp P., Reggiani A., Tsang W. F. (2004) Comparative Modelling of Interregional Transport Flows: Applications to Multimodal European Freight Transport // European Journal of Operational Research. Vol. 155. № 3. P. 584–602.

Psyllidis A., Yang J., Bozzon A. (2018) Regionalization of Social Interactions and Points-Of-Interest Location Prediction with Geosocial Data // IEEE Access. Vol. 6. P. 34334–34353.

Qian Y., Xing W., Guan X., Yang T., Wu H. (2020) Coupling Cellular Automata with Area Partitioning and Spatiotemporal Convolution for Dynamic Land Use Change Simulation // Science of the Total Environment. Vol. 722. e137738.

Qiu R., Xu W., Zhang J., Staenz K. (2018) Modelling and Simulating Urban Residential Land Development in Jiading New City, Shanghai // Applied Spatial Analysis and Policy. Vol. 11. P. 753–777.

Su S., Sun Y., Lei C., Weng M., Cai Z. (2017) Reorienting Paradoxical Land Use Policies Towards Coherence: A Self-Adaptive Ensemble Learning Geo-Simulation of Tea Expansion under Different Scenarios in Subtropical China // Land Use Policy. Vol. 67. P. 415–425.

Triantakonstantis D., Mountrakis G. (2012) Urban Growth Prediction: A Review of Computational Models and Human Perceptions // Journal of Geographic Information System. Vol. 4. P. 555–587.

Vapnik V.N. (1998) Statistical Learning Theory. New York: John Wiley and Sons. 736 p.

Wang S., Eick C. F. (2018) A Data Mining Framework for Environmental and Geospatial Data Analysis // International Journal of Data Science and Analytics. Vol. 5. P. 83–98.

Wang W., Jiao L., Zhang W., Jia Q., Su F., Xu G., Ma S. (2020) Delineating Urban Growth Boundaries under Multi-Objective and Constraints // Sustainable Cities and Society. Vol. 61. P. 1–12.

Wu P., Tan Y. (2019) Estimation of Poverty Based on Remote Sensing Image and Convolutional Neural Network // Advances in Remote Sensing. Vol. 8. № 4. P. 89–98.

Wylie B. K., Pastick N. J., Picotte J. J., Deering C. A. (2019) Geospatial Data Mining for Digital Raster Mapping // GIScience and Remote Sensing. Vol. 56. № 3. P. 406–429.

Yan J., Thill J.-C. (2009) Visual Data Mining in Spatial Interaction Analysis with Self-Organizing Maps // Environment and Planning B: Planning and Design. Vol. 36. № 3. P. 466–486.

Yao J., Mitran T., Kong X., Lal R., Chu Q., Shaukat M. (2020) Land Use and Land Cover Identification and Disaggregating Socio-Economic Data with Convolutional Neural Network // Geocarto International. Vol. 35. № 10. P. 1109–1123.

REFERENCES

Adamatzky A. (Ed.) (2010) *Game of Life Cellular Automata*. London: Springer-Verlag.

Atluri G., Karpatne A., Kumar V. (2017) Spatio-Temporal Data Mining: A Survey of Problems and Methods. *ACM Computing Surveys*. vol. 1, no. 1, pp. 1–37 (https://doi.org/10.1145/3161602).

Basse R. M., Charif O., Bódis K. (2016) Spatial and Temporal Dimensions of Land Use Change in Cross-Border Region of Luxemburg. Development of a Hybrid Approach Integrating GIS, Cellular Automata and Decision-Learning Tree Models. *Applied Geography*. vol. 67, pp. 94–108 (https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2015.12.001).

Blanutsa V.I. (2018) *Social'no-ekonomicheskoe rajonirovanie v epohu bol'shih dannyh* [Socio-Economic Regionalization in the Era of Big Data]. Moscow: INFRA-M.

Blanutsa V.I. (2020) Regional'nye ekonomicheskie issledovaniya s ispol'zovaniem algoritmov iskusstvennogo intellekta: sostoyanie i perspektivy [Regional Economic Research Using Artificial Intelligence Algorithms: State and Prospects]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. vol. 26, no. 8, pp. 100–111 (https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-8-100-111).

Brabyn L., Jackson N. O. (2019) A New Look at Population Change and Regional Development in Aotearoa New Zealand. *New Zealand Geographer*. vol. 75, pp. 116–129 (https://doi.org/10.1111/nzg.12234).

Breiman L. (2001) Random Forests. *Machine Learning*. vol. 45, no. 1, pp. 5–32 (https://doi.org/10.1023/A:1010933404324).

Cao M., Bennett S. J., Shen Q., Xu R. (2016) A Bat-Inspired Approach to Define Transition Rules for a Cellular Automaton Model Used to Simulate Urban Expansion. *International Journal of Geographical Information Science*. vol. 30, no. 10, pp. 1961–1979 (https://doi.org/10.1080/13658816.2016.1151521).

Carlei V., Nuccio M. (2014) Mapping Industrial Patterns in Spatial Agglomeration: A SOM Approach to Italian Industrial Districts. *Pattern Recognition Letters*. vol. 40, pp. 1–10 (https://doi.org/10.1016/j.patrec.2013.11.023).

Colantonio E., Cialfi D. (2016) Smart Regions in Italy: A Comparative Study through Self-Organizing Maps. *European Journal of Business and Social Science*. vol. 5, no. 9, pp. 84–99.

Cristianini N. (2014) On the Current Paradigm in Artificial Intelligence. *AI Communication*. vol. 27, no. 1, pp. 37–43 (https://doi.org/10.3233/AIC-130582).

De Castro L. N., Timmis J. (2002) *Artificial Immune Systems: A New Computational Approach*. London: Springer-Verlag.

Dorigo M., Di Caro G., Gambardella L. M. (1999) Ant Algorithms for Discrete Optimization. *Artificial Life*. vol. 5, no. 2, pp. 137–172 (https://doi.org/10.1162/106454699568728).

Fischer M.M., Gopal S. (1994) Artificial Neural Networks: A New Approach to Modeling Interregional Telecommunication Flows. *Journal of Regional Science*. vol. 34, no. 4, pp. 503–527 (https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1994.tb00880.x).

Fischer M.M. (1998) Computational Neural Networks: A New Paradigm for Spatial Analysis. *Environment and Planning A: Economy and Space*. vol. 30, no. 10, pp. 1873–1891 (https://doi.org/10.1068/a301873).

Gounaridis D., Chorianopoulos I., Symeonakis E., Koukoulas S. (2019) A Random Forest – Cellular Automata Modelling Approach to Explore Future Land Use/Cover Change in Attica (Greece), Under Different Socio-Economic Realities and Scales. *Science of the Total Environment*. vol. 646, pp. 320–335.

Grekousis G. (2019) Artificial Neural Networks and Deep Learning in Urban Geography: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Computers, Environment and Urban Systems*. vol. 74, pp. 244–256 (https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2018.10.008).

Haenlein M., Kaplan A.A. (2019) A Brief History of Artificial Intelligence: On the Past, Present, and Future of Artificial Intelligence. *California Management Review*. vol. 61, no. 4, pp. 5–14 (https://doi.org/10.1177/0008125619864925).

Hajek P., Henriques R., Hajkova V. (2014) Visualising Components of Regional Innovation Systems Using Self-Organizing Maps – Evidence from European Regions. *Technological Forecasting and Social Change*. vol. 84, pp. 197–214 (https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.07.013).

He Y., Ai B., Yao Y., Zhong F. (2015) Deriving Urban Dynamics Evolution Rules from Self-Adaptive Cellular Automata with Multi-Temporal Remote Sensing Images. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation.* vol. 38, pp. 164–174 (https://doi.org/10.1016/j.jag.2014.12.014).

Henriques R., Bacao F., Lobo V. (2012) Exploratory Geospatial Data Analysis Using the GeoSOM Suite. *Computers, Environment and Urban Systems*. vol. 36, no. 3, pp. 218–232 (https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2011.11.003).

Janowicz K., Gao S., McKenzie G., Hu Y., Bhaduri B. (2020) GeoAI: Spatially Explicit Artificial Intelligence Techniques for Geographic Knowledge Discovery and Beyond. *International Journal of Geographical Information Science*. vol. 34, no. 4, pp. 625–636 (https://doi.org/10.1080/13658816.2019.1684500).

Karimi F., Sultana S., Bakakan A. S., Suthaharan S. (2019) An Enhanced Support Vector Machine Model for Urban Expansion Prediction. *Computers, Environment and Urban Systems*. vol. 75, pp. 61–75 (https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2019.01.001).

Kohonen T. (2001) *Self-Organizing Maps*. 3rd ed. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.

LeCun Y., Boser B., Denker J. S., Henderson D., Howard R. E., Hubbard W., Jackel L. D. (1989) Backpropagation Applied to Handwritten Zip Code Recognition. *Neural Computation*. vol. 1, no. 4, pp. 541–551.

Li D., Wang S., Yuan H., Li D. (2016) Software and Applications of Spatial Data Mining. *WIREs: Data Mining and Knowledge Discovery*. vol. 6, no. 3, pp. 84–114 (https://doi.org/10.1002/widm.1180).

Liu D., Tang W., Liu Y., Zhao X., He J. (2017) Optimal Rural Land Use Allocation in Central China: Linking the Effect of Spatiotemporal Patterns and Policy Interventions. *Applied Geography*. vol. 86, pp. 165–182 (https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2017.05.012).

Liu X., Ou J., Li X., Ai B. (2013) Combining System Dynamics and Hybrid Particle Swarm Optimization for Land Use Allocation. *Ecological Modelling*. vol. 257, no. 5, pp. 11–24 (https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2013.02.027).

Liu Y., Feng Y., Pontius R. G. (2014) Spatially-Explicit Simulation of Urban Growth through Self-Adaptive Genetic Algorithm and Cellular Automata Modelling. *Land*. vol. 3, no. 3, pp. 719–738 (https://doi.org/10.3390/land3030719).

Liu Y. L., Tang D. W., Kong X., Liu Y. F., Ai T. (2014) A Land-Use Spatial Allocation Model Based on Modified Ant Colony Optimization. *International Journal of Environmental Research*. vol. 8, no. 4, pp. 1115–1126 (https://doi.org/10.22059/IJER.2014.805).

López-Iturriaga F. J., Sanz I. P. (2018) Predicting Public Corruption with Neural Networks: An Analysis of Spanish Provinces. *Social Indicators Research*. vol. 140, pp. 975–998 (https://doi.org/10.1007/s11205-017-1802-2).

Lu Y., Laffan S., Pettit C., Cao M. (2020) Land Use Change Simulation and Analysis Using a Vector Cellular Automata (CA) Model: A Case Study of Ipswich City, Queensland, Australia. *Environment and Planning B: Urban Analysis and City Science*. vol. 47, no. 9, pp. 1605–1621 (https://doi.org/10.1177/2399808319830971).

Ma X., Zhao X. (2015) Land Use Allocation Based on a Multi-Objective Artificial Immune Optimization Model: An Application in Anlu County, China. *Sustainability*. vol. 7, no. 11, pp. 15632–15651 (https://doi.org/10.3390/su71115632).

Mitchell M. (1996) *An Introduction to Genetic Algorithms*. Cambridge, MA: MIT Press.

Naghibi F., Delavar M. R., Pijanowski B. (2016) Urban Growth Modeling Using Cellular Automata with Multi-Temporal Remote Sensing Images Calibrated by the Artificial Bee Colony Optimization Algorithm. *Sensor.* vol. 16, no. 12, e2122 (https://doi.org/10.3390/s16122122).

Nijkamp P., Reggiani A., Tsang W. F. (2004) Comparative Modelling of Interregional Transport Flows: Applications to Multimodal European Freight Transport. *European Journal of Operational Research*. vol. 155, no. 3, pp. 584–602 (https://doi.org/10.1016/j.ejor.2003.08.007).

Poletaeva N.G. (2020) Klassifikaciya sistem mashinnogo obucheniya [Classification of Machine Learning Systems]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Fiziko-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*. no. 1, pp. 5–22.

Psyllidis A., Yang J., Bozzon A. (2018) Regionalization of Social Interactions and Points-Of-Interest Location Prediction with Geosocial Data. *IEEE Access*. vol. 6, pp. 34334–34353 (https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2850062).

Qian Y., Xing W., Guan X., Yang T., Wu H. (2020) Coupling Cellular Automata with Area Partitioning and Spatiotemporal Convolution for Dynamic Land Use Change Simulation. *Science of the Total Environment*. vol. 722, e137738 (https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.137738).

Qiu R., Xu W., Zhang J., Staenz K. (2018) Modelling and Simulating Urban Residential Land Development in Jiading New City, Shanghai. *Applied Spatial Analysis and Policy*. vol. 11, pp. 753–777 (https://doi.org/10.1007/s12061-017-9244-4).

Sharygin M.D., Stolbov V.A. (2020) Teoretiko-metodologicheskie aspekty poiska zakonov i zakonomernostej v obshchestvennoj geografii [Theoretical and Methodological Aspects of the Search for Laws and Regularities in Public Geography]. *Geograficheskij vestnik*. no. 1, pp. 22–32 (https://doi.org/10.17072/2079-7877-2020-1-22-32).

Su S., Sun Y., Lei C., Weng M., Cai Z. (2017) Reorienting Paradoxical Land Use Policies Towards Coherence: A Self-Adaptive Ensemble Learning Geo-Simulation of Tea Expansion under Different Scenarios in Subtropical China. *Land Use Policy*. vol. 67, pp. 415–425 (https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.06.011).

Triantakonstantis D., Mountrakis G. (2012) Urban Growth Prediction: A Review of Computational Models and Human Perceptions. *Journal of Geographic Information System*. vol. 4, pp. 555–587 (https://doi.org/10.4236/jgis.2012.46060).

Vapnik V. N. (1998) *Statistical Learning Theory*. New York: John Wiley and Sons.

Wang S., Eick C. F. (2018) A Data Mining Framework for Environmental and Geospatial Data Analysis. *International Journal of Data Science and Analytics.* vol. 5, pp. 83–98 (https://doi.org/10.1007/s41060-017-0075-9).

Wang W., Jiao L., Zhang W., Jia Q., Su F., Xu G., Ma S. (2020) Delineating Urban Growth Boundaries under Multi-Objective and Constraints. *Sustainable Cities and Society.* vol. 61, pp. 1–12 (https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102279).

Wu P., Tan Y. (2019) Estimation of Poverty Based on Remote Sensing Image and Convolutional Neural Network. *Advances in Remote Sensing*. vol. 8, no. 4, pp. 89–98 (https://doi.org/10.4236/ars.2019.84006).

Wylie B. K., Pastick N. J., Picotte J. J., Deering C. A. (2019) Geospatial Data Mining for Digital Raster Mapping. *GIScience and Remote Sensing*. vol. 56, no. 3, pp. 406–429 (https://doi.org/10.1080/15481603.2018.1517445).

Yan J., Thill J.-C. (2009) Visual Data Mining in Spatial Interaction Analysis with Self-Organizing Maps. *Environment and Planning B: Planning and Design*. vol. 36, no. 3, pp. 466–486 (https://doi.org/10.1068/b34019).

Yao J., Mitran T., Kong X., Lal R., Chu Q., Shaukat M. (2020) Land Use and Land Cover Identification and Disaggregating Socio-Economic Data with Convolutional Neural Network. *Geocarto International*. vol. 35, no. 10, pp. 1109–1123 (https://doi.org/10.1080/10106049.2019.1568587).

Информация об авторе

Блануца Виктор Иванович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: Улан-Баторская ул., д. 1, Иркутск, 664033. E-mail: blanutsa@list.ru

About the author

Viktor I. Blanutsa, Doctor of Sciences (Geography), Leading Research Fellow, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 664033, Irkutsk, Ulan-Batorskaya Street, 1. E-mail: blanutsa@list.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.08.2021
Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.11.2021
Статья принята к публикации / Accepted: 18.11.2021

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

БАКАЛАВРИАТ
Политология

МАГИСТРАТУРА
Политология

Преподаватели факультета – это ведущие научные сотрудники Института философии и других академических институтов РАН, известные политические аналитики и политтехнологи.

Дисциплины по направлению «Политология» являются оригинальными разработками преподавателей Института и направлены на углубление профессиональных знаний, практическую подготовку студентов и получение конкретных знаний в сфере будущей профессиональной деятельности.

Уникальность факультета заключается в том, что он единственный среди одноименных факультетов гуманитарных университетов готовит специалистов в области фундаментальной политической теории и политической философии.

Во время обучения по программе студенты на практике знакомятся как с научно-исследовательской деятельностью в различных профильных организациях (политических партиях, Фонде «Общественное мнение»), так и с коммуникационными технологиями в информационных агентствах, редакциях и студиях отечественных медиа.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).